

Бердникова Татьяна

Проклятый граф

Идеально безумный мир

Татьяна Бердникова

**Проклятый граф. Том IV.
Идеально безумный мир**

«Автор»

2020

Бердникова Т. А.

Проклятый граф. Том IV. Идеально безумный мир /
Т. А. Бердникова — «Автор», 2020

Лучшая часть цикла! Самые захватывающие приключения, самые неожиданные открытия, самое удивительное путешествие! Оказавшись в новом, созданном злым магом мире, главная героиня оказывается втянута в водоворот странных и необычных событий, оказывается поставлена перед нелегким выбором и находит поддержку в лице того, от кого не ждала ее! Какой выбор она сделает, как сумеет одолеть козни коварного мага и сможет ли вернуть мир на круги своя — обо всем этом расскажет четвертый том «Проклятого графа»! Для оформления обложки использовано изображение из личного архива автора.

© Бердникова Т. А., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	71

Татьяна Бердникова

Проклятый граф. Том IV.

Идеально безумный мир

Татьяна судорожно втянула воздух, опасаясь открывать плотно сомкнутые глаза и неловко, неуверенно пошевелила правой рукой, проверяя ее работоспособность.

Пальцы коснулись чего-то шершавого, твердого, немного влажного на ощупь и девушка, вмиг испугавшись, дернулась, опасаясь встретиться с неведомым чудовищем в подвалах хорошо знакомого, практически родного замка. Что-то смутно покатилося, и Татьяна, постепенно возвращаясь к реальности, медленно, натужно выдохнула. Просто камень... Это хорошо, камни, во всяком случае, не кусаются.

Левое плечо свело неприятной болью, и она, слабо вскрикнув, попробовала пошевелить левой рукой, дабы выправить, похоже, немного вывихнутый сустав. Рука шевелиться не пожелала, зато где-то под телом почудилось слабое движение, и девушка вновь застыла. Так-так... Камни же, кажется, шевелиться не умеют, да? А что, если здесь все-таки есть какое-то создание, может быть, не очень большое, маленькое, что-то вроде... крыс?

Вдоль позвоночника пробежал холодок, и девушка нервно задержалась, силясь понять, что придавливает ее левую руку, мешая ей шевелиться. И почему каждая попытка ее вытащить вызывает странное шевеление где-то в районе солнечного сплетения...

ТЬФУ.

Татьяна кое-как выпростала из-под себя руку и, с великим трудом сев, принялась на ощупь растирать ноющее плечо. Это же надо – не понять, что под животом шевелится твоя собственная рука, уму непостижимо!.. Видимо, она сильно ударилась головой при падении.

Кстати, при падении куда?

Девушка слегка потрясла головой и, сообразив, что до сих пор сидит с закрытыми глазами, поторопилась открыть их.

Закрыла.

Открыла еще раз.

Разницы не ощущалось совершенно – вокруг царил тьма, глухая и непроглядная, непроницаемая ни единым лучом света, могущим бы помочь ей понять, где она находится и как отсюда выбираться.

Татьяна поежилась и, все больше и больше приходя в себя, неуверенно подняла голову вверх. Где-то там, наверху, должна была оставаться искорка света – отсвет факелов, озаряющих подвал, который она столь опрометчиво покинула, поклявшись Тионе, что уходит ненадолго. Ах, а ведь та ее предупреждала, ей ведь сразу загадочная дверца показалась подозрительной! И когда только глупая хозяйка мудрой кошки начнет прислушиваться к советам своей любимицы?

Наверху царил такая же глухая тьма, что и везде. Ни капельки света, ни единого звука – ничего, что могло бы подарить хоть маленькую надежду, ничего, что могло бы успокоить и утешить перепуганную девушку.

Она сглотнула и, неуверенно махнув над собою рукой, кое-как встала, осторожно переступая по невидимым во мраке камням. Что ж, надо радоваться тому, что имеем: потолка над головой нет – это уже хорошо. Значит, она, по крайней мере, находится именно там, куда упала, и никто никуда ее не перенес.

Конечно, это не объясняет ни отсутствия света над головой, ни того, куда же она все-таки упала, но хоть что-то!

– Эй! – Татьяна опять подняла голову, крича в глухую пустоту над собой, – Эй!! Роман, Винсент! Ричард!! Кто-нибу-у-дь!

Безмолвие было ей ответом. Безмолвие и гулкое эхо собственного голоса, разнесшегося где-то под невидимыми, но, судя по всему, высокими сводами.

Девушка обняла себя руками и, хмурясь, неуверенно переступила с ноги на ногу. Стоять на одном месте, ожидая помощи, помощи, которая, быть может и не придет, было невыносимо. В сознании замелькали страшные, пугающие мысли.

А вдруг Альберт и Людовик оказались все-таки сильнее, чем защитники замка? Вдруг они сумели победить их, сделали что-то... совершенно ужасное и теперь слышать ее просто некому?..

Татьяна нервно вздохнула и, чувствуя, как душу переполняет ужас, еще раз жалобно позвала:

– Эй!..

В голову пришло совершенно глупое и неуместное соображение – если никто из друзей и родственников не отзывается (Эрика девушка не звала по совершенно объективным причинам – острым слухом ее супруг с некоторых пор не обладал и вряд ли бы услышал ее крики), то, быть может, стоит позвать на помощь родного отца?

Девушка потрясла головой. Нет, этого еще не хватало... А вдруг там, наверху, сейчас кипит жаркий бой и Альберт, услышав ее зов, сочтет это призывом срочно одолеть неприятеля? Нет уж, нет... Лучше попытаться как-нибудь выбраться из этой пугающей, давящей темноты, самой.

Она неловко повернулась, оглядываясь вокруг себя. Света нет, рассмотреть что-либо невозможно. Надежды на то, что сейчас вокруг вдруг все-таки вспыхнут факелы, тоже особенной нет – если бы они тут были, скорее всего, уже бы вспыхнули. Значит, придется двигаться наощупь...

Татьяна набрала побольше воздуха в грудь, и уже хотела, было, сделать решительный шаг, как вдруг испуганно замерла. Новая мысль, куда как разумнее и страшнее предыдущей посетила ее: камень, которого она коснулась, был влажным, а это значит... значит, что где-то здесь, скорее всего, находится подземная река. И угодить в нее было бы совсем даже не лучшим вариантом для того, чтобы покинуть этот филиал земного Ада!

Девушка осторожно присела и ощупала дорогу впереди руками. Камни, камни, камни... все влажные, но вполне устойчивые, хотя бы в относительном смысле этого слова, пригодные для того, чтобы по ним пройти и внушающие надежду, что ее не смоеет в недра земли.

Она аккуратно шагнула вперед и замерла, словно бы проверяя почву под собой на устойчивость. Почва не пошатнулась, и Татьяна, обнадеженная этим, уже куда как более уверенно сделала следующий шаг, робко шаря впереди руками.

Вокруг было пусто. Ни единой стены, ни какой-нибудь заваливающей скалы – ничего не было ни впереди, ни по бокам, и девушка, осторожно продвигающаяся вперед, начала испытывать смутное беспокойство. Куда же ее все-таки занесло на сей раз? Почему под подвалом замка имеется еще один, более глубокий и, по всему судя, более широкий подвал? И почему никто из обитателей Нормонда ей не сообщал об этом ранее? Если только никто о нем и не знал...

По коже побежали мурашки. Да, что может быть приятнее пребывания в полном одиночестве в темном, глубоком подвале, о существовании которого никому неизвестно! Интересно, они хотя бы ее хладный труп обнаружат здесь или нет?..

Где-то впереди смутно замаячила сероватая мгла, так кардинально отличающаяся от мрака вокруг, что Татьяне на мгновение почудилось, будто она ослепла. На черном фоне этот темно-серый просвет казался почти ярким, внушая в отчаявшееся сердце невероятную, почти безумную, безудержную надежду.

Девушка остановилась, медленно вдохнула прохладный, влажноватый воздух подземелья и прислушалась. Если есть свет – значит, должен быть и выход на волю, а с воли должны бы доноситься хоть какие-то звуки – чириканье птиц, жужжание насекомых, в конце концов, просто шум ветра!

Где-то далеко-далеко упала с гулким звуком капля воды, и Татьяна подпрыгнула от неожиданности. Или это дождь, или она все-таки заблуждается...

Она осторожно прошла еще несколько шагов, напряженно ощупывая дорогу, продолжая шарить перед собою руками, в надежде найти хоть какой-нибудь ориентир. Серая мгла, сгустившаяся вокруг нее, оставалась пока вполне непроницаемой, рассмотреть что-либо впереди не удавалось, но слуха неожиданно коснулся странный гул. Шум... Просто звук, который было несколько затруднительно характеризовать.

Еще пять шагов – и она неожиданно поняла, что слышит. Вода! Это шум сбегавшей откуда-то бурным потоком воды!..

Какой кошмар.

Представив, как, продолжая разгуливать по подземелью, падает с обрыва в подземную реку или водопад, Татьяна поежилась. Такого окончания невольного путешествия ей не хотелось.

Лица неожиданно коснулся нежным дыханием легкий свежий ветерок, и девушка почувствовала, как в душе ее поднимает голову надежда. До сей поры ничего подобного она не ощущала, воздух кругом был неподвижен и, к тому же, довольно плотен, как и положено воздуху в глубоком подземелье. Сейчас же ветерок, залетевший неведь откуда, почти вернул ее к жизни, вновь напоминая, что выход из подземелья все-таки есть.

Девушка глубоко вздохнула и, осторожно ощупывая дорогу перед собой, замирая перед каждым шагом, более уверенно направилась вперед.

Потекли минуты. Она шла медленно, она не хотела вдруг упасть и действительно или утонуть в подземной реке, или свалится куда-то еще глубже, пристально изучала дорогу впереди, и вдруг... споткнулась. Испуганная, взволнованная, она сделала по инерции шаг вперед и остановилась, всматриваясь в окружающую ее белесую мглу.

Та уже не казалась такой густой и, пожалуй, если бы девушка уделила побольше внимания визуальному изучению окружающей обстановки, уже некоторое время как могла бы спокойно идти, видя дорогу.

Она стояла на первой ступени крутой каменной лестницы, довольно узкой, не огороженной перилами, которая уводила куда-то вверх, туда, где мгла совсем рассеивалась, уступая место свету. Оттуда, сверху, доносился шум воды, оттуда дул ветерок, оттуда дышала жизнь, наполняя собою каменную могилу.

Татьяна, осторожно переступив с ноги на ногу, неуверенно оглянулась назад, пытаясь понять, где же она была. Определить точно это было, правда, по-прежнему затруднительно, однако, поднатужившись, она все-таки сумела различить что-то вроде большой подземной пещеры, какой-то странной шахты с неровными стенами, огромной, пугающей и совершенно темной. Как в этом мраке она сумела все-таки найти лестницу, было пока непонятно, однако, задерживаться дольше внизу и изучать этот вопрос более подробно, девушке почему-то не захотелось.

Лестница, хоть и выглядела несколько опасной, оказалась на поверку довольно крепкой и устойчивой, если не считать некоторых, немного раскрошившихся ступеней, посему подъем наверх показался Татьяне довольно приятным. Не учитывая, разумеется, сильной усталости и необходимости периодически хвататься за верхнюю ступеньку, дабы не сорваться и не полететь обратно вниз.

Подниматься пришлось высоко. Лестница иногда сворачивала, что, на самом деле, можно было даже записать ей в плюс, ибо по этим участкам передвигаться было не в пример легче;

иногда плотно примыкала к плоской стене, настолько плотно, что девушке казалось – еще мгновение и ей придется изучать основы скалолазания по отвесной горе в весьма спартанской обстановке; а порою, напротив, шла почти прямо вперед, навевая ассоциации не столько с подъемом, сколько с загадочной тропой, ведущей куда-то далеко-далеко.

Несколько раз Татьяна останавливалась и, оглянувшись назад, грустно размышляла, на каком расстоянии от нее сейчас находится гостиная, где любимые и родные люди общаются с заявившимся по их душу врагом. Да и продолжается ли еще это общение? Быть может, оно уже пришло к своему завершению, вылилось в очередную битву, а она, не имея понятия о происходящем, все еще разгуливает по таинственным подземельям, не представляя, куда идти и что делать.

Но затем налетал очередной порыв свежего ветерка, девушка приободрялась и, вооружившись надеждой, уверенно вновь продолжала путь. Ничего! Скоро она выберется из этих казематов в подземелье Нормонда, доберется до гостиной и решительно положит конец всем разборкам! В конечном итоге, враг, заявившийся к ним, никто иной, как ее отец, и это должно хоть что-нибудь да значить.

Она поднималась все выше и выше, ступени начинали казаться все более и более неровными, все более разрушенными, осыпавшимися, и в какой-то момент девушка ощутила приступ нескончаемого отчаяния. Должно быть, она никогда не доберется до верху, никогда не спасется из этого странного и страшного подземелья, должно быть...

Она сама толком не поняла, как это случилось. Она продолжала карабкаться, оскальзываясь, рискуя сорваться, ругаясь про себя, а иногда и вслух, и неожиданно вдруг почувствовала, что лестница закончилась.

Кругом было все еще довольно темно, но уже не столь жутко, как внизу; где-то совсем рядом шумела вода, сбегаящая куда-то вниз, а она стояла, наполовину высунувшись из подземелья, вцепившись пальцами в каменную, полуразвалившуюся кладку на краю спуска в него, и никак не могла осознать себя выбравшейся наружу.

Еще несколько робких и неуверенных движений окончательно вывели ее на поверхность, и девушка, наконец-то почувствовав, что стоит на чем-то более устойчивом, нежели осыпающиеся ступени, сумевшая различить над головою звездное небо, блаженно вздохнула, со вкусом потягиваясь.

Ночной ветерок, пробравшись где-то между стен, среди которых она все еще находилась, заставил Татьяну поежиться и, несколько приходя в себя, нахмурится, озираясь.

Ночь... Сколько же она блуждала, как долго бродила по темному подземелью, если уже успела наступить ночь?.. Ее, наверное, уже ищут, волнуются. Представив, с каким негодованием будет смотреть на нее Винсент, как будет ухмыляться Роман, и как будет счастлив муж, обнаружив ее живой и невредимой, девушка тихонько вздохнула. Доставлять беспокойство любимым людям ей было неприятно.

Ладно, чего уж оттягивать неотвратимое. Она еще раз осмотрелась и, обнаружив темнеющий среди неизвестных стен проем, должный знаменовать выход (или вход), заторопилась к нему. То, что находится она не в Нормонде, у девушки почему-то сомнений не вызывало. Замок, который, как ей сдавалось, пока еще не решил окончательно признать ее хозяйкой, уже казался ей родным и, пожалуй, его толстые каменные стены она бы узнала и наощупь с закрытыми глазами. Тем более, что Нормонд был сложен из темного камня, а тут кладка даже среди ночи казалась светлой.

Девушка, спешащая к выходу из непонятного сооружения даже не глядя под ноги, неожиданно наступила во что-то мокрое и испуганно отдернула ногу, опасно закачавшись на краю неизвестного водоема. Впрочем, почти сразу же и успокоилась, сообразив, что находится всего лишь на берегу не особенного глубокого, но довольно широкого и бурного ручья, берущего

начало где-то у другой стены странного строения, и вытекающего через тот самый проем, через который хотелось пройти и ей.

– Отлично, – буркнула она себе под нос и, чуть поморщившись, принялась осторожно пробираться в потемках вдоль края ручейка, надеясь не слишком замочить ноги, и искренне радуясь, что одета сейчас не в средневековое платье.

Радовало, что бегущая у ее ног вода была действительно не более, чем ручейком и, наступив она случайно в него, по крайней мере, не оказалась бы унесена бурным потоком в далекие дали. Не радовало то, что вода была все-таки мокрой и довольно холодной, а, чтобы пробраться через проход в стене, надлежало свести с ней до крайности близкое знакомство.

Татьяна обреченно вздохнула и, мысленно обещая себе в скором будущем уютный вечер у теплого камина, решительно шагнула в мелкую речушку, спеша покинуть странное строение.

Удалось ей это, надо заметить, до удивительного легко. Судьба, вероятно, утомившаяся гонять бедную девушку по подземелью, наконец сжалилась над ней и послала путь куда как более легкий, позволяя продвигаться без особых усилий.

Не прошло и минуты, как девушка, отделившись лишь промокшими до нитки ногами, наконец-то покинув непонятное каменное сооружение, уверенно шагнула вбок, избегая дальнейшего общения с ручейком и, остановившись на верхней ступени ведущей вниз лестницы, с невольным облегчением перевела дух. Правда, тотчас же и насторожилась снова, напряженно оглядываясь и смутно понимая, что подобного места ей видеть доселе не доводилось.

Она была в лесу, вероятно, в том самом густом лесу, что окружал хорошо ей известный и любимый ею замок, но, не менее вероятно, от самого Нормонда находилась достаточно далеко. Стояла она на верхней ступени лестницы, спускающейся с невысокого холма прямо в чащу, за спиной ее высилась полуразвалившаяся башенка, выстроенная неизвестно кем и непонятно зачем, а башен замка, величественно возвышающихся над лесным массивом, обычно хорошо заметных почти из любого уголка леса, сейчас видно не было.

Вдоль позвоночника пробежал озноб. Куда же она забрела, куда завело ее странное подземелье, в какие неведомые дали?.. И ведь шла, казалось бы, не слишком долго, не могла же прошагать, не заметив, многие километры, не могла уйти так далеко, что и замок стал неразличим! И, тем не менее, она его не видела.

Татьяна сглотнула и, решительно отгоняя от себя мысли о диких хищниках, толпами бродящих по темному лесу, напоминая себе, что ночью даже опасные звери должны спать, осторожно принялась спускаться вниз. Остаться и дольше рядом с неизвестно для чего предназначенной башенкой и ожидать, что на нее свалится спасение, девушке не хотелось.

Лес высился вокруг темной, пугающей громадой, деревья казались невероятно огромными, а сама чаща – непроходимой, и Татьяна, добравшись до ее опушки, на несколько мгновений замерла, всматриваясь в лесную темень. Неужели же вновь ей придется блуждать по лесу, в робкой надежде наткнуться случайно на Эрика? Неужели эти безумные путешествия, прогулки по таинственным закоулкам не менее таинственного замка так и будут преследовать ее?..

Девушка шумно вздохнула и, решительно махнув рукой, с видом умудренной опытом путешественницы вступила под густые кроны лесных исполинов. В конечном итоге – утешала она себя – лес этот она уже знает почти также хорошо, как замок, вполне может позволить себе пробраться сквозь него. И, если не удастся обнаружить наощупь Нормонд, то уж к деревне, с недавних пор официально включенной в принадлежащие ее мужу владения, должна бы выбраться. А жители ее довольно неплохо относятся к обитателям старинного замка, и ее, графиню, обязательно сопровождают домой.

Ах, как жаль, что рядом нет хотя бы Тионы! Вместе всяко было бы веселей, да и, глядишь, кошка бы и в самом деле смогла вывести ее куда надо.

Ну ладно. Татьяна помотала головой и заставила себя улыбнуться. Это даже хорошо, что Тио не полетела в пропасть вместе с ней. Она, конечно, бессмертна, но падение с такой

высоты все равно не может быть чересчур уж полезным для здоровья! Вспомнив о собственном здоровье, девушка взволнованно коснулась ладонью живота. Ой-ой. Хочется надеяться, что на ее состоянии такой полет никак не сказался.

Впрочем, никаких фатальных изменений в себе она пока не ощущала. Да и присутствие Тионы с успехом могли заменить браслет и кулон, созданные некогда загадочным магом из ее силы.

Девушка улыбнулась и, желая ощутить хоть что-то привычное, многократно отработанным жестом коснулась пальцами левой руки запястья правой.

В голове неприятно звякнуло, и земля едва не ушла из-под ног путницы. Голова закружилась, а сердце стиснул невольный страх.

Браслета на руке не было.

Ее шатало. Она шла, спотыкаясь о корни и траву, качаясь, как пьяная, налетая то одним, то другим плечом на деревья, и напряженно стискивала собственное запястье, будто надеясь, что браслет каким-то чудом появится на нем вновь. Она шла, не глядя под ноги, плохо понимая, куда и зачем направляется, шла, отчаянно боясь оставаться на месте, боясь всего и всех. Никогда в жизни она не чувствовала себе такой незащищенной. За прошедший год, за время, что браслет был на ее руке, никогда не снимаемый, постоянный, она так привыкла полагаться на него во всем, была так убеждена, что при случае он защитит ее, что сейчас казалась сама себе приговоренной к смерти.

Деревья вокруг нехотя расступались, пропуская испуганную путницу, а они почти не замечала их, утопая в собственных мыслях и пытаясь понять, как же это случилось, как могла она потерять браслет. Ведь он не мог слететь, он никогда не слетал с ее руки!.. Но, видимо, на этот раз удар при падении оказался слишком силен. И почему она не почувствовала этого раньше, почему шла вперед, уверенная, что он на ее руке? Ей даже казалось, будто она ощущает его, а теперь...

Впереди, среди деревьев, мелькнуло странноватое, непонятное сооружение, более всего напоминающее большое каменное кольцо. Татьяна не прореагировала.

Она продолжала двигаться вперед, вцепившись в собственную руку и, лишь когда оказалась возле кольца и, протискиваясь сквозь него, немного ободрала плечо, чуть-чуть пришла в себя.

Отчаиваться было нельзя, для отчаяния времени не было. Она находилась одна посреди густого леса, леса пугающего и незнакомого, как будто бы не того, что окружал Нормонд, и ей требовалась вся выдержка, на какую она только могла быть способна.

Браслет исчез, что ж, невелика потеря. В конечном итоге, все это время он причинял ей больше вреда, чем пользы, а главным ее защитником был и остается полупрозрачный кулон в виде кошачьей фигурки. Приободрившись, Татьяна глубоко вздохнула и, шагая вперед с уже несколько большей уверенностью, торопливо подняла руку.

Пальцы ее только еще коснулись шеи, как земля под ногами внезапно исчезла, проваливаясь вниз, как давеча пол в подземелье.

Девушка вскрикнула и, вновь начиная падать, поторопилась уцепиться за что-нибудь руками.

В каком-то смысле ей повезло.

Она уже практически сорвалась в новую пропасть – вторую за короткий срок! – когда под пальцами ее внезапно обнаружилась трава, и Татьяна, царапая руки, вцепилась в нее изо всех сил.

Однако, в той же степени ей и не повезло, ибо трава оказалась влажной от ночной росы, довольно скользкой, и девушка, сумевшая немного смягчить падение, все-таки сорвалась, скользя по наклонному, поросшему влажной травой склону куда-то вниз.

Место своего падения она рассмотрела в самый последний момент, и мимолетно испытала ужас. Внизу, рассекая узкую колею двумя черными полосами, змеились железнодорожные рельсы.

Склоны, окружающие их, были довольно крутыми, о том, чтобы взобраться обратно нечего было и мечтать. Татьяна, отчаянно пытаясь удержаться хоть за что-то, скользила вниз, все быстрее и быстрее, уже очень ярко и живо представляя свою гибель под колесами мчащегося поезда и, наконец упав, ударившись коленом о шпалу, испуганно вскочила, лихорадочно озираясь и прислушиваясь. Страшного шума вроде бы до слуха пока не доносилось, вокруг царил все та же ночная тишина, прерываемая редкими вскриками ночных птиц или стрекотом насекомых, но все это не могло казаться чересчур уж пугающим.

Девушка присмотрелась к рельсам внимательнее и ощутила, как облегчение огромной волной затапливает ее душу.

Дорога была заброшена. Трава, густо проросшая сквозь шпалы, кое-где плотно сплелась над ними, порою покрывая собой и сами рельсы, потускневшие от времени. Никаких следов недавних проездов на них заметно не было и, пожалуй, с этого ракурса железная дорога могла даже радовать, даруя надежду найти хоть какую-то людскую обитель.

Татьяна чуть поехала и, обняв себя руками, осмотрелась еще раз. Так, вправо или влево? Слева полотно устремляется куда-то в лесную глушь, справа виднеется темное нутро тоннеля, и не знаешь, что из всего этого пугает больше. Хотя тоннель, вне всякого сомнения, представляет собою творение рук человеческих, а значит...

Додумать девушка не успела.

На рельсы упал странный, красноватый отсвет, и округа озарилась мрачным, пугающе-кровавым светом.

Татьяна робко подняла голову и, не в силах даже вскрикнуть, с трудом сглотнула, прижимая ладонь к собственному горлу. В поднебесье огромным, ужасающим шаром висела, словно приклеенная, кроваво-красная луна.

Видеть чего-то подобного девушке еще не доводилось. Луны бывают красными, да, иногда наблюдается такое астрологическое явление, но тогда это лишь слабый оттенок, а сейчас... Сейчас луна казалась вымазанной кровью, искупавшейся в ней, и свет, ложащийся на подлунное пространство, внушал самый искренний ужас.

Где-то наверху, немного поодаль, что-то смутно зашуршало, и Татьяне вдруг почудились шаги. Испуганная луной, непонимающая, где она находится, уже опасаясь вместо друга найти врагов, она, недолго думая, метнулась вперед, к тоннелю, желая лишь скрыться там, пока неизвестный человек (а может и не человек вовсе!) не покинет это место.

До тоннеля было недалеко. Учитывая же, что передвигалась испуганная девушка бегом, не желая допускать и секунды промедления, добралась она до него довольно быстро и, пугаясь с каждым мигом все сильнее, поспешно нырнула в спасительную тень. Что ж, отсюда ее, по крайней мере, не заметят, это уже должно бы радовать. Сейчас там перестанет шуршать, шаги уйдут, и она направится дальше... Хотя, конечно, она понятия не имеет, куда дальше ей идти и что делать, но почему-то на существо, шуршащее в этом странном лесу под страшной луной, надеяться не хочется.

Впереди, примерно в том месте, куда совсем недавно она скатилась со склона, кто-то легко прыгнул на рельсы, и Татьяна испуганно вжалась спиной в стену тоннеля. Чего ему тут надо, кем бы он ни был? Преследует ее, что ли?

Зазвучали уверенные, твердые шаги, вне всякого сомнения приближающиеся, и прежде, чем девушка успела совсем попрощаться с жизнью, внезапно раздался чей-то веселый, абсолютно незнакомый голос.

*– Когда восходит красная луна,
Как кровью окропля поднебесье,
Так тяжка темная ночная тишина,
Так гибельно окружное безлесье!*

От сердца как-то сразу отлегло. Уверенная, что плохой человек никогда не станет слагать стихов, чувствуя в этих рифмованных строках что-то дружеское, что-то располагающее, Татьяна глубоко вздохнула, набираясь решимости выглянуть из своего укрытия, но не успела.

На освещенное страшным лунным светом пространство перед тоннелем легла чья-то тень, и в следующую секунду перед девушкой оказалось приятное, улыбающееся лицо молодого человека.

Прятаться дольше было бессмысленно, и путница, тихонько вздохнув, предпочла подать признаки жизни.

– Кругом, в общем-то, лес, а не безлесье.

– Не придирайся, – легко отмахнулся парень, приветливо протягивая ей руку, – Лес не ложится в рифму. Лучше давай-ка, вылезай из своего закутка на свет божий, путница. Надеюсь, ты ничего не повредила, когда падала сюда?

– Ничего себе «божий свет», – девушку слегка передернуло. Она глубоко вздохнула и, не слишком уверенно принимая протянутую ей руку, осторожно сжала ее, покидая при помощи незнакомца такое уютное убежище.

– Я в порядке, спасибо, – она вздохнула еще раз и, медленно выпуская руку незнакомца, окинула его долгим взглядом. При свете луны его в самом деле можно было разглядеть гораздо лучше, нежели во тьме тоннеля. Стало видно, что парень действительно довольно молод – на вид ему никак нельзя было дать больше двадцати пяти-шести лет, что он высок, светловолос, и волосы его не назовешь короткими – на затылке они были собраны в небольшой хвостик; стала заметна серьга колечком, покачивающаяся в его левом ухе; стало понятно, что он вполне может быть назван достаточно привлекательным, ибо открытое лицо его имело очень правильные, четкие черты, да и сам овал, чуть сужающийся к подбородку, производил довольно приятное впечатление. В целом, молодой человек вполне мог считаться симпатичным, не казался злодеем или беглым преступником, и девушка, изучившая его во всех подробностях, немного успокоилась. Единственным, что казалось ей странным, была одежда незнакомца, ибо облачен он был в самые обычные джинсы и кроссовки, но плечи его обтягивала какого-то старинного вида рубаша, подвязанная на манжетах веревочками. Сильную шею обхватывал несколько замызганный платок, и Татьяна, сопоставив в сознании весь этот наряд с серьгой в ухе и хвостиком, неожиданно подумала, что ее новый знакомый вполне мог бы быть пиратом.

Радовало, правда, то, что сама она находилась не на корабле, да и вообще общение их происходило отнюдь не в больших водах.

– Налюбовалась? – незнакомец широко, приветливо улыбнулся и неожиданно вновь схватил руку девушки в свою, изысканным движением поднося ее к губам, – Андре.

Татьяне, малость пришибленной всеми событиями, свалившимися ей на голову за последнее время, новой встречей, да и самим своим нахождением черт знает где, понадобилось несколько секунд, чтобы сообразить, что прозвучавшее имя принадлежит ее новому знакомому, а не является его предположением о том, как зовут ее.

– Очень приятно, – она вздохнула в третий раз, закашлялась, жалея, что не может сделать книксен и, приветливо кивнув, представилась, – Татьяна.

– Ну, вот и познакомились, – Андре чуть сжал напоследок ее руку и, выпустив, отступил на несколько шагов, окидывая долгим красноречивым взглядом окружающее пространство, –

Так что же ты здесь делаешь, Татьяна? Бродяжничество запрещено, если бы тебя встретил кто-нибудь другой, тебе могло бы повезти гораздо меньше.

Душу девушки затопило совершенно справедливое негодование.

– Я не бродяга! – она нахмурилась и, еле удержавшись, чтобы не топнуть, раздраженно фыркнула, – Мне есть где жить, я живу в замке! Я... просто заблудилась, вот и все.

Брови молодого человека медленно поползли вверх; рот приоткрылся.

– В замке?.. Что ты говоришь? Никто не живет в замках, мастер этого не любит. В каком еще замке ты можешь жить?

– В Нормонде, – уже не так раздраженно огрызнулась Татьяна и, глубоко вздохнув, бросила тоскливый взгляд наверх, – По идее, его башни должно быть видно, если выбраться отсюда. Я, правда, не разглядела, но может...

– Татьяна! – Андре нахмурился, всматриваясь в новую знакомую с нескрываемым подозрением, – Что ты городишь? Нормонд был разрушен много столетий назад, из ныне живущих никто и никогда не видел его башен!

Девушка почувствовала, как по спине пробежал холодок. Губы слегка дрогнули, пальцы в одно мгновение заledenели, и она невольно пошатнулась, в немом потрясении взирая на своего собеседника.

– Что... что ты... не-ет... – она попыталась улыбнуться и затрясла головой, – Нет, ты бредишь!..

– Да нет, это ты бредишь, – парень сочувственно вздохнул и, покачав головой, участливо коснулся ладонью ее плеча, – Куда ты шла? Скажи мне, быть может, я провожу тебя, куда тебе нужно...

– Я искала замок! – Татьяна, не в силах сдержаться, закрыла лицо руками, изо всех сил пытаясь сообразить, что происходит. Как Нормонд может быть разрушен много столетий, если еще сегодня утром он крепко стоял на холме, возвышаясь над лесом? Как может не существовать замка, если еще недавно она сидела в его гостиной вместе со своей семьей и общалась с неожиданно оказавшимся здесь отцом Эрика?.. В конце концов, как может не быть замка, который так сильно нужен Альберту! Альберт... Неожиданное прозрение нахлынуло на нее огромной волной, и девушка, медленно опустив руки, потрясенно воззрилась на взирающего на нее с откровенным беспокойством собеседника.

– Неужели... – губы ее дрожали, говорить получалось с трудом, – Неужели Альберт что-то... ты говоришь, замок разрушен уже много лет?

– Много веков, – Андре кивнул и кивок у него получился почти испуганным, – Ты... ты сейчас упомянула мастера?..

– Мастера? – девушка отвлеченно мотнула головой и, предпочитая не слишком задерживаться на том, что не казалось ей пока важным, хмурясь, продолжила допрос, – А как же его обитатели? Как же граф, его брат, его... – она быстро облизнула губы, – Его жена?..

Молодой человек растерянно заморгал, явственно пытаясь сообразить, о чем идет речь.

– Насколько я помню, граф был убит, а его жена и дети изгнаны из этих краев... Он осмелился бросить вызов мастеру, он не позволял ему жить в своем замке, поэтому и был наказан.

– О каком мастере ты говоришь? – Татьяна, наконец обратившая внимание на это слово, подозрительно нахмурилась, – У него есть имя?

Парень пожал плечами. По лицу его было видно, что беседует он сейчас с, вне всякого сомнения, сумасшедшей.

– Я говорю о создателе и повелителе, Татьяна, о мастере Альберте. Неужели ты так сильно ударила головой, что не помнишь даже элементарных вещей?

– Создателя и повелителя... чего? – голос сел; последние слова собеседника девушкой остались не услышаны. В голове шумело, вокруг все плыло, смазывалось и уходило куда-то в

даль, соображать и сознавать происходящее становилось с каждым мигом все сложнее и сложнее.

– Нашего мира, разумеется, – Андре фыркнул и покачал головой, – Глупенькая... Эй, ты чего?

Татьяна пошатнулась и начала медленно оседать на рельсы. События, происшедшие за сегодняшний день, все случившееся с утра, начиная с путешествия по памяти Ричарда, вдруг окружило ее, сдавливая, как прессом, мелькая перед глазами, путаясь в памяти, и девушка не выдержала. Ноги ее стали ватными, руки задрожали и, не в состоянии более выдерживать новых известий, она без сознания упала на руки поспешившего ей на помощь нового знакомого.

Лежать было твердо. Вокруг что-то смутно поскрипывало, пощелкивало, то, на чем она лежала, казалось, пошатывалось и, судя по всему, перемещалось в пространстве.

Татьяна глубоко вздохнула и открыла глаза. Над головой обнаружился не особенно высокий дощатый потолок, действительно какой-то шаткий и неустойчивый; под спиной – не менее дощатый пол, да и сама она находилась... где? В какой-то деревянной коробке? В домишке? Или в повозке крестьянина?

Послышался тихий шорох, и света неожиданно стало больше.

Девушка, упершись ладонями в пол позади себя, кое-как села и оглянулась через плечо. Ее новый знакомый, заглядывая в ее странную обитель, отдернув какую-то тряпку, играющую роль занавески, с облегчением улыбнулся.

– Ты очнулась! О, хвала богам, а я уже совсем испугался. Ты, должно быть, все-таки сильно ударились, когда падала – просто так сознание не теряют.

– Просто так не теряют... – пробормотала Татьяна и, тяжело вздохнув, повернулась лицом к своему собеседнику, – Где я?

– У меня в повозке, – легко отозвался молодой человек, – Я подумал, что оставлять тебя лежащей без сознания на рельсах не слишком по-джентльменски, к тому же, предлагал тебя подвезти... Правда, не знаю, надо ли тебе в Кале, но в городе в любом случае находится удобнее, чем в лесу.

– Кале?... – девушка потрясла головой, с некоторым трудом припоминая карту Франции, – А... А, это порт, да?

– Да... – Андре, несколько растерянно моргнув, покрутил головой и неожиданно отвернулся, обращая внимание на дорогу, – Там, наверное, тебе будет проще найти какое-нибудь место, где ты бы могла остановиться, пока... Скажи, у тебя есть какие-то родственники? Друзья? Хоть кто-то, к кому ты могла бы обратиться?

Татьяна дернула уголком губ и, опустив взгляд, пожала плечами.

– Уже не знаю. Скажи... Ты говорил, замок был уничтожен, а граф убит, да? – возница, глядя вперед, кивнул, и девушка продолжила, – А что с его детьми? Его старший сын, Эрик, должен был наследовать отцу, у него еще был брат, Роман... В конце концов, ты никогда не слышал о людях по имени Винсент или Ричард?

– Ричард? – Андре быстро оглянулся через плечо, и чуть приподнял брови, – Ты имеешь в виду лорда Ричарда?

Девушка, и без того сидящая на полу повозки, едва не упала навзничь. Ричард ей был известен с некоторых пор как баронет, но чтобы лорд!.. Такого она как-то не ожидала.

– Лорд... Ричард? – он нервно облизала губы, и на всякий случай уточнила, – Лэрд?..

Собеседник ее спокойно кивнул и, пару раз щелкнув языком, чуть-чуть подогнал мирно тянущую повозку лошадь.

– Ну да, лорд Ричард. Один из самых преданных людей мастера и, должен сказать, один из самых опасных... – он непроизвольно поежился, – Не хотелось бы мне оказаться у него на пути.

Татьяна растерянно моргнула. Ричард! Опаснейший из всех людей Альберта, но как, как? Чтобы Ричард вновь связался с бывшим хозяином, особенно теперь, после того, как нашел, встретил, вспомнил своих племянников?.. Нет, такого просто не может быть. Если, конечно, он вновь не забыл их...

Девушка закусила губу и принялась бездумно водить пальцами по полу вокруг себя.

Это место не похоже ни на что, виденное ей прежде. Здесь нет Нормонда, который никак не может быть разрушен, просто потому, что не может, потому что он крепкий, большой замок, и он существовал еще утром! Здесь был убит Анри, а жена его и дети изгнаны из этих мест после разрушения замка. Здесь Ричард – лорд, опасный человек, состоящий на службе у своего злейшего врага! Здесь воспрещается жить в замках, здесь запрещено бродяжничество, здесь есть мастер Альберт, которого называют повелителем и... создателем.

Татьяна вздрогнула и вскинула голову, ошарашенно созерцая шаткий потолок над собой. Создатель, он создатель этого мира! Это другой, не ее, это чужой мир, мир ее отца, мир созданный им в соответствии с какими-то извращенными фантазиями!

И она, помнящая о существовании другого, нормального мира, вероятно, оказалась незапланированной гостьей в нем.

И что же теперь делать? Как исправить все, что натворил отец, как найти друзей и родственников? Ах, был бы хоть след какой, чтобы мог привести ее к ним...

Она продолжала водить пальцами по полу. Шершавые доски легонько цепляли нежную кожу, так и норовя оставить на память о себе занозу, пол поскрипывал в такт трусце лошади, что-то по нему шуршало, перекатывалось и наконец, совершенно неожиданно, коснулось ее пальцев.

Девушка нахмурилась и, машинально поймав неизвестный предмет, чуть приподняла его, дабы рассмотреть.

Андре, пока не обращающий на нее внимания, был всецело занят тем, чтобы уговорить свою лошадку провезти возок по не слишком широкому мостку через какую-то речушку, и Татьяна временно оказалась предоставлена сама себе.

Она чуть-чуть подалась вперед, ближе к свету и, подняв неизвестный предмет еще выше, наконец получила возможность его разглядеть.

Пальцы мигом похолодели, губы задрожали. Все тело как будто оцепенело, она не могла шевельнуться, и только продолжала, приоткрыв рот, смотреть и смотреть на то, что сжимала в руке.

Это был перстень. Тяжелый, массивный мужской перстень, увенчанный редкой красоты опалом, по поверхности которого как будто плыли облака.

Не веря себе, опасаясь поверить, не понимая, радость или печаль сулит ей неожиданная находка, Татьяна осторожно повернула кольцо и, заглянув внутрь него, с холодеющим сердцем прочла тонкую надпись, гравировку: «Semel hic sol lucebunt^{1*}».

Ошибки быть не могло. Она слишком хорошо знала этот перстень, слишком пристально изучала его в свое время, чтобы допустить ее возможность.

Пальцы ее сжимали ничто иное, как кольцо Винсента, найденное им в избушке Рейнира, кольцо, которое хранитель памяти, посчитав его безвредным, надел и носил, практически не снимая.

Татьяна сглотнула и, покосившись на спину наконец убедившего лошадь в том, что ручей не кусается, Андре, торопливо и осторожно спрятала драгоценную находку в карман джинсов.

¹ * «Однажды здесь засияет солнце» (прим. автора)

– Ты рассказал про Ричарда, – она попыталась заставить себя говорить как можно спокойнее, – А что насчет человека по имени Винсент? Он мой друг, и может быть, ты бы мог подсказать...

Молодой человек равнодушно пожал плечами.

– Среди моих знакомых такого человека я не помню. Это имя вообще довольно редко встречается в наших краях, твоего друга, должно быть, будет не трудно отыскать даже в большом городе.

– Он не просто мой друг, – девушка, сдерживая некоторое раздражение от столь очевидной лжи (в конце концов, кольцо-то Винсента в повозке у этого парня откуда-то взялось, значит, и владельца его он должен был бы знать!), глубоко вздохнула, сцепляя руки в замок, – Он мой родной дядя... Скажи, а тебе не приходилось что-нибудь слышать о человеке по имени Эрик? По идее, он должен находиться не слишком далеко от вашего «мастера» Альберта, так что...

– Эрик? – Андре, оглянувшись через плечо, нахмурился, одаряя собеседницу нескрываемо подозрительным взглядом, – Рядом с мастером?.. Его окружает много народа, я даже не могу вспомнить... – он неожиданно замер, пораженно приоткрыв рот и пару раз ошарашенно моргнув, – Если только... погоди, ты говоришь о сыне того глупого графа, что осмелился пойти против мастера?? Том парне, которого мастер хотел обратить в какое-то существо, а теперь почему-то держит в плену? Это его ты имеешь в виду, да?

– Видимо, да, – Татьяна немного наклонила голову набок, всматриваясь в возницу и отчаянно пытаясь утаить собственное, все нарастающее подозрение, – Андре... а откуда ты знаешь, что Альберт способен обратить кого-то во что-то?

Молодой человек едва не упал с козел, на которых восседал довольно уверенно. Лошадка, видимо, почувствовав неуверенность хозяина, взбрыкнула и понеслась весьма неровным аллюром по всем встречным кочкам.

– Эй-эй, тише-тише! – заволновался парень, немного натягивая поводья и сдерживая пыл ретивой кобылки. Затем вновь оглянулся через плечо на девушку, и в откровенном обалдении покрутил головой.

– Татьяна... Откуда ты свалилась, с луны? О великой силе мастера знают все, он любит, когда его превозносят как величайшего среди магов! Как ты можешь задавать мне такие глупые вопросы, о чем ты думаешь? Или ты и вправду пострадала сильнее, чем я предполагал, когда упала на рельсы?

– Я немножко не местная, – буркнула в ответ обвиненная не то в безумии, не то в амнезии девушка и, слегка насупившись, передернула плечами, – Поэтому не совсем в курсе того, что происходит здесь... у вас. Расскажи мне о мастере.

– Не местная! – Андре фыркнул, уверенно поворачивая лошадь на более ровную и прямую дорогу, и покачал головой, – Ты с другой планеты, что ли, сюда явилась? Мастер правит всем миром, нет областей, где бы о нем не слышали. Мастер велик, он безмерно силен, с его силой не сравнится никто и ничто! Мастер, он... – парень на мгновение призадумался, а затем с выражением продекламировал:

– *Он маг от рождения и от природы,*

Величьем стремится достигнуть небес... – взгляд его упал на ощутимо помрачневшую и даже сникшую от этих слов спутницу, и молодой человек, вздохнув, поспешил немного сменить тему:

– *...но даже и эта хвалебная ода*

Не может украсить собой этот лес.

– Ода же не гирлянда, чтобы лес собой украшать, – сварливо отозвалась Татьяна и, сама тяжело вздохнув, попыталась рассмотреть где-то над плечом Андре, среди деревьев, уже ощу-

тимо посветлевшее небо. Вспомнив о том, что теряла сознание она глубокой ночью, под кроваво-красной луной, девушка неожиданно испытала чувство вины.

– Неужели мы едем уже целую ночь? – она обеспокоенно покосилась на вполне жизне-радостного возницу, – Ты не устал?

– Спасибо за заботу, – молодой человек, вновь оглянувшись через плечо, быстро подмигнул ей, и опять устремил внимание на дорогу, – Но я не хочу отдыхать. Править лошадей, сидя на кóзлах повозки не так уж и утомительно, а до Кале я хочу добраться до темноты. Я знаю короткую дорогу к порту, ехать нам осталось всего несколько часов... Так что можешь пока развлечь меня своими странными вопросами, постараюсь ответить на них, если смогу.

Девушка примолкла. Предложение задавать интересующие ее вопросы еще издавна вызывало у нее ступор и некоторое смятение, ибо вопросов было или слишком много, и выбрать какой-то один было чрезвычайно затруднительно, или же, напротив, чрезвычайно мало и придумать что-нибудь дельное никак не удавалось.

Она вновь вспомнила о своих друзьях, о не так давно обретенном дяде, о любимом муже, судя по всему, томящемся в застенках у Альберта и, вздохнув, покачала головой. Спрашивать, каким образом можно найти хоть кого-то из них, было, наверное, довольно глупо, тем более, что сильного доверия к своему спутнику после того, как нашла в его повозке кольцо Винсента, Татьяна уже не испытывала. Опять расспрашивать об Альберте она не видела смысла – то, что отец в созданном им мире постарался максимально превознести собственную персону, было уже совершенно очевидно.

Пожалуй, только один вопрос еще мог бы получить ответ, хотя, конечно, необязательно исчерпывающий. Велика вероятность, что Андре снова выскажется в том смысле, что подобное явление в этом мире в порядке вещей и изумиться ее неосведомленности.

– Почему луна вчера ночью была такой... – она поежилась, – Такой странной? Страшной...

Андре равнодушно пожал плечами.

– Говорят, ее окрашивает кровь магов, рискнувших пойти против мастера, но я не верю в эти байки. Ходят слухи, будто мастер велит убивать всех магов, какие только существуют в мире, чтобы кроме него на земле их не осталось, но, по-моему, их распускают те, кто недоволен им. Как по мне, луна красная просто потому, что красная, потому что небу захотелось так, только и всего. Я не считаю мастера ангелом, но и винить его во всех грехах мира не намерен.

Старания Андре оправдали себя даже больше, чем он рассчитывал. В Кале они оказались еще засветло, за несколько часов до наступления сумерек, и молодой человек, сам искренне изумленный скоростью своей повозки, сознался, что надеялся прибыть только ранней ночью. Впрочем, тому, что на месте они оказались прежде, чем предполагалось, он был искренне рад, а заодно и порадовался за Татьяну, уверив, что бродить по улочкам Кале при свете дня куда как безопаснее, чем во мраке ночи.

– Но все-таки будь осторожнее, – он быстро оглянулся по сторонам, затормозив в конце не очень оживленной улочки и, понизив голос, немного склонился к собеседнице, – Поговаривают, что сам лорд Ричард в последнее время нередкий гость в портах Франции. Не знаю, что он ищет здесь, но, Татьяна, заклинаю: если вдруг нарвешься на него – попытайся ничем не привлекать его внимания! Лорд Ричард очень опасный человек, и ты, девушка, которая ничего не помнит об элементарном устройстве мира, можешь внушить ему подозрение.

– Спасибо, Андре, – Татьяна, у которой при мысли о встрече с Ричардом как-то сразу посветлело на душе, мягко и благодарно улыбнулась, – Но, честно говоря, я не думаю, что Рик причинит мне вред. Он...

– Никогда не называй его так! – в темных глазах молодого человека отразился откровенный ужас, – Ты что! Лорд Ричард ненавидит, когда его имя как-то изменяют, коверкают, за это расплатой может быть смерть! Он очень гневлив, вспыльчив, не надо без нужды провоцировать его, ты можешь серьезно пострадать из-за своей опрометчивости!

– Да ладно, ладно... – девушка, совершенно не подозревавшая, что ее старый добрый друг способен вызвать в ком-нибудь такой страх, несколько растерялась, – Не буду я так называть его, буду соблюдать осторожность. Слушай, Андре, а ты не мог бы мне сказать... Ну, не знаю, может быть он, конечно, скрывается, но вдруг тебе известно... Где находится Альберт?

– Меня поражает то, с какой легкостью ты произносишь имена таких людей, – Андре изумленно покрутил головой, – Имя мастера под запретом, его не смеют произносить даже самые приближенные к нему люди, его надлежит именовать не иначе как «мастер». А где его найти известно всем – мастер обитает в Лондоне, в Англии, там у него есть замок. Единственный замок во всем мире, роскошный и прекрасный, как сон... – парень прикрыл глаза и мечтательно улыбнулся, – Ах, Англия... – он мотнул головой и внезапно вновь принялся декламировать:

*– О, Англия, туманный Альбион,
Обласканный осенними ночами!
Святых соборов колокольный звон
Предстанет перед нашими очами...*

– Ты, я смотрю, очень любишь сочинять стихи обо всем, что видишь или слышишь, – Татьяна быстро улыбнулась своему лирично настроенному собеседнику, и все-таки не удержалась, – Только вряд ли звон колоколов может предстать перед очами. Он все-таки не видим, а скорее слышим...

– Перестань придирааться, – Андре чуть поморщился и, вздохнув, неожиданно помрачнел, – Что же, кажется, настала пора прощаться. Был очень рад познакомиться с тобой, Татьяна, и, знаешь... Если тебе не удастся найти здесь пристанище или обнаружить случайно кого-то из своих друзей, найди меня. В портовых тавернах меня знают, укажут тебе, а я постараюсь быть тебе максимально полезным, – он обезоруживающе улыбнулся, – Очень надеюсь, что мы еще встретимся.

Девушка, отметив про себя слово «таверны» должно бы в большей степени соответствовать несколько более раннему веку, нежели тот, в котором она, как хотелось надеяться, находилась, быстро благодарно улыбнулась и, поднявшись с пола повозки, принялась выбираться из нее. Лишь завершив сие акробатическое упражнение, спрыгнув на землю и почувствовав себя более или менее устойчиво, она кивнула, встречаясь на прощание взглядом с оказавшимся столь добрым, и столь подозрительным парнем.

– Спасибо тебе большое за помощь, Андре, и за предложение помочь в дальнейшем... Но я все-таки надеюсь, что мне удастся решить свои проблемы самостоятельно. Что-то подсказывает, что на улицах этого города я смогу найти помощь... – уточнять, что помощь должны звать Ричардом, девушка не стала и, изо всех сил изображая уверенность, продолжила, – Ну, а если не получится, обещаю, что разыщу тебя. До встречи!

– До свидания, – задумчиво отозвался парень и, еще раз вздохнув, покачал головой, мягко трогая поводья. Лошадка, постоявшая несколько минут, уверенно потянула повозку вперед.

Татьяна отступила немного в сторону и, проводив удаляющийся экипаж и управляющего им человека долгим взглядом, задумчиво улыбнулась чему-то, после чего отвернулась и окинула долгим взором улочку, на которую ее теперь забросила судьба.

В голове тенью промелькнула мысль, что, быть может, отпускать единственного знакомого в этом странном мире, если, конечно, она не ошибается, и это действительно мир, созданный Альбертом, не стоило, что, возможно, надо было попросить у него больше поддержки,

воспользоваться его предложением помощи... Но теперь уже было поздно. Андре уехал, выразив смутную надежду на скорую встречу, и она, оставшись в совершеннейшем одиночестве на улице незнакомого ей города, абсолютно не представляла, с чего начать поиски. Не ходить же, в самом деле, от прохожего к прохожему с глупым вопросом, не видели ли они где-то «во-от такого парня с во-от такими волосами» или «во-от такого мужчину», отчаянно надеясь, что по ее описанию будет узнан и обнаружен хоть кто-то из друзей!

Татьяна тихонько вздохнула и, отчаянно пытаясь собрать мысли вместе, побрела вдоль улочки, неприязненно косясь по сторонам. Здесь было довольно чисто, вполне респектабельно, но до такой степени странно, что ее порою просто пробирала дрожь. Мостовая, по которой она продвигалась, была вымощена на старинный лад булыжником; маленькие, захудалые домишки спокойно соседствовали с элитными многоэтажками, а рядом с аккуратно припаркованными автомобилями хладнокровно паслись на газонах, по которым, скорее всего, воспрещалось ходить, лошади. Стояли повозки, в некоторые кони были впряжены, в некоторые нет, те же повозки раскатывали во все стороны по проезжей части улицы, совсем рядом с одетыми удивительнейшим образом прохожими. Здесь спокойно можно было увидеть девушку в пышной юбке с кринолином и джинсовой куртке сверху, или молодого человека в камзоле и кроссовках; здесь люди казались почти что клоунами, но сами на себя производили вполне нормальное впечатление, и Татьяна, окинув взором одну из проходящих по тротуару девушек, облаченную в средневековое изысканное платье и тяжелые, почти солдатские ботинки, тихонько вздохнула, вспоминая собственный наряд, в каком она щеголяла в восемнадцатом веке.

Какой-то гражданин, удерживая в одной руке поводья и восседая на козлах повозки, оживленно болтал по мобильному телефону, другой, наряженный как средневековый крестьянин, весело обсуждал с приятелем достоинства Интернет-провайдера.

У девушки начала кружиться голова. Она шла, косясь на людей с подозрением, почти со страхом, не понимая ничего и, в то же время, понимая все.

Это был странный, очень странный мир. Мир, о котором мечтал Альберт, мир, который, как он признался когда-то, был по его представлению идеальным – технологии современности и нравы средневековья, прекрасно уживающиеся рядом друг с другом.

Татьяна покачала головой и, понимая, что в глазах местных аборигенов она выглядит необычно, коль скоро одета без средневековой вычурности, а в совершенно нормальном современном стиле, опустила взгляд, немного прибавляя шаг и стараясь не смотреть по сторонам.

Что там Андре говорил насчет того, что лорд Ричард порою бродит по портовым городам? Ох, она сейчас была бы счастлива встретить, пожалуй, даже Чеслава или Анхеля, а может быть и Людовика, лишь бы только увидеть среди чужих лиц одно знакомое! Надеяться же на то, что ей повезет столкнуться с самим господином лордом, наверное, не стоит – ведь далеко не факт, что он бродит именно по этому городу и именно сейчас.

Девушка свернула на какую-то улочку, с одной стороны огороженную забором, за которым зеленело что-то не совсем внятное и, продолжая сумрачно размышлять о своей горькой судьбе, уверенно пошла вперед, без особой охоты поднимая взгляд.

И почти сразу замерла, изумленная, потрясенная, счастливая и растерянная одновременно, во все глаза глядя вперед.

Народу на этой улочке было мало. Собственно говоря, людей здесь вообще не наблюдалось, за исключением одного молодого, высокого, черноволосого мужчины, облаченного в кожаную куртку, который уверенно шагал на некотором расстоянии от Татьяны.

– Рик... – девушка на миг задохнулась и, бросаясь вперед, почти не контролируя себя, во все горло выкрикнула, – Рик! Ричард!!

Мужчина, на первый оклик решительно не прореагировавший, остановился, удивленно оглядываясь через плечо. Чудилось, что подобное фамильярное обращение ему было внове, а уж от девушки он такого тем более не ожидал.

– Здравствуй, девушка, – новоявленный лорд спокойно улыбнулся, окидывая запыхавшуюся Татьяну, как раз приблизившуюся к нему, заинтересованным взглядом, – Ты звала меня?

– Да... – девушка, которой почудилось, что на нее вылили ведро холодной воды, замерла, недоверчиво улыбаясь, – Рик... это же я.

На чело ее собеседника напозла грозовая туча; в глазах засверкали гневные молнии.

– Я не люблю, когда мое имя изменяют подобным образом, – в голосе его зазвенели нотки тщательно сдерживаемого гнева, – Что ты хотела?

– Ричард... – Татьяна, ощущая, как сердце сжимает обруч ледяного страха, недоверчиво повела подбородком из стороны в сторону, – Пожалуйста... перестань делать вид, что мы не знакомы...

– Делать вид? – Лэрд насмешливо изогнул бровь, – Я впервые тебя вижу, девушка! А впрочем... – он окинул ее быстрым взглядом с головы до ног и, ухмыльнувшись, уверенно шагнул ближе, – Не отказался бы познакомиться. И чем ближе, тем лучше.

– Нет... – девушка, совершенно потрясенная, ошеломленная такой встречей, рефлекторно отступила, на деле почти и не услышав слов мужчины, и чуть покачала головой, – Нет, не правда... Рик... Пожалуйста, скажи, что ты просто глупо пошутил, что на самом деле ты меня знаешь! Все, что было между нами, все что мы пережили... Как ты можешь говорить, что мы не знакомы с тобой?! Умоляю, Ричард, мне страшно!..

Собеседник ее, внимательно выслушавший все мольбы девушки, вновь нахмурился. Опять услышанное столь нелюбимое им сокращение его имени вызвало новую вспышку гнева в душе лорда, и сдерживать себя, скрывать негодование он решительно не желал.

Он сделал еще шаг вперед и, грубовато, очень резко схватив собеседницу повыше локтя, дернул к себе, приподнимая кончиками пальцев другой руки ее подбородок.

– Я сказал, что не люблю, когда мое имя изменяют. Не знаю, кто ты и что должны значить твои слова, но поведение твое мне не нравится, девочка, поэтому сейчас ты пойдешь со мной, и я научу тебя хорошим манерам!

Татьяна дернулась, пытаясь высвободиться из крепкой хватки. Страх, о котором она только что говорила, вдруг стал реальным, затапливая собою всю ее душу, все ее существо, заставляя дрожать и трепетать. Стали понятны слова нового знакомого, утверждающего, что лорд Ричард – опасный человек, стала очевидна их истинность.

Она дернулась еще раз, чувствуя, как новоявленный лорд сильнее стискивает ее руку и, вскрикнув от боли, уперлась ладонями ему в грудь.

– Отпусти! Пусти меня, мне больно, пусти!

Неизвестно, как бы прореагировал Ричард на ее попытки. Неизвестно, чтобы он сделал, каким образом попытался бы привить грубиянке хорошие манеры, как повел бы себя, если бы смог выполнить свое намерение и оттащить ее туда, куда планировал. Неожиданная помеха, голос, безумно знакомый Татьяне, заставивший ее сердце поначалу испуганно сжаться, а затем радостно заколотиться, не позволил ему выполнить своих намерений, вынуждая испытывать злость еще большую, чем прежде. Злость безумную и, одновременно, бессильную...

– Эй, – молодой голос, спокойный, хладнокровный, послышавшийся из-за спины оборотня, заставил его удивленно приподнять брови, – Девушка, кажется, просила отпустить ее.

Ричард обернулся, нарочито медленно, с неторопливой неотвратимостью, давая возможность опрометчиво влезшему в его дела человеку сполна прочувствовать нависшую над его головой опасность, и насмешливо воззрился на сидящего прямо на асфальте, привалившись спиной к заборчику, расслабленно вытянувшего руки и уложившего их на колени согнутых ног, юношу.

Опасным парень не выглядел, даже наоборот – по сравнению с лордом, он, худой, высокий, совсем еще молодой, казался настолько слабым, что Ричарду стало смешно.

– Твое-то какое дело, щенок? – он ухмыльнулся и, махнув в сторону нового собеседника рукой, предпочел не уделять ему особого внимания, – Побереги свою жизнь, вместо того, чтобы вмешиваться в мою.

Юноша вздохнул и, запрокинув голову, печально воззрился на небо. Темно-русые волосы его, чуть растрепавшись, зазолотились на солнце; в зеленых глазах заплясали нескрываемо дьявольские искры.

– Какой глупый песик... – задумчиво проговорил он и, широко, насмешливо улыбнувшись, медленно вновь вернул голову в надлежащее положение, по-прежнему не планируя подниматься на ноги, – Последний совет, несчастный, – отпусти девочку. Побереги свою никчемную собачью жизнь, не спорь со мной.

Татьяна, в душе которой каждое слово, каждый взгляд на этого юношу отдавался радостным трепетом, внезапно заволновалась. О том, что молодой человек, находящийся сейчас перед ней, человек, в этом перевернутом мире, судя по всему, занимающий скорее ее сторону; невзирая на свою комплекцию, довольно силен, чтобы справиться даже с удерживающим ее мужчиной, она была осведомлена прекрасно, но... В то время, когда он побеждал Ричарда, тот не был таким, как сейчас.

– Луи... – она, с трудом вывернувшись, немного выглянула из-за спины все больше и больше закипающего оборотня, настороженно глядя на парня и, чуть кивнув на держащего ее мужчину, предупредительно добавила, – Он опасен...

На губах юноши молнией сверкнула широкая, жизнерадостная улыбка и, более не желая тянуть время, он легко вскочил на ноги, пожимая худыми плечами.

– А я еще опаснее! – он весело подмигнул девушке и, окинув задумчивым взглядом молчащего лорда, насмешливо покачал головой, – Гораздо опаснее того, кто слишком много думает, прежде, чем выполнить приказ. Что такое, Рикки? Уже забыл, как слушаться хозяина?

– Мальчишка! – Ричард, взбешенный просто до крайности, на мгновение стиснул руку Татьяны так, что та взвизгнула от боли, – Кто ты такой, чтобы так со мной говорить?!

– Я? – молодой человек изобразил мгновенное удивление и, чуть приоткрыв рот, поднял глаза к небу, будто вопрошая у него ответ, но в следующий миг уже вновь улыбнулся, склоняя голову набок, – Людовик. А ты сильно забывчив, да, песик? Уже запомнил, как дядя Луи любит ломать твои хрупкие косточки?

Татьяна глубоко вздохнула. Отчаяние, затопившее ее некоторое время назад, когда она поняла, что Ричард и в самом деле не знает, не помнит ее, сменилось абсолютным счастьем теперь, когда она увидела, услышала, что здесь, в этом странном месте, в этом мире, все-таки есть еще кто-то кроме нее, кто сохранил память о прошлых событиях. Людовик помнил все, в этом не могло быть никаких сомнений – он помнил все свои прошлые стычки с этим оборотнем, помнил свои победы над ним и сейчас, явно не опасаясь его, готов был защитить девушку, с которой прежде был по разные стороны баррикад.

– Ну, так что же? – продолжал, тем временем, Луи, расслабленно сунув руки в карманы, – Ты будешь хорошим песиком и отпустишь бедную девочку, не совершив насилия над ней, или мне все же придется напомнить тебе о правилах приличия?

Ричард медленно потянул носом воздух, явственно пытаясь успокоиться. Сила была на его стороне, он был в этом уверен – в конце концов, будучи не просто оборотнем, но и доверенным лицом Альберта, он, помимо силы как таковой, держал в своих руках еще и власть. Ввязываться в уличную драку должно было быть ниже достоинства лорда, ему надлежало разрешать конфликты иными способами, но для этого надо было взять себя в руки.

– Ты будешь казнен, – довольно холодно уведомил он собеседника и, демонстративно тряхнув девушку, бросил на нее быстрый неприязненный взгляд, – И все из-за девчонки, к которой даже не имеешь отношения. Дурак.

– Она – жена моего брата, – Людовик, судя по всему, совершенно не расстроенный обещаниями скорой казни, да и пренебрежительной характеристикой его персоны, равнодушно пожал плечами, – И я не хочу, чтобы она общалась с другими мужчинами. Понимаешь, песик, я, как родственник, желаю счастья своему брату, поэтому вынужден заботиться и о его жене... Отпусти ее, – в голосе его появились металлические нотки. Луи, сам не отличающийся терпением, явственно начинал тяготиться бесконечной болтовней.

– А ты заставь меня, – Ричард ухмыльнулся и демонстративно немного вытянул руку, которой удерживал Татьяну, – Вот девчонка, вот я. Давай, сопляк, попробуйся...

Закончить он не успел. Людовик, не любящий очень сильно оттягивать момент драки, испытывающий просто-таки особую приязнь к своему нынешнему собеседнику, оказался быстр, как молния. В одно мгновение он выдернул из кармана руку и что-то метнул в противника.

Свистнуло в воздухе резиновое колечко, настолько твердое, что даже Роман в свое время не сумел его сжать, и оборотень взвыл, против воли разжимая пальцы и прижимая к себе перебитую руку.

Татьяна, предпочитающая сейчас не думать, а действовать, поспешно наклонилась и, подобрав с асфальта упавший на него эспандер, со всех ног бросилась к Людовику, из двух зол выбирая то, что в данный момент заступалось за нее.

Луи, приняв из ее рук свою любимую игрушку, быстро улыбнулся, и вновь перевел взгляд на тяжело дышащего и яростно взирающего на него лорда Ричарда. Затем подкинул эспандер на ладони и, поймав его указательным пальцем, насмешливо покрутил на нем.

– Ну что, Рикки, продолжим разминку? – он широко ухмыльнулся и, сжав и разжав кулак другой руки, нарочито грустно добавил, – Я так давно не ломал тебе нос, что меня прямо тоска разбирает. Как насчет отправится на больничную койку на пару-тройку недель? О девушке я позабочусь, можешь не волноваться.

– Сопливый щенок!! – оборотень, совершенно взбешенный, вскинул голову, скрежеща зубами, – Я разорву тебе глотку, мелкая тварь!!

Людовик сочувственно прищелкнул языком и, опустив руку, принялся покачивать эспандер на согнутом указательном пальце.

– Да тебе и вправду в больницу надо, собачка. Нервишки подлечить давно пора бы, да и от наивных ожиданий хорошо бы избавиться... Ладно уж, так и быть. После того, как переломаю тебе все кости, вызову неотложку.

Татьяна, замершая за его спиной, тихонько вздохнула. То, что Луи заступался за нее, защищал ее от разозленного оборотня, конечно, не могло не радовать, но проявляемая юношей кровожадность девушке не нравилась. В конечном итоге, как бы ни было здесь все перевернуто и поставлено на уши, Ричард все-таки приходился Людовику дядей, о чем тот, судя по всему, даже не подозревал и позволять родственникам слишком сильно ссориться ей не хотелось.

– Луи... – негромко подала она голос, не дожидаясь ответа Ричарда, – Не надо увлекаться, пожалуйста.

Молодой человек, молодой маг, как было прекрасно известно ей, быстро оглянулся на нее через плечо и, поморщившись, безо всякого энтузиазма воззрился на потенциального противника.

– Что поделаешь, не могу отказать даме. Тем более, когда связан с ней родственными узами... Тебе повезло, песик – ты останешься жив. Благословляй мое благородство.

– Чтобы я... – оборотень, рыча, медленно выпрямился, с трудом заставляя себя отпустить поврежденную руку и даже сжимая ее пальцы в кулак, – Благословлял... тебя?! Ты подохнешь сегодня же, сейчас же, щенок, я не позволю тебе удрать! Ты позволил себе напасть на меня, напасть на лорда, ты... ты... – закончить он опять не успел. Людовик, честно пытающийся не слишком увлекаться таким увлекательным делом, как нанесение телесных повреждений,

не выдержал муки угроз. Рука его, сжимающая эспандер, немного дернулась, и в следующую секунду Ричард, охнув, упал, не удержавшись на одной ноге. Вторая была перебита метким броском наглого юнца.

Он зарычал, упираясь ладонью здоровой руки в асфальт и силясь встать, но на сей раз Луи имел совершенно иные планы. Не обращая внимания на перепуганную девушку, остающуюся за его спиной, он медленным, нарочито размеренным шагом приблизился к поверженному противнику и, равнодушно нагнувшись, поднял с асфальта эспандер. Затем неожиданно резким движением схватил ошарашенного такой наглостью, взбешенного лорда за волосы и, задрав его голову, несколько секунд внимательно смотрел ему в глаза.

А потом, не мудрствуя лукаво, выпустив его волосы, одним резким и точным ударом в челюсть отправил противника на несколько минут в глубокий нокаут.

Татьяна испуганно вскрикнула. Людовик оглянулся на нее через плечо, равнодушно подбросил на ладони эспандер, и спокойно зашагал в обратном направлении.

– Пошли, – произнес он, оказавшись рядом с девушкой, – Нам не стоит ждать, пока он очнется. Не волнуйся, переломы этот пес умеет сращивать довольно быстро, это известно нам обоим, поэтому вскоре он уже будет на ногах. И лучше бы в этот момент нам с тобой быть от него подальше.

Людовик шел уверенной поступью хозяина и, держа девушку за руку, практически волок ее за собой. Татьяна, кое-как поспевающая за довольно шустрым молодым человеком, пару раз споткнувшись, негромко чертыхнулась и, наконец, не выдержала.

– Ты можешь так не бежать? Или боишься, что нас догонит Ричард?

– По-твоему, я испугаюсь какой-то шавки? – Луи, оглянувшись на нее через плечо, насмешливо приподнял бровь, однако, скорость все-таки немного сбавил, шагая теперь в такт со спутницей, – Ты за кого меня принимаешь, Татьяна? Мал еще песик, еще не все косточки срастил, чтобы со мной тягаться... Кстати, да. Привет, как дела?

– Привет, – довольно мрачно отреагировала девушка и, кивнув, тяжело вздохнула, – Что происходит? Где мы находимся, почему ты защищаешь меня, а он нападает? Что вообще творится?? Или ты волочешь меня к Альберту на заклятие?

– С Альбертом я больше не дружу, – Людовик легко махнул свободной рукой и, сам вздохнув, окинул долгим взором улочку, стелящуюся перед ними, – Ну, а насчет остального... В общем-то, в этом, наверное, немножко виноват я. Мир изменился, когда я убил Альберта, поэтому...

– Погоди-погоди, – Татьяна, недоверчиво хмурясь, остановилась, заставляя затормозить и спутника, и непонимающе уставилась на него, – Ты... что ты сделал?..

Молодой маг, вынужденно остановившись, равнодушно повел плечом. Лицо его приняло выражение на редкость хладнокровное и безразличное, казалось, речь парень ведет о чем-то, не имеющим абсолютно никакого значения в мире подлунном.

– Я убил своего дядюшку, убил Альберта, – холодно известил он, – Вонзил ему в грудь отцовский кинжал. Я просто... – равнодушие неожиданно покинуло его, и молодой человек, хмурясь, опустил голову, – Когда я увидел отца, я больше не мог... Татьяна, – он поднял взгляд, и девушка вздрогнула. В зеленых глазах юноши плескалась ничем не прикрытая боль, безумная вина, перемешанная то ли с надеждой, то ли со страхом, а она не знала причины этого. Не знала... но очень хотел узнать, начиная испытывать какое-то смутное чувство, ощущение того, что в лице этого парня с данного конкретного мгновения она и вправду сможет обрести союзника. Союзника, быть может, не только в этом перевернутом, изувеченном волей Альберта, мире, но и в том, другом, нормальном... Что он может исправиться, как всегда надеялся Эрик, что он наконец-то одумался!.. Хотя, если судить по его обращению с Ричардом, если Луи и

одумался, то уж точно не изменился. Да, говорил же когда-то Роман, что братец его всегда был таким...

– Татьяна! – Людовик щелкнул перед носом задумавшейся девушки пальцами и нахмурился, – Ты что, обнаглела? Я тебе тут душу изливаю, а ты меня даже не слушаешь!

– Извини, – Татьяна смущенно улыбнулась и, тряхнув головой, виновато пожала плечами, – Я просто немного задумалась. Так что ты говорил?

– Я рассказывал тебе о том, что делал со мною все это время дядя, – хмуро отозвался собеседник и, видимо, не желая и дольше торчать аки памятник на одном месте, уверенно вновь потянул спутницу за собой, – Говорил, что на протяжении трех с лишним веков он накачивал меня какой-то дрянью, которую называл «ненависть», вводил мне ее в вену, а потом умело направлял против моих братьев, моей семьи. Но после последней нашей встречи... Ты знаешь, ты, наверное, видела тогда – мы с Романом разговаривали совершенно спокойно, безо всякой вражды, безо всякого напряжения. И тогда я понял... – он сжал губы и чуть покачал головой, – Осознал всем своим существом, что моя ненависть к ним, к нему, была придумана и внушена мне дядей, что сам я ее не испытываю! Он вколол ее мне снова. Он говорил, что без его «лекарства» я становлюсь слаб, что мне нужна сила, иначе братья не примут меня, а я... – он неожиданно снова остановился, переводя взгляд на внимательно и серьезно слушающую его девушку, – Когда мы говорили с Романом, я вдруг как-то очень четко и ясно понял, что братьям плевать, насколько я силен или слаб. Им важна не моя сила, им важен и нужен я, я сам, такой, какой я есть! И это поразительно. Я думал о том, сколько зла причинил им, думал, как оправдаться, но вмешался дядя со своим уколом, и сознание вновь заволокла пелена... – Луи на несколько секунд закрыл лицо рукой, и пару раз глубоко вздохнул, заставляя себя успокоиться, – Я снова ощущал ненависть. Не испытывал сожалений, не чувствовал вины, только ненависть... Но на сей раз меня бесило и то, что Альберт играет моими чувствами, что он, не спрашивая меня, колет мне эту дрянью! Я понял, что ненависть, пусть и вколотая им, принадлежит все-таки мне, и направить ее я могу в любую сторону. Что мне необязательно ненавидеть братьев... И я возненавидел дядю. Но скрывал это, не желая привлекать внимания его клеветов – Анхеля и Чеслава, – скрывал до тех пор, пока не оказался вместе с ним в замке, и... Пока не увидел папу, – молодой человек быстро облизал губы, и лицо его неожиданно ожесточилось, – Когда я его увидел... когда он сказал, что разочарован во мне... Я понял, что так не может больше продолжаться. В моих руках был кинжал, его кинжал, который я снял со стены в холле, чтобы рассмотреть, и я понял, что следует делать. Дядю я ненавидел безумно, и столь же сильно хотел доказать папе, что я не так плох, как ему кажется. Я ударил дядю кинжалом в грудь и, к своей удаче, добился цели. Он всегда был защищен от ран, наносимых ему противниками, но от меня, видимо, такого не ожидал, поэтому все так и случилось... – Людовик тяжело вздохнул и, опять возобновляя путь, кривовато ухмыльнулся, – Ну, а теперь самое интересное. Альберт, судя по всему, был защищен гораздо лучше, чем я предполагал – его смерть запустила процесс изменения мира. Все поменялось за каких-то несколько минут, Нормонд оказался разрушен, Альберт встал во главе созданной им мировой империи, моих братьев, должно быть, нет в живых, а Ричарда он вновь привлек на свою сторону... Хотя от этого пса я иного и не ждал – он только и знает, что менять хозяев!

– Зря ты его так ненавидишь, – Татьяна усмехнулась и, на ходу принимая решение, легко пожала плечами, с самым беспечным видом добавляя, – Он ведь все-таки твой родной дядя.

Луи, как раз в этот момент сворачивавший на какую-то неприметную улочку, едва не врезался в угол дома, резко останавливаясь, и медленно повернулся к спутнице. Лицо его меняло выражения, как светофор цвета, не задерживаясь ни на чем конкретном, – от недоверия до потрясения, от злости до радости, выражая в массе своей один большой шок.

– Кто дядя?.. – медленно проговорил молодой человек, сверля собеседницу пристальным взглядом, – Ка... кой дядя?.. Почему дядя?!

– Потому что Ричард, или, точнее, Ренард, был родным братом Аделаин де Нормонд, жены Виктора, – девушка безмятежно улыбнулась, слегка отводя свободную руку в сторону. Другой она все еще продолжала держаться за спутника, как будто опасаясь, что потеряет его.

– Так что поздравляю, Людовик, ты только что в очередной раз избил родного дядюшку. Впрочем, дядя он не только тебе, но и Роману, и Эрику... кстати, – кое-что вспомнив, Татьяна несколько встрепенулась, – Когда я упала в пропасть и оказалась в этом мире... – продолжить у нее не получилось.

Луи, вне всякого сомнения, сраженный наповал известием о дядюшке, которого и в самом деле несколько раз едва не отправлял на больничную койку, самым некультурным образом закрыл ей рот рукой.

– Помолчи, – коротко велел он, хмуря красивые брови, – Дай мне в полной мере насладиться своим шоком. Потом можешь шокировать меня еще раз, но уже немного позже... Я не могу поверить, – он медленно убрал руку, позволяя девушке вновь говорить и недоверчиво всмотрелся в нее, – Как Ричард может быть братом жены Виктора?? Он, конечно, дядя взрослый, но ведь не до такой же степени! Виктор жил еще в шестом веке, как...

– Ричард тоже, – Татьяна тяжело вздохнула, сознавая необходимость поведать своему неожиданному союзнику обо всех перипетиях сегодняшнего утра и, пожившись от налетающей вечерней прохлады, устало начала рассказ, – Ричард, носящий тогда имя Ренард, родился и жил в шестом веке, во времена Виктора. Он был его хорошим другом, самым лучшим, и когда Рейнир дал ему бессмертие...

Луи потряс головой и, взъерошив свободной рукой собственную шевелюру, решительно остановил собеседницу.

– Так. В нашем распоряжении сейчас имеется все время этого мира до тех самых пор, пока Альберт не сообразит, что здесь, кроме его неучтивого племянника, имеется еще и не менее неучтивая дочурка. Поэтому сейчас мы зайдем в квартирку, что я занимаю здесь, и там ты в спокойной обстановке все мне расскажешь, и заодно решим, что делать и как жить с новостью о том, что моим дядей оказался какой-то безродный пес...

– Не такой уж он и безродный, – девушка, которая, не взирая на все происшедшее, к Ричарду по-прежнему испытывала самую сильную приязнь, немного обиделась, – Ричард баронет, баронет Ренард Бастиан Ламберт. Или ты думаешь, что Вик женился на девушке из бедной семьи?

Людовик примолк, внимательно глядя на собеседницу. Затем ухмыльнулся и, качнув головой, негромко повторил:

– «Вик». Тебе и вправду нужно многое рассказать мне, Татьяна, и говорить об этом лучше не на улице. У Альберта, или как он называет себя, мастера, много верных ушей, и я бы не хотел, чтобы кто-то донес ему о нашей конфиденциальной беседе.

Называя свое жилище довольно пренебрежительно «квартиркой», Луи не шутил. Дом, где обитал молодой маг, оказался довольно затрапезным, наполовину деревянным, производил впечатление дряхлого и какого-то пришибленного временем. Дверь, ведущая в подъезд, вполне соответствовала общему его облику, да и сам подъезд отнюдь не поражал изысканностью и чистотой.

Поднимаясь следом за спутником по лестнице на второй этаж и почти добравшись до цели, девушка неожиданно остановилась. Стены вокруг был изрисованы, исчерканы самыми разными надписями и рисунками, однако, взгляд ее неожиданно выхватил из общей массы слов и символов знакомое имя, и это не могло не привлечь ее внимания.

«Loui est très joli» – значилось на одной из стен, а рядом виднелась еще одна надпись: «J'aime Loui». Знание французского языка у Татьяны, не взирая на время, прожитое во Фран-

ции, все еще довольно сильно хромало, однако же, понять в той или иной степени эти фразы ей удалось.

– «Луи очень симпатичный», «Я люблю Луи»... – задумчиво прочитала она и, дождавшись, когда спутник переведет на нее удивленный взгляд, красноречиво кивнула на стену, – Я смотрю, ты тут не теряешь времени даром.

Молодой человек, быстро глянув на только что озвученные надписи, слегка поморщился, решительно отпирая дверь своей квартиры.

– Не «симпатичный», а «красивый», если уж на то пошло. Это моя соседка, семнадцатилетняя девчонка, весь подъезд своими признаниями исписала.

– Я же говорю – не теряешь времени даром, – Татьяна, скрывая улыбку, быстро облизала губы, – Уже и подружку завести успел, и квартирой обзавестись...

Людовик остановился на пороге упомянутой квартиры и, повернувшись к спутнице, тяжело вздохнул. Объяснять такие глупости, когда предстояло обсуждение тем более интересных, ему казалось неправильным.

– Татьяна, ей семнадцать лет. Я не настолько испорчен, чтобы интересоваться малолетками! Заходи.

– Тебе самому восемнадцать, – напомнила девушка, принимая предложение и протискиваясь мимо хозяина в его жилище. Последний только фыркнул.

– Да, плюс-минус три столетия. Хватит болтать о ерунде, нам предстоит...

Где-то на лестничной площадке скрипнула, открываясь, дверь. Татьяна, рефлекторно обернувшись, увидела, как из квартиры напротив осторожно выглядывает симпатичная молодая девушка, девочка, видимо, бывшая автором изречений на стене. При виде Людовика она расцвела и, чуть покраснев, пролепетала:

– Привет, Луи...

– Здравствуй, – довольно хмуро буркнул парень, и его гостя не выдержала. Нервы ее с самого начала пребывания в этом мире были натянуты до предела, срочно требовалось дать себе разрядку, чтобы не сойти с ума, и момент показался девушке, уже давно попавшей под дурное влияние Романа и Винсента, самым подходящим для остроумия.

– Он имел в виду, что очень рад вашей встрече, – заявила она и, выглянув из-за плеча юноши, широко, приветливо улыбнулась, тут же добавляя, – Я жена его брата, не беспокойся.

Людовик, выдавив из себя вымученную улыбку, немного попятился, задвигая жену своего брата вглубь квартиры и, решительно захлопнув дверь, медленно повернулся к ней, чуть склоняя голову набок.

– Признайся, ты всегда была такой ненормальной или свихнулась, пока ошивалась на улицах этого города? Или ты просто обнаглела окончательно и не слушаешь даже когда я прямо говорю – веди себя осторожнее? Какого дьявола ты рассказываешь всем вокруг, кто ты такая?! Я не удивлюсь, если молва докатит это известие до Альберта раньше, чем нам надо, и тогда...

– Успокойся сам, – девушка тяжело вздохнула и, отступив на несколько шагов от разгневанного хозяина квартиры, осмотрелась, – Как я погляжу, места здесь не очень много, да?

– Чтобы спрятать твой труп в случае непослушания, хватит! – рыкнул Людовик и, после этого как-то сразу успокоившись, даже немного повеселел, – Проходи, кухня там. У меня даже, кажется, существует чай...

– Кажется, я не слишком его хочу, но если ты настаиваешь, выпью, – отозвалась Татьяна и, уже шагая в указанном направлении, неожиданно притормозила, серьезная, – Луи... слушай... Я все еще говорю по-французски?

Людовик, судя по всему, таких вопросов совершенно не ожидавший, озадаченно хлопнул глазами.

– Откуда я знаю? Я как-то не задумывался на этот счет, говоришь ты себе и говоришь... Кто вообще слушает, какую чушь и на каком языке несут девушки?

– Если я до сих пор не стукнула Романа, то тебе точно достанется, – собеседница молодого мага грозно нахмурилась, однако, тотчас же вновь вернулась к более серьезным вопросам, – Я всегда думала, что говорю на других языках благодаря браслету. Но сейчас, когда браслет исчез...

– Браслет исчез?.. – Луи резко схватил ее правую руку и, подняв, внимательно осмотрел тонкое запястье, будто подозревая, что Татьяна могла спрятать браслет где-нибудь под кожей, – А... – взгляд его метнулся к шее девушки, и парень вздохнул, – Да, я вижу, кулона тоже нет.

– Как нет?.. – Татьяна, по сию пору наивно полагающая, что кулон-то на ее шее всяко должен бы был сохраниться, в ужасе ощупала ее и, убедившись в словах собеседника, испуганно вцепилась в его руку, – Но как же... Я же не... Я не снимала ни браслет, ни кулон, как... как я без них?..

– Успокойся! – Людовик, хмурясь, сам стиснул руку своей собеседницы, соратницы и госты и, вспоминая об обязанностях хозяина, решительно повел ее на кухню, – Ты пока жива, успела за короткий срок влипнуть в переделку и, благодаря мне, счастливо избежать ее последствий, так что удача, вне всякого сомнения, от тебя никуда не отвернулась. Браслет и кулон... Я не знаю, этот мир настолько безумен, что они могут быть где угодно. Может, дядюшка решил зацапать их, наконец, себе! Хотя в последнее время он, кажется, не был так уж настроен их отнимать у тебя...

Татьяна, обнаружив себя на кухне, возле стола и, что самое главное – возле табуретки, поспешно приземлилась на нее и, удостоверившись, что в случае потери сознания хотя бы не упадет на пол, немного успокоилась.

– Дай, пожалуйста, воды... – она тихонько вздохнула и, опершись подбородком на собственную руку, мрачно покачала головой, – Винс говорил, что маги по всему миру, по крайней мере, многие из них, считают, будто я, родившись, перехватила у своего отца силу носителя. Видимо, он решил вернуть ее себе... Хотя нет, не логично. Браслет и кулон, предположим, у него, но ведь я все еще существую! Я остаюсь носителем!

Луи невнятно хмыкнул и, налив в стакан требуемую воду, поставил его перед собеседницей. Затем присел на стульчик напротив и, сцепив руки в замок, уложил их на столешницу.

– Видишь ли, Татьяна... Для тебя, это, наверное, будет немножечко неприятной новостью, но я, как твой родственник, просто обязан тебе все сообщить, иначе будет хуже. Короче, в этом мире дочери у Альберта нет. У него есть сын, я слышал, как люди говорили о нем, но ни имени, ни внешности, ни даже возраста этого сына никто не знает. Он – это какая-то очень абстрактная фигура, настолько абстрактная, что многие даже сомневаются в его существовании. Может быть, правильно делают.

– Может быть... – отстраненно отозвалась девушка и, торопливо глотнув воды, чуть покачала головой, – Этот мир действительно совершенно безумен... Его идеальный мир. Послушай, – неожиданная мысль вдруг осенила ее, и Татьяна, даже отодвинув стакан, подозрительно всмотрелась в собеседника, – А как давно ты находишься здесь, в этом мире? Я думала, он был создан только сегодня, а ты говоришь так, словно здесь уже давно...

– А это самое интересное, – Людовик ухмыльнулся и, легко поднявшись на ноги, отошел к обычной газовой плите, ставя на нее чайник, дабы подать гостю обещанный чай, – По идее, да, мир должен был быть создан лишь сегодня, только утром он изменился, но... Я здесь уже почти неделю. Меня словно отбросило во времени назад, как будто само провидение помогло мне, дало время, чтобы узнать и понять, что произошло. Чтобы теперь я мог более или менее объяснить все тебе... – он вздохнул и, бросив в кружку – совершенно новую, как будто недавно приобретенную – пакетик чая, повернулся к собеседнице, – Смерть Альберта изменила мир едва ли не у его истоков. Во всяком случае, со времени его рождения точно... Здесь, в этом мире, трагедия в замке завершилась действительно трагедией – отец был убит, мама изгнана не только из замка, но и из страны, сам замок Альберт сравнял с землей. Что стало с Эриком, с

Романом, я не знаю. На тот момент они должны были быть уже вполне взрослыми, но мне даже неизвестно, стали ли они интантерами, как в нормальном мире, или же дядя лишил их этой привилегии. Неизвестно мне и что с Винсентом, я о нем ничего не слышал. Ричарда Альберт вернул на свою сторону, а поскольку тебя здесь не существует, вправить песику мозги было некому. Честно сказать, Татьяна... Я пока и сам нахожусь в некотором замешательстве. Не знаю, что по плану дядюшки должно было стать со мной, каким образом я оказался здесь. Если он уже знал, что я предам его, логично было бы предположить, что он не должен был оставить меня в живых, но... – парень развел руки в стороны и, повернувшись к плите, выключил газ под закипевшим чайником, – Я здесь, жив и вполне дееспособен, и ты тоже здесь, хотя по замыслу Альберта в этом мире он должен был бы обойтись без дочери. Я рад, что встретил тебя – теперь мне хотя бы не так одиноко среди всего этого сумасшествия. Но что нам делать, клянусь, не знаю.

– Я пыталась рассказать тебе, но мы прервались, – девушка, внимательно выслушавшая собеседника, опустила взгляд на стакан в своих руках и принялась вращать его вокруг своей оси, – Когда я упала в пропасть, и оказалась в этом мире...

– Ты упала в пропасть? – Луи, хмурясь, налил в чашку с чайным пакетиком горячей воды и аккуратно водрузил ее перед собеседницей, – Где ты ее нашла среди стен замка?

– Сначала выслушай меня, а потом задавай вопросы! – Татьяна, недовольно глянув на молодого человека исподлобья, неодобрительно подула на заваривающийся чай, и упрямо продолжила, – Короче, я упала в пропасть, долго блуждала по подземелью, потом выбралась наружу и оказалась в лесу. Пока ходила по нему в поисках Нормонда, обнаружила заброшенную железную дорогу и благополучно на нее упала. А потом... познакомилась с Андре, – она примолкла, выдерживая драматическую паузу и, уловив в глазах слушателя заинтересованный блеск, с достоинством продолжила, – Этот молодой человек рассказал мне в общих чертах о том же, о чем только что поведал ты, за одним маленьким, но очень важным исключением. Когда я спросила его про Эрика, сказала, что он должен бы находиться где-то неподалеку от Альберта, парень задумался, а потом вспомнил о каком-то молодом человеке, которого «мастер» держит в плену. Я думаю... вряд ли он держал бы в плену кого-то, кроме моего мужа и твоего брата.

– Если только это не Роман... – задумчиво отреагировал Людовик и, почесав нос, мотнул головой, – Хотя нет, вряд ли. Скорее всего, ты права, и это действительно Эрик... Что тебе еще поведал этот тип?

– Кроме того, что Альберт обитает в Лондоне, больше ничего особенно важного, – девушка вздохнула и, хмурясь, неожиданно сунула руку в карман, – Зато в его повозке я нашла кое-что... что заставило меня усомниться в его порядочности. Взгляни, – она добыла из кармана перстень с опалом и на открытой ладони протянула его собеседнику. Тот спокойно принял находку Татьяны и, аккуратно сжав длинными пальцами, повертел ее из стороны в сторону.

– Симпатичное колечко с невнятным обещанием какого-то солнца, – он равнодушно пожал плечами и, протянув перстень обратно собеседнице, хмыкнул, – У твоего нового знакомого странноватый вкус, но...

– Это кольцо Винсента, – девушка нахмурилась и протянула, было, руку, чтобы забрать перстень, однако, Луи торопливо отдернул свою, вновь принимаясь изучать его, – Он нашел его в избушке Рейнира, когда мы были там. Сначала не хотел надевать, но потом выяснил, что в нем нет ничего страшного и надел. Последний раз, когда я его видела, перстень был у него на пальце.

– Это уже серьезное обвинение, – молодой маг, закусив губу, сжал кольцо пальцами обеих рук, внимательно рассматривая его, – Ты подозреваешь, что он может что-то знать о месте нахождения Винса?

Татьяна вздохнула и еще раз подула на чай.

– Я пока ничего не подозреваю. Не хотелось бы огульно обвинять хорошего человека – в конечном итоге, он помог мне добраться сюда, не бросил посреди леса! Но то, что Винсент в его повозке был, это несомненно.

– Или он просто его обокрал, – воодушевленно подхватил Луи, – Или перстень с трупа снял...

Девушку передернуло. Торопливо глотнув воды, она поморщилась и, осторожно сделав глоток горячего чая, хмуро воззрилась на хозяина квартиры.

– Будь добр, Людовик... В моем присутствии не говори таких вещей. Мне и без того слишком страшно.

– А между тем, в моем присутствии бояться ты просто не имеешь права, – ухмыльнулся в ответ парень, – В конце концов, я сильный и смелый, я защитил тебя от злобного песика, ты вообще должна быть счастлива, что со мной встретилась!

– Я в восторге, – пасмурно отреагировала его собеседница и, дернув уголком губ, напомнила, – А «песик» все еще остается твоим дядей. Мог бы иметь хоть каплю уважения.

Луи недовольно фыркнул, скреживая руки на груди и всем своим видом отображая протест.

– Я устал уважать дядюшек! Не успел перестать уважать одного, как уже уважения требует другой, что они, прожить без него не могут?

Татьяна на несколько мгновений примолкла, затем медленно повела головой из стороны в сторону.

– Знаешь... иногда это очень заметно, что вы с Романом близкие родственники. Клянусь, я иногда не понимаю, почему Эрик получился таким серьезным, когда оба его брата такие... такие...

– Несерьезные, – вежливо подсказал Людовик и, очаровательно улыбнувшись, пожал плечами, – Вопрос не ко мне, вопрос к маме и папе. Так что там у нас с колечком и подозрительным парнем в повозке?

– Колечко у тебя в руках, – Татьяна негромко хмыкнула, взглядом указывая на упоминаемый предмет, – А вот насчет парня... Честно, не знаю. Может быть, он и Винсента просто куда-то подвозил, а тот потерял кольцо?

– Можем предположить и это, если тебе так хочется верить в лучшее, – Луи хмыкнул и, положив перстень на стол, щелчком послал его к собеседнице, – А можем пока вообще ничего не предполагать и подождать, пока ты не расскажешь мне все от макушки до пола, чтобы я наконец понял, почему Ричард мне дядя, кто получил бессмертие и кто такой Рейнир.

Трудно было не признать справедливость этого требования. Девушка, поймав кольцо и задумчиво воззрившись на как будто подернутый облаками опал, набрала побольше воздуха и начала обстоятельный рассказ...

...Закончила она его уже довольно поздно – сообщить требовалось много, а коль скоро Людовик пообещал ей «все время этого мира», Татьяна особенно не торопилась, иногда прерываясь на чай. Правда, в защиту этой неспешности можно сказать, что, быть может, именно по этой причине Луи сумел понять и принять все, ему сообщенное так же хорошо, представил все это так четко и ясно, будто сам побывал в памяти своего дяди.

– Так что же получается... – он сцепил руки в замок, внимательно глядя на лежащее на столешнице кольцо, – Кругом нас бродят толпы бессмертных? Винсент, Ричард, Чеслав, Анхель, и это я еще молчу про Альберта! Что ж... Во всяком случае, понятно, почему он не убил Рика – просто не смог. Кстати, по той же причине можно предположить и что жив Винс... Хотя перстень, конечно, смущает.

– Честно тебе скажу, меня смущает не только перстень, – девушка устало вздохнула и чуть развела руки в стороны, едва не скинув упоминаемое украшение со стола, – Почему исчезли браслет и кулон? Где они? И где теперь Тиона, если она была связана с ними? Где находится

Роман, что в этом мире с Владом, с Чарли, с тем же Тъери – со всеми нашими друзьями! Альберт прекрасно осведомлен, что они дороги мне, дороги всем нам, что, если он велел их убить, как ни в чем не повинных магов? И почему...

– Подожди, – Людовик нахмурился и, немного повернув голову вбок, взгляделся в собеседницу с некоторым подозрением, – Откуда ты знаешь о магах? Я ничего не говорил тебе о них...

– Разве? – Татьяна растерянно почесала в затылке и пожала плечами, – Значит, мне рассказал Андре. Да, верно, он говорил, будто по слухам, Альберт велит убивать магов, и луна окрашивается их кровью... Но он в это не верит.

Луи кривовато ухмыльнулся и, поднявшись из-за стола, прошелся по кухоньке. Затем остановился с другой его стороны и, опершись ладонями на столешницу, немного навис над ней, нехорошо улыбаясь.

– Напрасно он не верит в это, скажу я тебе. Магов и в самом деле повсеместно уничтожают, я сам стараюсь не использовать магию, чтобы не попасть под раздачу, так что... Альберт развернул широкую кампанию против несанкционированной магии. А санкционированной не бывает и вовсе, магия запрещена!.. Использовать ее имеет право только он. Думаю, он боится, что кто-нибудь сможет оспорить у него титул величайшего из магов... Кстати, ты знаешь, что он обладает даром предвидения?

– Ты шутишь! – девушка, совершенно не ожидавшая таких заявлений, пораженно приоткрыла рот и медленно повела головой из стороны в сторону, – Но это же... Винс говорил, что это великий дар, что им обладал лишь Рейнир!

– Да, а Рейнира Альберт называл магом, которого желает превзойти, – кивнул ее собеседник и, хмыкнув, выпрямился, закидывая руки за голову и поднимая взгляд к потолку, – В том, нашем мире, эта его сила только начинала проявлять себя, он сам толком не понимал, что происходит с ним... Здесь, поговаривают, он сумел развить этот дар, ибо «о многих событиях мастер знает задолго до того, как они случаются»... И это плохо, – молодой человек нахмурился; зеленые глаза его сверкнули, – Это очень плохо! Если он знает и о том, что ты и я все-таки оказались здесь... Один черт знает, что он решит предпринять! Тем более... Ах, дьявол, – парень опустил взгляд и, опустив руки, растерянно уставился на собеседницу, – Татьяна... какой же я идиот! Лорд Ричард, этот пес своего мастера, он же наверняка доложит ему о нашей стычке! А если Альберт покопается в его сознании, для него точно не будет секретом, *кто* были те ребята, что начистили нос его клевету.

Татьяна тяжело вздохнула и, подперев щеку кулаком, на несколько секунд сжала губы, созерцая собеседника исподлобья.

– Если будешь ругать себя, ничего не добьешься. Брось, сам же говоришь – Альберт бы в любом случае узнал о нас. То, что мы ему немного помогли в этом... Ну, значит, так тому и быть. Давай решим, что делать дальше. Неужели нет возможности вернуть наш мир обратно?

– Возможности нет, – отрезал молодой маг и, выходя крайне раздраженным, плюхнулся на оставленный им недавно стул, скрещивая руки на груди, – А вот надежда имеется. Я не сталкивался с таким, и он меня не учил, как возвращать на место переделанный мир, но... Если его смерть в нашем мире привела к созданию этого мира, то, быть может, его смерть здесь вернет нас обратно.

– Его смерть?.. – девушка, помрачнев, опустила взгляд на собственные руки. Убивать родного отца, каким бы он ни был, ей не хотелось.

– Может, для начала стоит добратся до него и побеседовать? Вдруг он... не знаю, одумается, согласится...

– Выставив какие-нибудь безумные условия, ага, – Людовик насмешливо хмыкнул, и неожиданно задумчиво провел указательным пальцем по своим губам, – А впрочем... Может, в чем-то ты и права. В конце концов, в прежние времена ранить или убить его мог только Эрик,

и зная, что я покушался на его жизнь, от меня он тоже будет защищен... Может быть, поэтому и Эрика-то он держит в плену... Решено! – парень хлопнул ладонью по столу так, что собеседница его подскочила от неожиданности и воодушевленно кивнул, – Завтра с утра отправляемся в порт, загружаемся на корабль и едем в Англию! А там... посмотрим по ситуации.

– Завтра?.. – Татьяна растерянно покрутила головой, покосилась на окно, где уже уверенно висела темная, подкрашенная красной луной ночь и удивленно моргнула, – То есть, у тебя здесь есть, где бы я могла переночевать?

– Ну, во-первых, у меня есть пол, – Луи ухмыльнулся, но тут же слегка помрачнел и, силясь исправить это впечатление, быстро улыбнулся, – А во-вторых, эта квартира... Я не зря сказал, что Альберт убивает магов. Здесь жил один из них, до тех самых пор, пока к нему не наведалься кто-то, кого все знают, как посланника мастера. С тех пор мага никто не видел. И таких квартир, домов, довольно много по всему свету, Татьяна. Твой отец ведет масштабную зачистку колдунов по всему миру, он стирает магию с лица земли, собирая ее всю в своих руках. Пожалуй, благодаря этому он и вправду может считаться сильнейшим среди них... – парень вздохнул и, мотнув головой, продолжил, – Здесь все осталось как при прежнем жильце, я ничего не менял. А у него в спальне стояло две кровати, не знаю уж, почему и с какими целями. Они и сейчас стоят там. На одной я сплю сам, вторую по доброте своей великой могу предоставить тебе. И, пожалуй, нам бы стоило уже сейчас воспользоваться моим великодушным предложением – на дворе ночь, а завтра день предстоит непростой. Чем раньше он начнется, тем будет лучше.

Девушка, которая слушала все это, закусив губу, кивнула с некоторой обреченностью. Спать на кровати, где, вероятно, и был убит прежде обитавший здесь маг, ей не хотелось, однако выбора, судя по всему, не было, ибо на полу спать ей не хотелось еще больше.

– Ладно... Надеюсь, что завтра с утра ты все еще будешь меня понимать, как и я буду понимать тебя. Не хотелось бы отправляться в путь, общаясь жестами...

Людовик ухмыльнулся и, поднявшись на ноги, элегантно жестом подал собеседнице руку, дабы сопроводить ее к предоставляемому ей ложу.

– Ты – дочь Альберта, Татьяна, – он подвел ее к выходу с кухни и неожиданно мягко улыбнулся, – Дочь величайшего среди магов. Не знаю, как насчет силы носителя, но какие-то его способности ты, вне всякого сомнения, переняла и, полагаю, именно они помогают тебе понимать другие языки. Перестань волноваться.

Девушка, выслушавшая эти слова с нескрываемым удивлением, невольно улыбнулась сама и легко повела подбородком вправо.

– А ты изменился... – негромко отметила она, – Как будто и в самом деле наконец повзрослел.

– Да? – озадачился ее собеседник, – Это ужасно. Когда закончим всю эту эпопею, обязательно наемся молодильных яблок!

Розовато-серый рассвет, подкрашенный тенью зашедшей луны, проник в комнату и мягко окутал, укрыл спящую девушку как вторым одеялом. Татьяна вздохнула и, вздрогнув, открыла глаза. На второй кровати, находящейся возле противоположной стены комнаты, мирно спал Людовик, разметавшись во сне и приоткрыв рот. Кругом царил тишина, с улицы не доносилось ни звука, как будто город за окном неожиданно вымер или же просто, как и они, накрепко уснул.

Девушка села на кровати и, улыбнувшись, коснулась ладонью живота. За последние два месяца она привыкла просыпаться рано утром от тошноты, сопровождающей ее положение и, как это ни странно, не была так уж недовольна этим. Ее радовали все проявления беременно-

сти, радовал сам факт того, что под сердцем она носит дитя, и не было, казалось, ничего, что могло бы омрачить эту радость.

Она аккуратно спустила ноги с кровати, намереваясь посетить туалетную комнату, дабы избавиться от тошноты привычным способом, как вдруг неожиданно замерла, сполна осознавая собственное состояние.

Тошноты не было.

Татьяна потрясла головой и вновь, уже скорее испуганно, чем радостно, ощупала свой живот. Никаких изменений, казалось бы, в нем не наблюдалось – он был таким же, как и всегда, таким же, каким был еще месяц назад, и два месяца, и три, и... Она глубоко вздохнула и резко вскочила, морально готовясь пошатнуться – ее положение сопровождалось, как правило, еще и головокружением, а резкие движения его провоцировали.

Голова не кружилась, мир вокруг никуда не уплывал; вскочившая на ноги девушка стояла твердо и уверенно.

Она испуганно прижала руку к бешено колотящемуся сердцу и, вновь сев, стиснула ладонями виски, начиная медленно, очень-очень медленно сознавать неотвратимость происшедшего.

В этом мире... в этом безумном, сумасшедшем мире, она не существовала! Она никогда не бывала в Нормонде, потому что и Нормонда в эти дни уже не было, она никогда не знакомилась с Эриком, потому что он, судя по всему, все это время был в плену у Альберта... она никогда не выходила за него замуж, у них никогда не было детей! Никогда.

Страшное слово отдалось эхом в сознании Татьяны и она, вздрогнув, слабо всхлипнула, дрожащим голосом окликавая:

– Лю... Людовик!..

Сонное мычание было ей ответом – оклик Луи, безусловно, услышал, но реагировать на него явно не хотел.

Девушка, нервничая с каждой секундой все больше и больше, вскочила на ноги и негодуя топнула.

– Кто говорил, что чем раньше начнется день, тем лучше?! Луи!

– О, господи... – молодой маг, с превеликим трудом кое-как разлепив глаза, широко зевнул и, покосившись на свою возмущенную гостью, лениво швырнул в нее подушку, – Отстань, неугомонная авантюристка, дай поспать ребенку.

Татьяна, в душе которой последнее слово вызвало просто взрыв боли, стиснула руки в кулаки, сдерживая себя.

– Ты не ребенок! Просыпайся, кому говорят!!

Людовик, отчаянно зевая и кое-как протирая глаза кулаком, сонный, взъерошенный после сна, помятый, кое-как сел на кровати и, подтянув к себе колено, нежно обнял его, окидывая собеседницу далеким от симпатии взглядом.

– Ну и чего ты хочешь от меня, женщина? Предупреждаю – без завтрака я на подвиги не готов.

– Мне вот сейчас как-то не до завтрака, – огрызнулась девушка и, сделав небольшой шаг к собеседнику, испуганно прижала руки к груди, – Луи... Я... Меня не тошнит...

Парень, вне всякого сомнения ничего не понявший, в очередной раз широко зевнул и взъерошил и без того лохматую шевелюру.

– А разве должно? Нет, конечно, я понимаю, может быть, с утра я выгляжу не очень презентабельно, но чтобы тошнить...

– Идиот, – совсем разозлилась Татьяна, – Не от тебя тошнить должно, а от ребенка! То есть... от того, что я... он...

Луи потряс головой, явственно пытаясь сообразить, о чем идет речь.

– От ребенка... – медленно повторил он, всмотрелся в лицо собеседницы, перевел взгляд на ее живот, нахмурился и вновь уставился на нее взглядом крокодила, обнаружившего вместо жертвы надувной матрац, – От ребенка?.. Татьяна, не шути со мной, спросонок я опасен! Ты что, хочешь мне сейчас соврать, что ты...

– Да, – девушка безнадежно опустила руки и, опять отступив, практически упала на кровать, – Через некоторое время ты станешь дядей, Луи. Если... теперь станешь.

– В каком смысле «если»?! – потенциальный дядя, вне всякого сомнения, недовольный тем, как беззастенчиво его пытаются лишить присвоенного титула, вскочил на ноги, упирая руки в бока, и немного надвинулся на собеседницу, – Перестань запугивать меня, объясни толком, в чем дело!

– В том, что я не беременна! – Татьяна, опять вскочив, взмахнула руками и неожиданно сжала собственное горло, хрипло шепча, – Беременна... но не здесь, не в этом мире, я... Здесь Эрик не был знаком со мной, не женился на мне... Луи, что мне делать? – глаза ее наполнились слезами, и молодой человек, как-то сразу забыв про шутки, посерьезнел. Как утешитель он не был слишком уж хорош, обычным его занятием были стычки, наполненные кровью и болью, и как вести себя с плачущей девушкой, представлял слабо. Однако, торопливо вспоминая все, что видел и слышал, а может быть, и читал, даже мельком, Людовик неуверенно шагнул вперед и, подняв руку, пару раз осторожно хлопнул девушку по плечу.

– Ну... ты, это... ты не плачь, ладно?.. Я... Честно, не знаю, чт... – он поперхнулся собственными словами. Татьяна, так уставшая от безумства этого мира, мира, где все было перевернуто с ног на голову, где не было ничего, что было дорого и привычно ей, так нуждающаяся в поддержке хотя бы отдаленно близкого человека, неожиданно подалась вперед и, обняв собеседника, прижалась к нему, утыкаясь носом в грудь. Молодой человек обалдело опустил руки, пару раз моргнул, но затем вздохнул и обнял свою соратницу в борьбе против самого большого зла этого мира...

...Более или менее взять себя в руки Татьяне удалось не скоро. Людовик несколько раз отводил ее на кухню, поил водой, заставлял умыться, как мог успокаивал, говорил, что мир они обязательно вернут на место, что, если не восстановят прежний, так создадут новый, свой собственный, который будет еще лучше старого.

– В конце концов, когда мы спасем Эрика, кто мешает вам наделать еще детей? – рассудительно говорил он, протягивая шмыгающей носом девушке очередной стакан воды, – От Альберта мы избавимся или, в самом крайнем случае, спрячем вас от него, так что переживать тебе нечего! А то, что сейчас ты не беременна, это даже хорошо – представь, как бы ты себя чувствовала на борту корабля, если бы тебя тошнило и без качки?

– Корабля?.. – девушка в очередной раз шмыгнула носом и, глотнув воды, попыталась вытереть слезы, – Разве мы поплывем на корабле?..

– Извини, я не настолько свят, чтобы ходить по воде, – Людовик наигранно вздохнул и, сжав губы, разочарованно добавил, – Хотя надеялся, что утешение страдающей девушки мне зачтется...

– Все бы тебе шутки шутить, – Татьяна тяжело, устало вздохнула и, покачав головой, попыталась отогнать мрачные мысли, – Не представляю, чтобы было, если бы сейчас здесь был еще и Роман. Вы вдвоем даже Альберта чуть с ума не свели!

– Поверь, мы оба этим гордимся, – величаво кивнул собеседник и, задумавшись на мгновение, уточнил, – По крайней мере, я точно. Что в мозгах у Романа в этом мире я даже представлять боюсь, если говорить откровенно... Ладно. Раз уж ты все-таки заставила меня проснуться и даже встать, собирайся. Пойдем в порт, будем хватать корабли под уздцы и требовать подбросить нас до Англии... Кстати, к угрозам, видимо, и вправду придется прибегать – денег у меня нет ни сантима, я жил и питался подпольной магией.

– Почему ты не можешь заколдовать нам свою лодку? – девушка, поднявшись на ноги, недовольно огляделась, прикидывая, что из находящихся в этой квартире предметов она имеет право упаковать с собой в чемодан, – Или, может быть, даже корабль... Альберт ведь тебя, кажется, многому научил?

– Корабль я заколдовать могу, – Людовик, сам вставший из-за стола, воодушевленно кивнул, – Большой, красивый, с парусами... Но вот команду придется нанимать, потому что в результате моего колдовства, боюсь, у нас по мачтам полезут обезьяны.

Татьяна только покачала головой. Шутки Луи, порою глупые, порою забавные, действительно заставляли ее отвлечься от собственного горя, удивительным образом вынуждая обратить внимание на дела куда как более важные и касающиеся не только непосредственно ее самой, но и многих других людей. Может быть, даже всех людей, поневоле попавших в эту безумную фантазию Альберта...

Когда они покидали квартиру, было еще довольно рано – не взирая на время, потраченное на утешение Татьяны, утро еще только начинало вступать в свои права и день, которому предстояло быть насыщенным, лежал перед ними во всей своей красе.

– Как ты думаешь, нам удастся как-нибудь найти Романа? – они уже шагали по одной из улиц, которые, как утверждал Людовик, спускались прямым к морю и, соответственно, к порту. Молодой маг слегка пожал плечами.

– Мир большой, – обтекаемо отозвался он, – Быть может, где-нибудь мы и отыщем его... Хотя, если я знаю своего брата, то даже в этом перевернутом мире он должен бы желать прийти на помощь Эрику или, по крайней мере, отомстить за него. Может, он уже в Лондоне и сейчас подбирается к Альберту!

– Все может быть, – представив, как виконт де Нормонд в одиночку пытается справиться с опасным противником, а может быть, даже и не с одним, девушка поежилась, – Ты уверен, что мы идем правильно?

Луи окинул ее надменным взором наглой мыши, отобравшей молоко у кота.

– Я прожил здесь неделю! Неделю, Татьяна, этого времени вполне достаточно для того, чтобы как следует изучить городок! Сюда, налево.

Они свернули налево, миновали еще несколько кварталов, прошли извилистой тропинкой между тремя сквериками и, наконец, оказались... на той самой улочке, где вчера состоялась неприятная встреча с Ричардом.

Людовик, озадаченный таким окончанием пути, остановился и, оглянувшись назад, почесал в затылке.

– Значит, все-таки надо было направо, – резюмировал он и невинно улыбнулся. Татьяна, едва удержавшись, чтобы не отвесить горе-проводнику подзатыльник, глубоко вздохнула и предпочла спросить дорогу у прохожего...

...В порту, в результате всех блужданий, они оказались уже ближе к обеду. Девушка, изрядно проголодавшаяся, уже не бывшая в состоянии думать ни о чем, кроме вкусного и сочного перекуса, безрадостно скользнула взглядом по кораблям, стоящим у причала – всем, как один, парусным, деревянным, явно бывшим одной из тех частей средневековья, что Альберт решил сохранить в своем мире, – и, наконец, остановила его на приземистом зданьице, с полустертым названием на вывеске и красноречивым изображением сосисок, обернутых вокруг бутылки с вином.

– В первую очередь нам туда! – категорически заявила она, и уже даже направилась, было, к нужному зданию, когда спутник уверенно схватил ее чуть выше локтя и, удержав от опрометчивых действий, очаровательно улыбнулся.

– Не гони коней, дорогая, надо сначала убедиться, что там не подают яд. Мы, казалось мне, пришли сюда корабль искать?

– Луи, я умру от голода и корабль нам уже не потребуется! – девушка, пропустив мимо ушей язвительное обращение к ней, умоляюще прижала свободную руку к груди, – Идем, прошу тебя! Загипнотизируй хозяина и заставь его дать нам поесть!

Молодой маг только покачал головой и, выпустив спутницу, сунул руки в карманы, шагая следом за ней.

– С виду такая милая девушка, а сама только о еде и думает... – пробурчал он, пиная какой-то камешек, – Нет бы спасением... Тьфу ты, черт, Татьяна! Нельзя же так резко тормозить! – едва не врезавшись в действительно очень внезапно остановившуюся девушку, он недовольно схватил ее за плечо и, заглянув ей в лицо, обреченно вздохнул, – В чем еще дело на сей раз? Ты что, привидение родного папы увидела?

Татьяна, не реагируя на глупые вопросы и не менее глупые шутки, медленно повела головой из стороны в сторону и, действуя столь же неспешно, вытянула руку, указывая на что-то, располагающееся рядом с забегаловкой.

Людовик, хмурясь, всмотрелся в демонстрируемый предмет, и брови его поползли вверх.

Рядом с таверной, сверкая на солнце полированными боками, стоял ярко-красный спортивный мотоцикл.

– Так-так, – Луи, усмехаясь, сунул одну руку в карман, немного приподнимая подбородок, – Хоть одни знакомые колеса в целом городе. Что же, возрадуемся, что бессмертный придурак-мотоциклист в этом мире все еще существует... и что он сохранил для меня свой драндулет.

Девушка медленно перевела взгляд на спутника и, устало опустив плечи, поморщилась. Создавалось впечатление, что, изменив объект ненависти, Людовик не слишком-то изменил свое отношение к другим людям.

– Не очень-то ты изменился, – вздохнула она, сверля знакомый до боли мототранспорт пристальным взглядом, – Как думаешь... Влад один в этой забегаловке?

– Тебя интересует, есть ли рядом с ним заступник, который помешает мне при случае доломать ему ребра? – Людовик широко ухмыльнулся и с наигранным безразличием пожал плечами, – Мне до этого дела нет, я могу и с заступником разобраться, если придется. Давно уже кулаки чешутся...

– Уймись, гладиатор, – Татьяна набрала побольше воздуха и, искренне радуясь, что младший из братьев де Нормонд с некоторых пор все-таки прислушивается к ней, решительно кивнула, – Пойдем туда и узнаем. Не думаю, чтобы в этом мире у Влада были другие друзья, кроме... – она не договорила и, не дожидаясь согласия своего спутника, решительно зашагала к приземистой харчевне, испытывая одновременно безумную надежду и, пожалуй, такой же страх. Людовик, негромко фыркая себе под нос, без особого энтузиазма направился следом за ней, изредка почесывая кулаки.

То, что надежды ее себя оправдали, девушка поняла, едва зайдя в харчевню и окинув взглядом весь присутствующий в ней люд.

За дальним от входа столом, немного скрытым в тени, сидел, горделиво выпрямившись, худощавый молодой человек с длинными, черными как смоль волосами, завивающимися крутыми кольцами. Узнать его не составляло труда даже со спины, и Татьяна, замерев на пороге заведеньица, взволнованно и восторженно вздохнула, чувствуя, как губы ее против воли растягиваются в улыбке.

Присутствие рядом Людовика, безусловно, внушало ей уверенность, помогало чувствовать себя несколько спокойнее, но все-таки не заставляло переставать желать встречи с кем-то более близким и более родным. Роман, человек, с которым бок о бок она прожила чуть больше года в большом замке, одним своим присутствием заставлял ее ощущать такое счастье, словно

бы мир уже был возвращен на круги своя. А впрочем... для нее это и было его возвращением. Обрести вновь друзей, родственников, опять ощутить их поддержку, их тепло, – вот что было самым важным для заблудившейся в фантазиях Альберта девушки.

Она глубоко вздохнула и, сжав руки в кулаки, взволнованно шагнула, было, вперед, безмерно желая просто броситься сидящему за столом юноше на шею... но сильная уверенная рука, стиснувшая плечо, не позволила ей этого сделать.

– Осади, – тихо велел Людовик, успевший очень вовремя нагнать свою чересчур радостную спутницу и, хмурясь, сам всмотрелся в спину брата, – Он может тебя не помнить.

Татьяна, как-то сразу померкнув, испуганно оглянулась на более мудрого попутчика и вновь перевела взволнованный взгляд на Романа, всматриваясь теперь более внимательно.

Молодой человек, что-то говоря, взмахнул рукой и откинулся на спинку стула. Стало заметно, что беседует он вовсе не с самим собой, как уже могло бы показаться, а со вполне реальным и безо всякого труда узнаваемым человеком.

Владислав Цепеш, известный также как владелец мотоцикла, виденного молодыми людьми на улице, вскочил в некотором возмущении и, опершись ладонями о столешницу, чуть подался вперед, активно что-то втолковывая собеседнику.

Девушка чуть повернула голову вбок и нахмурилась. Странное, лишенное оснований, но исполненное надежды подозрение мелькнуло у нее и, безмерно желая убедиться, что оно посетило не только ее, Татьяна опять обернулась к стоящему рядом с ней парню.

– У меня странное чувство, что Влад пытается объяснить ему... – она замялась, – Расказать... О настоящем мире. Может быть, он...

– Помнит? – Луи равнодушно пожал плечами. К бравому бессмертному мотоциклисту симпатии он с последней их стычки не испытывал.

– Все может быть, Татьяна, в этом ненормальном мире – все, что угодно. Тем более, что Цепеш всегда был лишь неудачным экспериментом дядюшки, ошибочно созданной игрушкой, поэтому я не исключаю, что магия Альберта на него могла и не подействовать.

– Пошли, – решительно отреагировала его собеседница и, схватив молодого мага за ту руку, что он все еще держал на ее плече, потянула его за собой. Людовик, особенно не сопротивляясь, саркастически хмыкнул, без особого желания подчиняясь.

Зал портовой таверны не был слишком велик, для того, чтобы пересечь его, не требовалось очень много времени, поэтому уже вскоре Татьяна и ее спутник оказались настолько близко к интересующим их персонам, что смогли в той или иной степени расслышать их разговор.

– Потому что все, что ты говоришь, похоже на горячечный бред! – голос Романа, неожиданно коснувшийся их слуха, заставил девушку на мгновение замереть, чувствуя, как сильно и радостно бьется сердце, – Влад, что с тобой? Мы знакомы не первый год, и вдруг ты начинаешь мне с пеной у рта доказывать, что мир, где мы все это время жили, не настоящий, что все вокруг неправильное и что мне срочно надо хватать шпагу и бежать менять реальность. Может, вызвать санитаров пока ты не начал бросаться на людей?

– Черт возьми, Роман, да вспомни же ты! – Владислав рассерженно хлопнул ладонями по столу и, вскинув голову, неожиданно замер, глядя мимо своего собеседника. На лице его медленно и неотвратимо уверенно начала прорисовываться широкая улыбка.

– Татьяна?... – молодой человек, улыбаясь все шире и шире, вышел из-за стола, не сводя взгляда с приблизившейся девушки и, действуя в определенной степени неуверенно, видимо, опасаясь, как бы вселенская амнезия не постигла и ее, протянул к ней руку, – Как же я рад тебя видеть! А... – взгляд его скользнул к парню, стоящему рядом с девушкой, и на лицо бессмертного набежала грозовая туча, – А он что тут делает?!

– Помог мне добраться сюда, – Татьяна примирительно подняла руки и, заулыбавшись сама, шагнула к собеседнику, – Я тоже рада видеть тебя, Влад. Ну и... – взгляд ее упал на заинтересованно обернувшегося виконта, – Не тебя одного.

– А это у нас еще кто? – Роман заинтригованно приподнял бровь, переводя взгляд со своего друга на его собеседницу, – Ты назвал ее... – он неожиданно несколько посерьезнел, недоверчиво подаваясь вперед, – Татьяна? Неужели та самая, с которой ты мне с самого утра мозги канифолишь? – всмотрелся внимательнее и немного склонил голову набок, прищуриваясь, – Подозрительная личность со знакомым лицом. Ее не разыскивают случайно за что-нибудь особо серьезное?

– Ее вряд ли, – пасмурно откликнулся Цепеш, не сводя взгляда с кажущегося совершенно расслабленным молодого мага, – А вот что касается этого типа... Какого дьявола тебе здесь нужно?! Опять по заданию Альберта вынюхиваешь?! Учти, если ты попытаешься хоть что-то...

– Тихо, бессмертный, – лениво прервал его Людовик, – Как я говорил Татьяне, с Альбертом я больше не дружу. Он отобрал у меня игрушку, а я плюнул в его песочницу... Так что теперь я буду дружить с вами, если, конечно, ты все-таки отдашь мне мотоцикл.

– Опять он за свое! – Владислав раздраженно хлопнул себя по бедрам и, резко выдохнув, сел, делая весьма вызывающий приглашающий жест, – Впрочем, я рад, что вы, по крайней мере, судя по всему, признаете неправильность этого мира. Садитесь.

– Нет, подожди секундочку! – виконт де Нормонд, видимо, не особенно довольный перспективой сидеть за одним столом с не особенно знакомыми ему личностями, негодуя вскочил на ноги, – Как это «садитесь»? Девушка мне крайне подозрительна, а что касается типа, то он вообще похож... – молодой человек неожиданно осекся и внимательнее всмотрелся в родного брата. Говорил и думал Роман всегда одновременно, поэтому остановив речи, он одновременно остановил и мысль, внезапно осознав, каким должно быть ее продолжение.

Он немного подался вперед, повернул голову вбок, глядясь во вновь прибывшего искоса, затем отшатнулся и тяжело упал на только что, было, оставленный стул.

– Не может быть... – голос его неожиданно сел; лицо залило то же пораженное изумление, что было на нем в миг первой встречи с тем же юношей после трехсотлетней разлуки, – Ты похож... Но это невозможно, ты же мертв!

– Да нет, Роман, я жив, – Луи тихонько вздохнул и, как-то виновато улыбнувшись, неловко пожал плечами, – Я – Людовик, твой родной младший брат. Я жив, вполне здоров, немного подрос, повзрослел, готов на подвиги и действия, и даже, может быть, способен прочистить твою память от засоров. Здравствуй.

– В моей памяти нет засоров, – огрызнулся виконт, всматриваясь в собеседника все более и более недоверчиво, – В ней есть только непонятности. Последний раз я видел тебя четырнадцатилетним мальчишкой, но у меня такое ощущение, что я уже общался с тобой... таким. И эта девушка! – он взмахнул рукой в сторону осторожно протискивающейся к месту для сидения Татьяны, – Я готов прозакладывать душу, что видел ее раньше, но я не помню где, когда и почему! Уже начинаю подозревать себя в сумасшествии, потому что готов поверить Владу.

Цепеш устало вздохнул.

– Ну, наконец-то... И, если я прав, то скоро ты почувствуешь себя еще более сумасшедшим, потому что эти ребята подтвердят мои слова. По крайней мере, в Татьяне я уверен точно.

– А зря, – Людовик, не дожидаясь повторного приглашения, уселся за стол и легко пожал плечами, – Поверь, парень, из нас двоих она куда как более ненормальная, чем я. Итак, Роман... Что ты помнишь?

– Если ты имеешь в виду фантазии на тему другого, очень нормального мира, то о них мне неизвестно, – виконт хмыкнул и, откинувшись на спинку стула, скрестил руки на груди, – Если мир нормален, то он ненормален априори, ибо нормальности в принципе не существует.

Тем более, что я по сию пору не уверен даже, что могу верить тебе... брат, – в последнем слове явственно прозвучало сомнение, и Луи негодуя закатил глаза.

– Может, еще сбегает в ближайший медпункт и выпросит анализ ДНК? Сам, между прочим, меня узнал первый, я не навязывался. Так что давай-то оставим глупости и поговорим о вещах чрезвычайной серьезности... Ты хоть что-нибудь помнишь? Ну, давай, напряги извилины!

Роман, совершенно недовольный тем, как младший брат командует им, раздраженно передернул плечами. Вспомнить вот так вот, навскидку, что же он помнит, а что не помнит, было затруднительно.

– Я не знаю! Я жил три сотни лет спокойно, тихо и мирно, а теперь вдруг мне на голову свалились вы двое, мой друг внезапно свихнулся, а мне надлежит сопроводить вас в психушку! Слушайте, за три столетия не было ничего, что казалось бы мне странным или... Ну, не считая исчезновения Эрика. Я до сих пор не знаю, где он и что Альберт сделал с ним...

– Мы полагаем, что Эрик у него в плену, – Татьяна, решившаяся подать голос, быстро глянула на Луи и, убедившись, что он думает также, уверенно кивнула, – Да, скорее всего это так. В конце концов, только он может убить Альберта, и Андре сказал...

– Остановись, женщина! – взмолился виконт и, демонстративно прижав руку ко лбу, жалобно продолжил, – Ты действительно явилась, чтобы свести меня с ума, да? Откуда ты знаешь Эрика? Кто такой Андре, еще один псих, который заявится по мою душу? Что он сказал, кому он сказал, зачем он сказал?

Людовик примирительно поднял руки.

– Успокойся. Андре – это новый знакомый Татьяны и к нам отношения он не имеет. Что же до Эрика... Ну, придется танцевать от печки, чтобы ты был уж совсем в шоке. В нормальном мире твой брат не находится в плену, а живет в неразрушенном замке вместе с тобой, а за компанию еще и со своей женой. Собственно, жену ты можешь сейчас видеть.

Роман пару раз медленно моргнул, затем стиснул губы, явственно пытаясь осознать и принять новое понятие реальности.

– Так... – вымолвил он по прошествии нескольких секунд и, хмурясь, потер висок, – Значит, замок... Эрик... его жена... А ведь еще был этот, котик! – в серо-зеленых глазах его неожиданно как будто вспыхнул свет, – Я же помню, да... Да-да, я что-то такое вспоминаю, это... Было, действительно, это безумие было реальностью! – он приоткрыл рот, ошарашенно окидывая взглядом брата и его спутницу, а заодно косясь и на Влада, – Я помню... Замок, мы с братом жили там, потом появилась она, – юноша совершенно некультурно ткнул пальцем в Татьяну, – Но было еще что-то, какие-то животные, были... кошки, – он подозрительно нахмурился и, всмотревшись в Татьяну пристальнее, с претензией осведомился, – Почему я ничего не помню?

– Потому что Альберт хорошо постарался, – ответил вместо девушки Людовик и, тотчас же спеша восстановить некоторую справедливость, виновато вздохнул, – Ну... собственно, и я был немного виноват. Все это закрутилось после того, как я убил Альберта, так что...

– Как это «ты убил Альберта»? – Роман, во взгляде которого вновь зажглось недоверие, мотнул головой, – А чего же тогда она врет, что только Эрик может его убить?

– Да никто тебе не врет, возиться еще, – Луи коротко вздохнул и, решившись, стукнул кулаком по столу, – Хорошо. Заткнись, и слушай сказочку, дорогой брат, потому как сказка предстоит нам долгая...

...Сказочка и в самом деле получилась долгой. Татьяна, бывшая и сама участницей всех событий, и рассказывавшая о них Людовику, к концу ее уже откровенно тяготилась и, сумрачно переводя взгляд с одного из собеседников на другого, а потом и на третьего, периодически бурчала, что так они упустят все корабли. Внимания, впрочем, на ее слова обращали мало, лишь изредка отмахиваясь от них или, в крайнем случае, говоря, что на их век кораблей хватит.

Роман слушал с превеликим интересом, изредка вставляя какие-то замечания, задумчиво кивая и всматриваясь в рассказчика с немалым вниманием и, вместе с тем – некоторым подозрением.

– А ведь ты был против нас... – задумчиво вымолвил он, когда Людовик торжественно объявил, что рассказ завершен, – Так, да?

– Так, – не стал спорить молодой маг, – Был, но быстро передумал. Особенно, когда встретил папу...

– А я этой встречи даже не помню... – Роман слегка погрузился и, тихо вздохнув, мотнул головой, – Зато вспомнил много чего другого. Вот странно – когда мне об этом говорил Влад, слова казались бредом, а теперь... Признайся – ты загнипнотизировал меня?

– Конечно, – легко согласился Луи, – Заметь – это значительно упростило процесс восстановления твоей памяти. Хотя бы частичного.

Виконт скорчил младшему брату рожу и, облокотившись на стол, задумчиво потер подбородок.

– Но если это все правда, если мир был действительно изменен Альбертом, то нам же надо вернуть все на место! Признаю, мне по-прежнему это видится несколько странным, но, если в том мире замок цел, и Эрик на свободе – я хочу жить в том сумасшедшем доме, а не в этом.

– Сумасшедший дом – это уж точно, – буркнула девушка, дернув плечом, – В замке у нас всегда царило абсолютное безумие.

– Кстати, о безумии, – Людовик, вспомнивший еще один немаловажный аспект всеобщего сумасшествия, воздел палец, призывая к вниманию, – Насчет массы наших дядюшек. Альберт, как тебе, видимо, все же известно, нам не родня. Зато кое-кто другой, кое-кто с собачьим уклоном – еще какая родня, роднее просто быть не может!

– Я помню кошечек! – возмутился Роман, – Откуда у нас в роду взялись песики тебе придется объяснить мне! Или я вызову тебя на дуэль, дабы потребовать сатисфакции за ложь!

На губах Татьяны сама собой появилась широкая улыбка. Слова ей были более, чем знакомы – вызвать на дуэль Роман обещал, наверное, каждого из своих знакомых и родственников, чем всегда немало ее забавлял. Не считая, конечно, того случая, когда все-таки состоялась его дуэль с Альбертом, закончившаяся для бедного виконта довольно плачевно.

– Узнаю Романа, – не удержавшись, негромко отметила она, – Только, боюсь, с дуэлью не получится – шпаги я у тебя на поясе не вижу.

– Это не сложно исправить! – мигом отреагировал виконт и неожиданно погрозил девушке пальцем, – А ты вообще особенно не высывайся, мадемуазель жена Эрика. Тебя я вспомнил как-то слишком смутно, так что лучше не нервуй меня.

– Подумаешь, какой нервный, – Татьяна недовольно передернула плечами и, вздохнув, предпочла несколько изменить тему, – Может, временно забудем о твоих нервах и сообразим, что нам теперь надо? Мы вот с Луи собирались в Англию, дабы пообщаться с моим родителем... Может, составите нам компанию?

– Если вам удастся уговорить этого упряма, то без вопросов, – Влад устало вздохнул, красноречиво взирая на мигом надувшегося Романа, – А то видите – он уже наполовину все вспомнил, а по-прежнему упирается рогом в землю.

Виконт де Нормонд демонстративно ощупал собственный лоб и, вне всякого сомнения, не обнаружив на нем рогов, погрозил приятелю пальцем.

– Нехорошо обманывать доверчивых людей. Рога у меня отпали еще в юные годы, я иногда по ним так тоскую... Ну, хорошо, предположим, я соглашусь стать для вас компанией. В конечном итоге, мне что-то такое смутно помнится, что эта самая жена Эрика большая авантюристка, да и от братика своего я ничего хорошего не ожидаю. Должен же я позаботиться о безопасности случайно встреченных людей!

– А если попробовать говорить серьезно? – девушка, которой уже успели надоест шутки обоих братьев, умоляюще сложила руки, – Ну, пожалуйста, хотя бы немного! Если вы с Владом и в самом деле составите нам компанию, то надо решить, как добраться до Англии. Не пешком же мы, в самом деле, туда пойдем!

– Пешком на остров – было бы забавно, – хмыкнул в ответ Роман и, глубоко вздохнув, решительно кивнул, – Хорошо. Попробую побыть серьезным, раз уж ты так слезно умоляешь. Итак... говоря откровенно, я и сам планировал отправиться в Англию. Мне известно, что у Альберта там резиденция, известно, что он так или иначе причастен к исчезновению Эрика, и я хотел выяснить у него, что с моим братом. Странно, что за прошедшие три столетия мысль эта не спешила ко мне в голову, а заявила только несколько дней назад... – юноша растерянно почесал висок, а Людовик с Татьяной понимающе переглянулись. Судя по всему, Роман оказался в этом мире несколько дней как, только не помнил об этом, полагая себя проживающим здесь уже три века.

– В общем, как бы там ни было, а я уже искал водные пути в Лондон, – молодой интантер (а то, что он по-прежнему им является, можно было предполагать с почти стопроцентной уверенностью) хмыкнул и слегка развел руки в стороны, – И, в общем и целом, нашел. Мне шепнули об одном парне, пирате по кличке Бешеный, и я думал договорится с ним о доставке ценного груза в виде меня в нужное место.

– С пиратом, – Татьяна тяжело вздохнула и недоверчиво покрутила головой, – Да еще и с таким говорящим прозвищем! Да, я вижу, этот мир не изменил тебя, Роман, – ты остался все таким же сумасшедшим.

Собеседник ее весело пожал плечами.

– Так ведь это же хорошо! У нас дружная компания – четыре штуки психов, никому не обидно, никто не будет расстроен. В общем, я что хочу сказать – нам надо только найти Бешенного и попросить его прокатить нас на его фрегате.

– Класс, – Людовик саркастически ухмыльнулся и, скрестив руки на груди, заинтересованно склонил голову набок, – Ну, и где нам его искать?

Ответить Роман не успел. От входа в таверну послышался какой-то шум, неясный гул голосов, топот тяжелых сапог и спустя несколько мгновений дверь распахнулась от чьего-то невежливого пинка, являя взорам всех присутствующих компанию весьма красноречиво одетых людей.

– А вот и пираты... – девушка поежилась, неприязненно окидывая взглядом заявившуюся команду.

Тем временем, морские разбойники, так беспардонно распахнувшие для себя двери, неожиданно рассеялись, разделились на две кучки с обеих сторон от входа.

– Капитан! Дорогу капитану! – послышались возгласы, сменяющиеся почти благоговейным шепотом.

Посетители таверны закопошились, засобирались. Многие из них повскакали со своих мест, торопливо отступая ближе к стенам и надеясь скрыться в их тени, или в тени прежде не замеченной девушкой небольшой верхней площадки, довольно густо уставленной столиками. За последними тоже сидело несколько человек, но этих, судя по всему, появление пиратов не взволновало – или они были привычны к такому, или же просто не сомневались, что наверху замечены не будут.

Четверо молодых людей, сидящих за дальним и немного скрытым от глаз посторонних, столиком, постарались стать как можно меньше, дабы не привлечь к себе внимания. В целом, им это удалось и, даже, возможно, удавалось бы дальше, если бы не маленькое «но».

Послышались чьи-то уверенные, четкие шаги. Пираты, сбившиеся в кучки, как-то сжались, старательно уступая дорогу, очевидно, приближающемуся капитану.

Еще две секунды – и в дверях появилась высокая фигура худощавого, уверенного в себе, довольно дерзкого даже на вид и безумно знакомого молодого человека.

Татьяна ощутила, что у нее холодеют пальцы. Уж кого-кого, а этого парня в такой ипостаси увидеть она как-то не ожидала.

– Чарли... – слетел с ее губ пораженный вздох, и Людовик, поначалу демонстративно не обративший внимания на капитана пиратов, сам удивленно взгляделся в того, кого прежде знал лишь как доброго и милого доктора.

Сейчас от прежнего облика в нем не осталось практически ничего. Чарли выглядел совершенно невероятно, феерично, потрясал, ужасал и восхищал одним лишь своим видом.

Голова его была повязана черной банданой, чей узел, вместо того, чтобы находится на затылке, располагался почему-то сбоку. Плечи его обтягивала белоснежная рубашка, расстегнутая на груди; на поясе, выделяясь на фоне черных штанов, болталась в серебристых ножнах шпага. Обут капитан пиратов был в блестящие сапоги с высоким голенищем, довольно тяжелые, надо полагать, ибо шаги его в них отдавались исключительно громко, оглашая всю таверну.

Светлые волосы, практически скрытые банданой, кое-где из-под нее выбивались, и на их фоне было понятно, что обычно бледное лицо этого молодого человека сейчас немало загорело. Видимо, путешествия по морям оставили на нем свой отпечаток.

Он был небрит, голубые глаза его блестели насмешливо и вызывающе, тонкие губы были растянуты в легкой полуулыбке – Чарльз казался самым настоящим капитаном морских разбойников, почти сошедшим со страниц какой-нибудь книжки.

Роман, удивленно покосившийся на девушку, с таким поражением произнесшую имя пирата, легко пожал плечами и, ни капли не боясь, и не смущаясь, махнул вошедшему рукой.

– Эй, Бешенный!

Чарли, которого, судя по всему, собственная команда боялась до чертиков, удивленно окинул взглядом зал таверны, не понимая, кому могло прийти в голову так легко и просто обратиться к нему. Впрочем, увидев говорящего молодого человека, капитан улыбнулся. Судя по всему, Романа он знал или, во всяком случае, был о нем наслышан.

Дав знак команде не следовать за ним, парень уверенно приблизился к столику друзей и, окинув всех их долгим пронизательным взглядом, остановил его, наконец на виконте.

– Ты, должно быть, Роман, – голос его звучал несколько ниже, чем в нормальном мире, жестче, с хриловатыми нотками в нем, – Мне говорили, что меня ищет какой-то парень с длинными черными волосами. Что тебе нужно?

– У меня к тебе просьба, – юноша, вне всякого сомнения, не испытывающий никакого трепета или, тем более, благоговения перед собеседником, немного склонил голову набок, – Или даже вопрос. Ты не берешь пассажиров на свой фрегат? Нам бы с ребятами в Англию попасть, да подешевле...

– Подешевле? – Чарли Бешенный усмехнулся и слегка качнул головой, скорее отказываясь исполнить просьбу нового знакомого, чем соглашаясь на нее, – Нет, я не беру к себе пассажиров, особенно «подешевле». К тому же, я только что из плаванья, едва сошел на берег и не тороплюсь опять бросаться в море. Тем более, в Англию! – он хмыкнул и, вероятно, решив, что разговор окончен, сделал шаг назад. Однако, тотчас же замер, хмурясь и, вне всякого сомнения, вспоминая о чем-то.

– Впрочем... Есть один парень, он, кажется, команду набирает. Слышал я в порту болтовню матросскую... Если сдюжите – рискните наняться матросами на «Соарту». Глядишь, да повезет. А девчонка будет готовить в пути, – он криво улыбнулся и, шутливо козырнув двумя пальцами, чуть склонился, делая еще шаг назад, – Адъёс.

Роман церемонно кивнул и, проводив отошедшего собеседника взглядом, медленно обернулся к друзьям. После чего еще раз оглянулся через плечо на пирата, и невольно содрогнулся.

– Ну и парень, мурашки от него по коже... И ведь вроде бы ничего особого не сказал, был вежлив, но *как* он этого не сказал! Клянусь, я бы предпочел, чтобы он был дерзок, а не вежлив... Не удивительно, что его зовут Бешеным.

– Да уж, на милого доктора он похож как арбалет на пряник, – Луи сжал губы и, мотнув головой, нахмурился, – Так что же? Рискнем последовать совету одичавшего эскулапа и отправимся наниматься матросами? Я, правда, в морском деле смыслю значительно меньше, чем в м... – он быстро оглянулся по сторонам, глянул на верхнюю площадку, и немного понизил голос, – Кхм, чем во многом другом. Да, кстати... говорите тише, господа, – он обворожительно улыбнулся и с видом самым беспечным и спокойным, добавил, – За нами шпионят.

Татьяна, только, было, собравшаяся выразить свое изумление по поводу новой и весьма странной роли доктора Чарли, испуганно огляделась и, хмурясь, вновь перевела взгляд на Людовика.

– Шпионят? Кто? Где?..

– Слишком много вопросов, – молодой маг саркастически усмехнулся и красноречиво указал глазами и бровями куда-то в правый верхний угол, как раз туда, где находилась площадка второго этажа таверны. Девушка, прекрасно сознавая, что привлекать внимание к своей персоне излишним интересом не стоит, чуть-чуть повернула голову, исподтишка всматриваясь в верхние столики. Несколько секунд взгляд ее безучастно скользил по посетителям, одетым кто во что горазд и представляющим собою довольно колоритное зрелище, пока, наконец, не остановился на человеке, видном не слишком хорошо, но все-таки заметном. Он сидел, облокотившись на столик, полностью игнорируя еду, стоящую перед ним (Татьяна, завидев ее, вмиг вспомнила о собственном голоде), задумчиво касаясь подбородка и немного повернув голову вбок, с довольно внимательным видом, хотя и нарочито отстраненным, явственно прислушивался к чему-то. Одет он, в отличие от разношерстной публики, был очень элегантно, в черный строгий костюм, что, на самом деле, лишь еще больше выделяло его персону на общем фоне.

– Ри... – начала, было, растерянно шептать девушка, но Луи, резко воздев палец и нахмурившись, шикнул на нее.

– Не говори лишнего, девочка, – он слегка погрозил ей пальцем и, вздохнув, быстро глянул на прислушивающегося, вне всякого сомнения, именно к их беседе, человека, – Зачем тревожить покой песиков, окликаая их? Помни – волчий слух остер... – он поморщился и, окинув взглядом прочих собеседников, быстро облизал губы, – Итак... на чем мы остановились?

– Что у вас за разборки с лордом Ричардом? – Роман, которому не был дан приказ не называть имени «песика», не задумывающийся об остром волчьем слухе, с интересом склонил голову набок. Взглянуть наверх, как и Татьяна, он уже успел, а нужного человека увидел даже раньше нее, поэтому теперь был крайне заинтересован.

– Сущая ерунда, – молодой маг, безмятежно улыгнувшись, пожал плечами, – Он хотел съесть Татьяну, а я ему помешал, поэтому теперь он капельку обижен, – парень задумчиво окинул взглядом пространство вокруг и, резко меняя тему, предложил, – Быть может, пойдём следовать совету дикого пирата? Мне что-то душно тут, да и вообще... засиделись мы, – при последних словах он сделал такие страшные глаза, что собеседникам его как-то сразу тоже стало душно.

– То есть, кормить меня никто так и не будет? – уточнила Татьяна и, обреченно опустив плечи, уныло кивнула, – Ну, в таком случае, конечно, пошли. Может, у капитана того судна, на которое вы хотите наняться, хоть рыбка копченая найдется...

– С едой вопрос решим после, – Луи решительно поднялся на ноги и, заметив, что ни брат, ни его друг, следовать позитивному примеру даже и не собираются, недовольно сел на место, – Ждем особого приглашения? Или знака свыше? Ну, что ж, подожду с вами.

Роман фыркнул.

– Уж больно ты резвый, братишка, скажу я тебе. Однако, в твоём возрасте следует быть сообразительнее и понимать, что старому больному брату не под силу вот так вот вскакивать и бежать рулить кораблем! Да, тебя еще воспитывать и воспитывать... – виконт с демонстративным кряхтением поднялся на ноги и, тяжело вздохнув, решительно махнул рукой в сторону выхода, – Полный вперед, ребята, пойдём искать лодчонку. Надеюсь, она вместит всю нашу дружную компанию закадычных психопатов, и надеюсь, что мы не сведём с ума капитана... Я слышал, они ребята нежные.

Татьяна, тоже поднимавшаяся на ноги следом за интантером, непонимающе нахмурилась. Из слов Романа всегда надо было выделять главное, и делать это она приучила себя довольно давно, поэтому сейчас его речами была совершенно не удивлена. Изумляло её другое – замечательные слезки её спутники, похоже, ничуть не переживали из-за неё, предпочитая гордо игнорировать, и это немного смущало.

– погоди, но как же... – она красноречиво указала взглядом на, вне всякого сомнения, несколько насторожившегося Ричарда, который заметил, что добыча планирует ускользнуть от него.

– О нехороших дяденьках поговорим на улице, – Луи, тоже вновь поднявшийся, быстро глянул в сторону второго этажа таверны и, переведя взгляд на Влада, кивнул ему, – Идем.

Мотоциклист легко поднялся на ноги и, вздохнув, потер лоб ладонью.

– Прямо не знаю, что делать, – задумчиво вымолвил он, – Боюсь, мой мотоцикл на корабль не влезет, а здесь его могут украсть...

Маг, вне всякого сомнения, недовольный такой темой разговора, демонстративно махнул на бессмертного рукой и, решительно прерывая всяческое промедление, уверенно зашагал к выходу, между делом схватив за руку Татьяну и потянув её за собой.

Роман и Владислав, переглянувшись, последовали за ними.

Ричард наверху, убедившись в том, что добыча действительно планирует ускользнуть от него, вскочил из-за стола и, хмурясь, торопливо бросил на него деньги – плату за пищу, к которой он даже не прикоснулся.

Говоря начистоту, в этой таверне он сейчас оказался действительно случайно. Злой, как черт, со все еще болящими, хотя и уже достаточно неплохо функционирующими – восстанавливался-то он действительно очень быстро, а тут еще и мастер в былые годы немного вмешался и своей магией сильнее ускорил его регенерацию, – рукой и ногой, мужчина, все еще переживающий и переживающий горечь поражения, нанесенного ему жалким мальчишкой, забрел сюда только для того, чтобы немного развеять мрачные мысли. Кроме того, ему давно уже надо бы было отправиться в Англию, ибо мастеру требовались регулярные отчеты о положении в подвластных ему городах, а Ричард, исполняя роль надзирателя, обязан был предоставлять их ему. Но нередко задерживался, чаще всего по причинам, не зависящим от него самого, принимал на себя недовольство мастера, клялся, что более такого не повторится, и повторял все с завидной регулярностью. К постоянным его опозданиям, наверное, успел привыкнуть уже и мастер, и журил нерадивого клеветника скорее по привычке.

Итак, лорду Ричарду надлежало отправиться в Англию и, в отличие от четверых путешественников, он не сомневался, что его персону на борт с охотой примет любой корабль. Однако, перед тем, как начать поиски подходящего, достойного его судна, решил зайти немного перекусить в портовую таверну, стараясь отогнать от себя неприятные воспоминания о вчерашней стычке.

И неожиданно услышал голоса.

В принципе, в стенах этого заведения, куда зачастую люди набивались, как селедки в бочку, услышать чьи-то голоса было делом вполне обычным, и удивляться этому не стоило, но на сей раз дело обстояло по-другому.

Обладающий поистине волчьим слухом, оборотень из общего гула сумел по случайности выделить для себя один, до омерзения знакомый голос, голос мальчишки, посмеявшегося одолеть его! Он скрипнул зубами и, забывая про еду, окинул долгим взглядом зал вниз. Да, так и есть. Тот самый мальчишка, с ним девчонка и еще двое странных парней. Нашли себе сообщников? Прекрасно, мастер будет доволен, если он разоблачит целую банду! В конечном итоге, тот факт, что треклятый мальчишка сумел справиться с ним, с лордом, оказался сильнее него, уже наводил на весьма конкретные подозрения. Такой силой не мог обладать простой смертный, ею должен был бы владеть кто-то другой, или не человек, или... маг. Ну, а магия мастером издавна была объявлена вне закона, поэтому мальчишка, явно ею не брезгующий, с полным правом должен был считаться преступником. Так что слова о его скорой казни пустыми не были... Ну, а девчонка пойдет как соучастница. Жаль, конечно, она красивая, но не все в нашей жизни идет так, как хотелось бы... Впрочем, может быть, мастер отдаст ее ему поиграться.

Ричард глубоко вздохнул и, с каким-то мрачным чувством понимая, что «поиграться» с сидящей внизу девушкой он не хочет, устремил все свое внимание на беседу молодых людей.

Признаться, разочарован он не был, – молодые преступники обсуждали вопросы действительно немаловажные, собирались отплыть в Англию, так же, как и он, искали подходящий корабль, но зачем? С какой целью? Девушка упомянула о беседе «со своим родителем», казалось бы, весьма безвинное намерение, но черт их знает... Быть может, она и сама дочь мага, и «родитель» может помочь ей как-то навредить мастеру!

А этот мальчишка! Что за чушь он несет о каком-то другом мире, о событиях, которых никогда не было, да и быть не могло? Черт бы побрал этих молокососов, похоже, придется схватить их, да допросить хорошенько, прежде, чем доставить к мастеру.

Однако, они заметили слезку. Снова этот мальчишка, неугомонный пацан, вертел головой направо и налево и, наконец, заметил его! «Волчий слух остер», ха, похоже, мальчик знает, о чем говорит.

И, зная, пытается сбежать вместе со своими подельниками. Как глупо. Можно подумать, им удастся скрыться от него, от лорда, от оборотня, от волка, в конце концов!

Итак, Ричард поднялся из-за столика и, швырнув на него плату за так и не попробованную пищу, решительно направился на выход.

Тем временем, молодые люди, покинув таверну и, в отличие от щедрого лорда, не расплатившись – ни Роман, ни Влад ничего не заказывали, а Татьяну и вовсе оставили голодной, – неспешно зашагали от нее к набережной, степенно обсуждая, где и как найти корабль под названием «Соарта».

Девушка, видимо, единственная их всех беспокоящаяся о том, что осталось позади, и несколько раз в тревоге оглянувшись через плечо, наконец не выдержала.

– Шагайте быстрее! – в голосе ее послышались звенящие нотки, – Неужели забыли, что за нами следят? Я видела, как Ричард поднимался из-за стола, если он успеет заметить, на какой корабль мы поднимаемся...

– А зачем нам это скрывать? – Луи улыбнулся, прикусывая губу и, таинственно сверкнув глазами, развел руки в стороны, – Я полагаю, мы не станем больше заставлять бедного песика шпионить. Пригласим его на корабль вместе с нами, – он быстро глянул на брата, и тот, видимо, понявший мысль младшего, широко улыбнулся сам.

– Да, к чему утруждать беднягу слезкой? Если ему так хочется все о нас знать – пускай поплавает с нами. Думаю, что ему это понравится... – виконт быстро оглянулся через плечо и сделал брату мимолетный знак, указывая одновременно двумя указательными пальцами в

разные стороны. Людовик кивнул и, слегка сжав плечо Владислава, немного склонился, что-то шепча ему на ухо.

Мотоциклист тоже кивнул и, не мудрствуя лукаво, решительно подхватил совершенно опешившую девушку под руку, увлекая ее куда-то вперед.

Братья де Нормонд немного отстали. Татьяна, удивленно оглянувшись на них, успела заметить, как оба они, вроде бы продолжая спокойно идти вперед, незаметно свернули в небольшие проемы между невысокими строениями порта. Где-то в воздухе смутно повисло произнесенное кем-то из них слово «веревка».

Они продолжали идти. Девушка встревоженно оглядывалась, Владислав вел ее вперед, периодически говоря, что смотреть ей необязательно, и что лучше бы она поискала своим орлиным взором нужный корабль. Татьяна честно пыталась слушаться, всматривалась в громады судов, замерших у причала, но потом опять оглядывалась, не понимая, что задумали братья.

В какой-то миг ей почудился шум потасовки за спиной, и девушка невольно сжалась, как-то машинально сама вцепляясь в спутника. Участвовать в портовой драке ей почему-то не хотелось.

...Ричард сам не понял, как это произошло. Он не успел даже осознать, что именно произошло, не успел сообразить, как следует реагировать.

Он шел, как обычно, уверенный в себе и своих силах, шел спокойным и размеренным шагом, делая вид, что совершенно не интересуется шагающими впереди молодыми людьми и, должно быть, слишком увлекся этим, ибо не успел заметить, когда два молодых человека, интересующих его больше, чем девушка и еще один парень, куда-то исчезли. Он нахмурился, однако, продолжил идти, всем видом демонстрируя, что к нему это исчезновение отношения не имеет.

Однако, он заблуждался, ибо исчезновение молодых людей имело к нему самое непосредственное отношение, и убедиться в этом мужчине пришлось даже слишком скоро, в очередной раз потерпев жестокое разочарование в собственной силе.

Он миновал какой-то отнорок среди двух высоких складов, когда вдруг кто-то сзади резко накинул на него веревку, плотно прижимая руки к телу и практически обездвиживая. В ту же секунду по челюсти проехал взявшийся как будто бы из ниоткуда крепкий кулак, и Ричард на несколько долгих мгновений оказался дезориентирован.

Этих мгновений злоумышленникам вполне хватило. Когда мужчина пришел в себя, руки его уже были крепко связаны, возможности двигать ими он был лишен, и сумел лишь зло выругаться, да предпринять весьма безуспешную попытку пнуть одного из молодых мерзавцев.

Вчерашний мальчишка, весело расхохотавшись, отпрыгнул в сторону, увернувшись от пинка, а его союзник – смутно похожий на него юноша с длинными черными волосами, сам хохотнув, погрозил пленнику пальцем.

– Спокойнее, мой друг, спокойнее. Имейте достоинство сдаться, коли проиграли, а проиграли вы, должен заметить, крупно... Куда его денем?

– Я же говорил – пригласим с нами на корабль, – собеседник виконта пожал плечами и, дернув пленника за оставшийся свободным кусок веревки, велел, – А ну-ка, мартышка, от винта. Пойдешь с нами, чтобы не шпионил больше.

– Пошел к черту! – выплюнул Лэрд, яростно дергаясь и изо всех сил пытаясь разорвать тугие путы. Людовик укоризненно погрозил ему пальцем.

– А вот дергаться не надо, это чревато еще парочкой ударов. Ступай тихо, спокойно, и мы упакуем тебя в трюм корабля, а после доставим прямиком к твоему патрону, чтобы ты мог властью пожаловаться на нас.

– Брат мой дело говорит, – Роман важно кивнул и слегка толкнул пленника в спину, – Закрой рот и ступай себе с миром.

– Вам придется меня тащить, если хотите куда-то отвести! – разгневанный Ричард вновь дернулся и, переступив с ноги на ноги, вздернул подбородок, изо всех сил пытаясь показать, что с этого места он не сойдет.

– Проси – и получишь, волк, – Луи широко улыбнулся и резко дернул за веревку. Лорд, еле не упав от этого рывка, против воли сделал несколько шагов и, едва ли не взыв от бессильной ярости, опять попытался разорвать веревку. Людовик покачал головой.

– Мне просто смешно видеть твои жалкие потуги, – он усмехнулся и, неожиданно приблизившись к пленнику, стиснул тонкими пальцами его подбородок, заставляя немного опустить гордо поднятую голову и насмешливо вглядываясь в темные глаза, – Ты ведь не глуп, песик, иногда даже пытаешься притворяться умным. Полагаю, ты знаешь, с кем связался на этот раз...

– Маг! – гневно рыкнул оборотень, пытаясь высвободить подбородок, – Мастер убьет тебя, чертово отродье!

Парень глубоко, очень довольный вздохнул и, растянув губы в подобии приветливой улыбки, вежливо склонил голову.

– Маг. И веревку эту я не украл, и не захватил с собой из дома – я создал ее сам, только что и, поверь мне, тебе ее не разорвать. Мои веревки не такие хилые, как тебе бы хотелось надеяться.

– Даже если бы ты ее и разорвал, – подал голос Роман, наблюдающий за поведением и действиями брата в невольном восхищении: все-таки от младшего братишки он такой силы не ожидал и сейчас небезосновательно гордился им, – Против нас двоих ты не выступишь, лорд. Так что лучше послушайся и шагай вперед, чем тратить наше бесценное время.

– Ты все понял? – Людовик, продолжая лучиться приветливой улыбкой, пристально вгляделся в глаза оборотня. Тот замер. Странное ощущение, странное чувство нахлынуло на него. Он стоял, замерев почти по струнке, расширившимися глазами смотрел в зеленые очи напротив и не мог заставить себя шевельнуть даже пальцем. Ему казалось, что он парализован, что он не способен даже дышать, ему казалось, что мальчишка смотрит прямо ему в душу и высасывает, пьет ее, отнимая у хозяина вместе с ней силу.

Безмерное чувство дежа-вю нахлынуло на него, и Ричард неожиданно испугался. Кроме мастера магов он до сей поры не видел, и только сейчас вдруг неожиданно сообразил, как опасен может быть противник, наделенный такой силой.

– Ты сейчас спокойно пройдешь с нами, – размеренно произнес Луи, и оборотню показалось, что слова эти закладывают какую-то программу в его подсознание, – Не будешь кричать, не будешь вырываться, спокойно и послушно отправишься туда, куда мы тебя поведем. Ты все понял?

Ричард с огромным трудом сглотнул и кое-как дернул подбородком. Не подчиняться этому мальчишке казалось невозможным.

Людовик довольно ухмыльнулся и, выпустив его подбородок, отступил назад, вновь дергая веревку. Мужчина тяжело шагнул и, не в состоянии оспаривать только что полученный приказ, покорно последовал за молодым, но таким сильным магом.

Роман, который созерцал это, приоткрыв рот, только покачал головой и поторопился нагнать брата.

– Научишь меня так же? – серо-зеленые глаза его загорелись восторженным энтузиазмом, – Это же надо – самого лорда Ричарда вот так вот... как мальчишку! Как... как...

– Как теленок на бойню, – Луи быстро, очень ядовито ухмыльнулся, продолжая тянуть за собой механически переставляющего ноги оборотня, – Может, и научу. Только давай сначала мир на место вернем... Кстати, вон уже и наши.

– Эй! – резкий окрик смутно знакомым голосом, знакомым Роману, но не его брату, заставил обоих молодых людей удивленно обернуться. Ни один из них почему-то не думал,

что найдется в этом городишке кто-то, кто будет не рад их победе над лордом Ричардом, ибо обоим казалось, что власть Альберта в этом мире – это безмерный гнет, от которого каждый бы был рад избавиться.

Тем не менее, молодой худощавый человек с растрепанными каштановыми волосами и в длинном коричневом плаще, судя по всему, не разделял их уверенности, ибо лицо его пылало гневом и негодованием.

– Кто вам позволил нападать на господина Ричарда?! – парень, хмурясь, надвинулся на двух головорезов, сжимая руки в кулаки. Выглядел он в этот миг довольно забавно, хотя бы по той простой причине, что оба его противника в разы превосходили его по силе, и молодому человеку следовало бы опасаться стычки с ними. Но, видимо, господин Ричард был ему слишком дорог, настолько, что, желая спасти его, парень готов был забыть о себе самом.

К слову, сам Ричард на его голос никак не прореагировал. Сознание его все еще находилось во власти молодого мага, он выполнял лишь то, что было велено – шел, когда его вели вперед и останавливался, когда останавливался ведущий.

Луи безмятежно пожал плечами.

– Господин Людовик, – вежливо пояснил он новому собеседнику и, широко улыбнувшись, покосился на брата. Тот, пожав в свой черед плечами, церемонно кивнул.

– А также господин Роман. К вашим услугам, юноша.

– В таком случае, господин Давид против этого! – рявкнул молодой человек и, подняв кулаки, решительно надвинулся на братьев. Те переглянулись, недоверчиво хмурясь. Ричард, видимо, ввиду того, что маг был несколько отвлечен, начал что-то смутно сознавать и, опустив голову, слабо потрянул ею.

– Дэйв... – сорвалось с его губ имя единственного и самого верного друга, друга, который готов был пожертвовать собой, лишь бы спасти его. Услышан он, однако, никем из собеседников не был, включая даже и того самого друга.

– У тебя есть полное имя?.. – Луи, растерянно почесав свободной рукой в затылке, медленно перевел взгляд на брата, – Ты знал?.. Нет, я, честно говоря, вообще впервые этого кота в человеческом виде вижу, но полное имя!.. Это же уже просто нонсенс.

– Да, я... Понятия не имел, – Роман кивнул, растерянно созерцая человека, известного ему как Дэйв, – Я, конечно, вообще смутно помню все, но он вроде никогда так высокопарно не назывался...

– Хватит болтать! – Давид, судя по всему, не желающий терпеть и долгие бессмысленных разговоров, буквально взвился от ярости, – Отпустите господина Ричарда и вас помилуют!

Людовик демонстративно задумался, прикидывая и взвешивая все варианты. Затем сжал губы и упрямо мотнул головой.

– Ммм, нет, думаю, что нет. Мы его не отпустим хотя бы потому, что ему сильно хотелось шпионить за нами.

– Ну, а мы решили помочь ему в этом благородном занятии, – подхватил Роман, – Провести экскурсию по нашей непростой жизни, уложить в коробочку, перевязать бантиком и отослать кораблем в Англию, дяде лично в руки.

– Хватит острить, – Дэйв практически зашипел; в глазах его вспыхнули желтые искры, – Я предупреждаю в последний раз – отпустите его или...

– Дэйв... – усталый, сломленный голос Ричарда неожиданно остановил его, – Оставь это... Тебе не совладать с ними, этот парень – маг! – он потрянул головой, сбрасывая остатки навешанного послушания и гордо выпрямился, – Я пойду с ними. А ты следуй за нами на другом судне – на любом судне! – и как доберешься до Англии, извести обо всем мастера. Тогда мы посмотрим... – темные глаза оборотня яростно блеснули, и Роман жизнерадостно расхохотался.

– Не могу поверить! Такой взрослый дяденька, серьезный, наглый и мрачный – и что же? Прячешься за Альберта, как маленькая девочка за маму!

Луи, всецело одобряющий слова брата, фыркнул, кусая губы, чтобы сдержать смех.

– Ну, ты не расстраивайся так, маленький, – с явно фальшивым участием проговорил он, обращаясь к пленнику, – Как на борт поднимемся, так пустышку тебе дадим, погремушкой по черепушке... Чего застыл? – голос его внезапно стал жестким; зеленые глаза опасно сверкнули и молодой человек вновь решительно дернул веревку, – Пошел, ну!

Ричард скрипнул зубами и, действуя уже не под гипнозом, но явно без особого удовольствия, тяжело шагнул вперед, направляясь за людьми, которых полагал самыми злейшими своими врагами, не подозревая, что идет за своими родными племянниками.

Роман и Людовик с уверенным хладнокровием зашагали вперед, даже не попытавшись оглядываться ни на пленника, ни на его защитника.

Дэйв остался один. Несколько секунд он, почти пригвожденный к месту прямым приказом Ричарда, не двигался, лишь с горечью и страхом наблюдая, как удаляется его лучший друг, крепко связанный и лишенный воли, а потом, тяжело вздохнув, огляделся и бросился искать подходящий для себя корабль, дабы как можно скорее попасть в Англию. Там он надеялся вновь встретить Ричарда...

Когда Людовик и Роман в сопровождении своего пленника добрались до причала, Владислав с Татьяной как раз стояли напротив большого двухмачтового судна, и с превеликим вниманием изучали золоченую надпись на его борту: «Soarta». Услышав знакомые голоса, они оглянулись и тотчас же застыли с одинаково недоверчивым выражением на лицах.

– Вы... – Татьяна на секунду охрипла и возмущенно закашлялась, – Вы что, с ума сошли? Зачем вы приволокли его?! Он же...

– Чтобы не утруждать беднягу, вынуждая его шпионить за нами, – Луи притворно вздохнул и демонстративно дернул веревку, заставляя Ричарда немного шатнуться вперед и яростно зарычать, – Корабль большой, места много. Поплавают с нами...

– Тем более, что лишний матрос на судне никогда не помешает, – подхватил Роман, самодовольно ухмыляясь, – В конце концов, а ну, как песик больше шарит в мореходстве, чем мы?

– Я не буду драить палубу, – процедил оборотень, надменно приподнимая подбородок. Попытки заочно зачислить его в команду оскорбляли гордую душу.

Людовик оглянулся на него через плечо и очаровательно улыбнулся.

– Если я захочу – будешь, – вежливо уведомил он голосом настолько сладким, что Ричард непроизвольно сморщился. Девушка негромко вздохнула. Видеть, как племянник до такой степени непочтительно относится к своему дяде, ей было все-таки неприятно, даже не взирая на то, что в этом сумасшедшем мире это было, в общем-то, вполне оправдано.

– Луи, он ведь все-таки...

Маг быстро глянул на нее и, тонко улыбнувшись, тихо зашипел, прерывая на полуслове.

– Тсс! К чему извещать несчастного пленника о наших семейных проблемах?

– Тем более, что он, должно быть, итак уже наслушался слишком много о наших делах, – согласился Роман и, притворно вздохнув, покачал головой, – Того и гляди, передозировка информации будет, придется ему проводить дезинформационную терапию...

– Святые небеса, ребята, вы хоть изредка способны говорить и думать конструктивно?! – Владислав, не выдержав пытки остроумием, схватился за голову, – Ни один из вас, включая и Татьяну, так и не придумал, что мне делать с мотоциклом, поэтому устыдитесь и умолкните!

Братья удивленно переглянулись. С их точки зрения, ответ был очевиден.

– Ничего не делать, – отозвался Роман, пожимая плечами и, глянув на брата, передал ему право продолжить их общую мысль.

– На корабль его тащить нельзя точно – мы потонем от твоего металлолома, – мигом подхватил Луи, – Поэтому пусть стоит и пылится там, где уже стоит. Если когда-нибудь мир вернется на круги своя, найдешь его на том же самом месте. Наверное.

– В порту полно пиратов, – сумрачно откликнулся Влад и, видимо, решив более не дискутировать на эту тему, повернулся к кораблю, прикладывая ко рту руки рупором, – Эй, на «Соарте»! Есть кто-нибудь дома?

Повисло молчание. Все, собравшиеся у причала молодые люди, включая даже и Ричарда, молча ожидали хоть какой-то реакции.

Наконец, Роман не выдержал.

– Надо было по обшивке постучать, – он вздохнул и, скрестив руки на груди, пожал плечами, – Вдруг он спит, капитан этот?

Ответ его слова, казалось бы, ответа не подразумевавшие, неожиданно получили, причем от человека, от которого этого вообще нельзя было ожидать.

– Скорее болтается по порту, – сумрачно буркнул Ричард, сверля судно неприязненным взглядом, – Чертов контрабандист, опять ищет идиотов к себе на борту...

Все взгляды обратились к нему. Роман и Луи недоуменно переглянулись; Татьяна, хмурясь, склонила голову набок; Влад недоверчиво хмыкнул.

– Контрабандист? – голос девушки, которая первой решилась озвучить общую мысль, прозвучал довольно тихо, – Хочешь сказать, этот корабль...

– Судно, на котором возят контрабанду, – холодно отозвался оборотень, – О нем часто судачат в портовых тавернах, да и вообще по уголкам. Говорят, капитан на каждый рейс набирает новую команду, постоянной у него нет. Набирает таких же молокососов, как вы, а потом хоронит их в морской пучине, – он ухмыльнулся и ядовито прибавил, – Приятного путешествия.

– Ну, ты-то в любом случае с нами отправишься, – невозмутимо напомнил Людовик, – Так что путешествие будет априори веселым. Нда... – он на секунду закусил губу, задумчиво изучая взглядом корабль, – К контрабандистам я, конечно, готов не был...

– К ним никто готов не был, – Татьяна невольно поежилась и, не сдержав обреченного вздоха, прибавила, – Хотя что еще мог посоветовать пират... Господи, до сих пор не привыкну к мысли, что это был Чарли!

Луи равнодушно пожал плечами. Его пират-Чарли удивил не так сильно, вероятно, по той простой причине, что к безумствам этого мира он уже немного привык.

– Придется привыкать в процессе, – отозвался он и, набрав побольше воздуха, рявкнул во всю силу своих легких, – На «Соарте»! Капитан, ты оглох там, что ли?!

Где-то наверху, на палубе, заскрипели доски под чьими-то уверенными шагами.

– Коль жизнь и так полна печали,

То вы бы лучше помолчали

А раз корабль тих и нем,

То, зная, не рады здесь вам всем, – послышался чей-то спокойный, размеренный голос, и девушка недоверчиво застыла, вглядываясь в громаду судна.

Роман насмешливо хмыкнул.

– Капитан-рифмоплет, ну и везение. Будем всю дорогу слушать стишки без смысла, да еще и с глупыми оборотами... Нем-то скорее не корабль, а сам этот поэт.

– Я знаю этот голос, – Татьяна изумленно покрутила головой и, пару раз моргнув, неуверенно добавила, – Да и стихи... Андре? – последнее слово, имя она произнесла довольно громко и вполне закономерно была услышана. Скрип досок на палубе затих, – видимо, капитан судна изумленно прислушивался, пытаясь понять, не обманывает ли его слух.

– Татьяна?.. – наконец послышался сверху удивленный ответ. Доски вновь зазвенели и спустя несколько секунд через борт свесился, всматриваясь в пожаловавших к нему гостей, молодой светловолосый человек с собранными в небольшой хвостик волосами.

– Вот так встреча, – он удивленно покачал головой и, окинув взглядом всех собравшихся на причале людей, хмыкнул, – Вижу, ты нашла своих друзей. Что ж, я рад. А зачем ко мне вы пожаловали?

– Хотим прокатиться до Англии, – брякнул Роман и тотчас же поспешил исправиться, – То есть, наняться к тебе на борт матросами.

– Матросами? – Андре с сомнением оглядел троих худошавых молодых людей и девушку, перевел взгляд на связанного, довольно крепкого мужчину... недоверчиво взгляделся в него и откровенно остолбенел, – Вы... вы что, хотите сделать меня соучастником похищения? Да еще и такого человека, как лорд Ричард! Вы что... вы с ума совсем сошли? Да мне следует сейчас полицию...

– Остынь, – Ричард, к удивлению всех присутствующих решивший поучаствовать в беседе, приподнял подбородок, окидывая молодого капитана далеким от симпатии взглядом, – Полиция в первую очередь заберет тебя, контрабандист и, можешь не сомневаться, я тебя с большим удовольствием им сдам. Сам давно мечтаю тебя схватить.

На лицо молодого человека набежала тень. Игра в хорошего, добропорядочного гражданина была бессовестно разрушена и изломана, продолжать делать при ней хорошую мину не было никакого смысла, однако, и особенно соглашаться со словами лорда парню не хотелось.

Он медленно отошел от борта, прошелся вдоль него и, добравшись до нужного места, спустил на берег сходни. После чего сам же по ним и сошел и, приблизившись к своим собеседникам, окинул пленника долгим задумчивым взглядом.

– В трюме для тебя найдется место, – промолвил он неуловимо изменившимся голосом и, тотчас же стремясь развеять неприятное впечатление, мягко и сочувственно улыбнулся, – Конечно, если я все же соглашусь принять вас на борт. Команда мне нужна, не буду спорить, но вы не кажетесь подходящими для таких целей. Вы, ребята, скорее пассажиры, чем матросы, матросам нужна сила...

Людовик удивленно вздернул бровь и повернулся к брату.

– Что-то, по-моему, этот тип нас хочет обидеть. Тебе так не кажется?

– Кажется, – виконт грустно вздохнул и, грозно нахмурившись, очень решительно шагнул к капитану судна, едва ли не хватая его за ворот, – Ты с кем разговариваешь, салага? Да мы с братом все моря мира избороздили, хотели одолжение тебе сделать! Хамить будешь – под килем протащим!

Андре, судя по всему, абсолютно не испуганный этим выступлением, вежливо отступил на шаг, растягивая губы в еще более широкой улыбке.

– Вы нарушаете мое личное пространство, месье. И, вынужден предупредить, что на своем борту я не терплю разного рода пиратских замашек.

Роман, разочарованный в лучших чувствах, несколько сдулся и, скрестив руки на груди, недовольно сморщился. Капитан, абсолютно довольный одержанной победой, слегка приподнял подбородок.

– Если вы и в самом деле намерены наняться на мой корабль, для начала поучитесь вежливости. Вы сейчас напоминаете глупых напыщенных дворян, вроде тех, что пали от руки мастера в замке, недалеко от руин которого я встретил Татьяну. Я говорю о де Нормондах, – он хмыкнул и, покачав головой, наигранно вздохнул, – И, позволю себе напомнить, что эти глупцы из-за своей надменности и гордости проиграли мастеру и были побеждены им.

– Эй, – Луи, мрачающий с каждым произносимым новым знакомым словом все больше и больше, резко шагнул вперед, поневоле дергая следом за собою и Ричарда, – Попридержи-ка язык, когда вспоминаешь этот род.

Андре медленно перевел на него взгляд, оценивающе осмотрел и тяжело вздохнул.

– Ты кажешься еще слабее брата. Поэтому, честно говоря, угрозы твои просто курам на смех... Ты сам-то кто будешь, парень? Что тебе за дело до проклятого рода?

Молодой маг помрачнел, немного опуская голову и бросая на собеседника абсолютно уничижающий взгляд исподлобья.

– Луи Филипп, – даже голос его зазвучал ниже; чувствовалось, что парень готов взорваться в любую секунду. Он немного повернул подборок в сторону и, криво ухмыляясь, издевательски-вежливо уточнил:

– Де Нормонд.

На несколько долгих, тягучих мгновений на причале воцарилась тишина. Татьяна тихо вздыхала в сторонке, не желая вмешиваться в разгорающуюся дискуссию, хотя бы потому, что не хотела мешать Людовику отстаивать фамильную честь. Влад явно тяготился бессмысленной беседой, переводя взгляд с одного из собеседников на другого. Роман, замерев рядом с братом, с вызовом взирал на капитана судна – ему слова нового собеседника об их семье тоже не были приятны. Ричард, вне всякого сомнения, до сей поры понятия не имевший, с кем связался на самом деле, в немом изумлении сверлил взглядом мага.

Андре, не изумленный даже, а откровенно ошарашенный, потрясенно приоткрыл рот, делая шаг назад. На лице его, медленно проступая сквозь маску недоумения, рисовалось странное, вполне неоправданное благоговение.

– Не может быть... – сорвался с его губ изумленный шепот, и парень внезапно бросился вперед, хватая Луи за свободную руку и сжимая ее обеими своими, при этом с восторгом заглядывая в удивленные зеленые глаза, – Не может быть! Ты... ты тот... тот самый, последний из рода! Ты... тот, кто принесет избавление в наши земли, спаситель, последний выживший потомок проклятого рода! Кто бы мог подумать, что мне доведется свидеться с тобой!

– Спокойно, спокойно... – Людовик, хмурясь, решительно высвободил свою руку из хватки контрабандиста и, кивнув на Романа, уточнил, – У меня в наличии еще и брат имеется, так что я не последний ни с каких точек зрения.

– Но ты младший! – Андре едва не подпрыгнул от обуревающего его восторга, – С ума сойти! Слышал легенду еще ребенком, легенду, где говорилось о младшем, последнем, одиноком наследнике проклятого рода, побежденного мастером. О человеке, которого мастер пестовал и растил, и который предал его... О человеке, который принесет свет в наш покрытый мраком мир. И теперь я вижу тебя, здесь, перед собою, воочию! Я не могу поверить, я думал, что ты не существуешь!.. Черт возьми, ребята, конечно, я возьму вас на борт! Два брата де Нормонд на моем корабле – это же мистика какая-то! А... остальные, они... тоже?

– В каком-то смысле, – Татьяна, до сей поры отмалчивающаяся, решительно сделала шаг вперед и, быстро улыбнувшись своему недавнему знакомому, уверенно представилась, – Я жена их старшего брата, Эрика. И в Англию хочу отправиться дабы найти своего мужа... Лорда Ричарда ты знаешь, ну, а Владислав, он у нас... как бы...

– В серьезных отношениях с мотоциклом, – вежливо подсказал Луи и, увидев красноречиво воздетый кулак Цепеша, довольно хохотнул, поправляясь, – Я имел в виду, что он друг семьи.

– Вот именно! – с некоторым нажимом согласилась девушка и, разведя руки в стороны, как бы указывая на всех своих спутников сразу, неуверенно уточнила, – Значит... ты сможешь нам добраться до Англии?

Андре на несколько мгновений задумался. Лицо его приняло какое-то отсутствующее и, вместе с тем, – откровенно мечтательное выражение, на губах отразилась легкая улыбка.

– Знаешь, Татьяна... – медленно вымолвил он наконец, – Если бы с самого начала меня попросила об этом ты, я бы не колебался ни минуты. Я говорил, что ты можешь рассчитывать на

меня, а я не бросаю слов на ветер... Поднимайтесь на борт. Но, учтите, – исполнять матросские обязанности вам все равно придется, у меня нет другой команды.

Людовик, совершенно довольный положительным исходом беседы, уверенно дернул веревку и, направляясь к трапу, ухмыльнулся, оглядываясь на пленника.

– Ричард уже согласился драить палубу, – безмятежно отметил он, – А Татьяну другой наш знакомый определил на кухню, в смысле, камбуз. Так что, думаю, с персоналом вопрос решен. Ну, а поднять-спустить паруса мы втроем вполне способны.

Татьяна, недовольно махнув в его сторону рукой, подошла к слушающему эти шутки с некоторым удивлением Андре и смущенно улыбнулась.

– Не обращай внимания, они с Романом всегда такие. Скоро привыкнешь... Спасибо, Андре. Спасибо, что согласился принять нас на «Соарту»... хотя я и не понимаю, что должно значить ее название.

– Знаешь, Татьяна, – капитан, мягко обняв девушку за плечи, повлек ее в сторону трапа, задумчиво разглагольствуя, – Говорят, какое имя ты дашь кораблю, так он и поплывет. Когда отец подарил мне бриг, я долго думал, как его назвать, искал красивое и емкое слово и, наконец, нашел. Soarta – с румынского означает «судьба». Для многих мое судно стало проводником судьбы... Быть может, станет таковым и для вас.

Татьяна чуть нахмурилась и, подняв голову, быстро глянула на своего спутника. В последних словах его ей и в самом деле почудилась тень рока.

Палуба скрипела и шаталась под ногами. Татьяна, коей до сей поры доводилось бывать разве что на маленьких катерках или экскурсионных парходиках, кое-как переступала по ней, испуганно косясь на громады мачт, опасаясь, оступившись и упав, приложиться об одну из них лбом. Корабль пока стоял у причала, по-прежнему надежно пришвартованный к нему, однако девушку терзало беспокойное сомнение. Если сейчас ей до такой степени трудно устоять на этом судне, сейчас, когда они еще находятся в гавани, среди спокойных вод... то что же будет в открытом море?

А ведь там иногда бывают и шторма.

Вспомнив о последних, девушка поежилась и, уцепившись за какую-то веревку, названия которой она не знала – кажется, это был вант, хотя в названии частей корабля Татьяна очень сомневалась, – с некоторым трудом последовала вперед, ближе к носу, где пассажиры самозабвенно ругались с капитаном.

– Я ничего не говорю! – возмущался Андре, – Я просто советую выждать еще день или два, пока я наберу нормальную команду, а не трех дохляков и одного пленника! Тем более, что последний не в счет, потому что сидит в трюме.

– А я говорю, что твои претензии просто бессмысленны! – возражал Роман и, демонстративно обняв брата за плечи, уверенно прибавил, – Мы бы и вдвоем со всем кораблем справились!

– И даже без капитана... – негромко добавил Луи, скрещивая руки на груди. Против братских объятий парень явно ничего не имел и был даже доволен ими.

– Без капитана вы не найдете Англию, – огрызнулся молодой моряк и, тяжело вздохнув, уверенно прошелся по палубе. Его слабая качка судна, видимо, абсолютно не смущала, быть может, даже вдохновляя на подвиги.

– Ребята, вам просто не хватит сил, – еще раз попытался возразить он, но тут уже вмешался Влад.

– Ты и вправду очень плохого о нас мнения, парень. Любой из моих друзей голыми руками может вывернуть мачту из твоего суденышка, ну, а я хоть и не способен на такие подвиги, все-таки тоже не слабак.

– Ну да, мотоцикл-то он усмирить сумел, – хмыкнул Людовик и, поведя плечами, ненавязчиво сбросил руки Романа, – Но говорит он правду – если хочешь, я могу доказать это. Мне не составит труда если уж не вывернуть мачту, то переломить ее в нескольких местах.

– Не суди по внешности, сынок, да не судим будешь, – голосом древнего старца проскрипел виконт и, широко ухмыльнувшись, легко шагнул вперед. Его качка судна тоже, вне всякого сомнения, не угнетала.

– Итак... когда поедем?

Андре несколько секунд сверлил его взглядом, очень тяжелым и очень красноречивым взглядом, а потом вздохнул и, сдаваясь, обреченно опустил голову.

– Чувствую, путешествие нам предстоит веселое... Если из-за вас я разобью судно – клянусь, сам вас под килем протащу, да там и брошу на корм рыбам! Отдать швартовы!

– Если корабль разобьется, на корм рыбам мы пойдем против воли, – вежливо уточнил Людовик и, елеинно улыбнувшись, покосился на брата, – Что он сейчас сказал?

Андре стиснул зубы и заодно сжал кулаки.

– Веревку. От кнехта. Отвязать! – каждое слово было выдавлено сквозь сжатые зубы, что придавало им особенную силу. Молодые люди, постепенно начиная понимать, что от них требуется, закивали, поспешно оглядываясь.

Владислав, обнаружив неподалеку от себя крепко привязанный швартов, потянулся, было, к нему, однако грозный рык капитана остановил его.

– На берегу!!

Цепеш закивал, делая вид, что все понял и что запутался лишь по чистой случайности и уверенно зашагал к сходням. Однако, на половине пути остановился и, с некоторой растерянностью оглянувшись через плечо, робко уточнил:

– Извини... а что такое кнехт?

Капитан просто взвыл. Судя по всему, обучение пассажиров основам корабельного мастерства не входило в его планы и, вероятно, совершенно не прельщало бывалого морского волка.

– Я вышвырну вас за борт в первом же порту и наберу нормальную команду! – рявкнул он и, решительно отодвинув в сторону Людовика и Романа, чеканным шагом прошествовал к трапу. После чего уверенно сбежал по нему на пристань и, подавая позитивный пример, освободил один конец швартова, снимая его с тумбы на причале. Засим залихватски свистнул, привлекая внимание к себе и своим действиям и, подняв тяжелый канат в руке, рявкнул:

– Прими трос!

Эта команда, к великой радости капитана, его сухопутными пассажирами была понята верно. Трос, заброшенный его умелой рукой на борт собственного судна, Владислав поймал с блеском, и даже принялся аккуратно сворачивать его в бухту у кнехта на палубе, когда капитан, вновь окликнув его, велел принять еще один конец.

Начало путешествию было положено. Андре, злой, как тысяча чертей, выполняющий матросские обязанности вместо капитанских, отдал все швартовы и, легко взбежав на палубу по сходням, буркнул:

– Поднять трап.

Этот приказ также был исполнен в точности, на сей раз братьями де Нормонд, на радость капитана сообразившими, что такое трап и как он поднимается.

Андре хмыкнул и, не говоря ни слова, прошел к корме, занимая место у штурвала.

– Выбирай якорь! – рыкнул он, и «сухопутные крысы», как капитан успел в мыслях окрестить пассажиров, поспешно бросились выполнять его команду. Делали они это, правда, не так, как делают нормальные и обычные матросы.

Людовик, приблизившись к отверстию, в которое уходила якорная цепь, оглядел ее и, вздохнув, слегка покачал головой.

– Как бы цепь не порвать... – слетело с его губ задумчивое замечание, поставившее капитана в тупик, и в следующую секунду парень, худощавый, «хилый», как полагал Андре, ухватился одной рукой за цепь и легко потянул ее. Цепь поддалась, постепенно выползая на палубу, и капитан, глядя на это, просто рот открыл от изумления. Нет, конечно, вода немного уменьшает массу предметов, в воде якорь переместить сильный человек кое-как бы смог... Но ведь его надо вытащить! Поднять в воздух и закрепить! И каким образом этот мальчишка планирует поднимать такую махину без помощи лебедки? Голыми руками поднимет многотонный груз?? Черт возьми, с кем только столкнула его судьба!

Тем временем, Татьяна, нашедшая приют на бухте каната, сидела, подперев щеку кулаком и с немалым интересом наблюдала за происходящим. Опытными мореходами Романа и Людовика, вне всякого сомнения, полагать не стоило – ребята обладали завидной силой, один ввиду магии и экспериментов Альберта над ним, а другой в силу своей сущности, тоже, в общем-то, созданной Альбертом, – но знаний им, вне всякого сомнения, не хватало. Эх, был бы сейчас с ними Винсент... Он все-таки взрослый мужчина, да к тому же еще и жил на свете не одну сотню лет, и даже не три, как упомянутые парни, быть может, о мореходном деле хоть что-то да успел узнать. Да и вообще, присутствие взрослого человека, не связанного и плененного, а свободного и дееспособного, их компании молодых и горячих явно бы не помешало.

– Вира помалу! – донесся до слуха девушки веселый голос Романа, и она, вздохнув, опустила руку, окидывая взглядом палубу. Влад участия в происходящем не принимал и, стоя на полпути к носу, задумчиво созерцал простирающийся впереди морской простор, что-то чертя пальцами на поручне.

Андре, пристально следящий за жалким подобием матросов, хмурился, но кивал довольно одобрительно, из чего можно было сделать вывод, что подъем якоря идет как надо.

– А как мы выйдем в море? – негромко, но так, чтобы капитан мог слышать, поинтересовалась Татьяна, – Оттолкнемся от берега, как делают на маленьких лодках?

Капитан, бросив на нее взгляд, мягко улыбнулся. Видимо, девушке незнание таких вещей он прощал и готов был растолковать все от А до Я.

– Сейчас отлив. Когда якорь будет поднят, нас отнесет от берега. Здесь есть небольшое подводное течение, да и отлив отодвинет нас на приличное расстояние... Тогда поставим паруса и направимся вперед. Если твои друзья продолжают так же рьяно исполнять мои команды, мы, быть может, и доберемся до Великобритании. Ветер нам пока благоприятствует...

Девушка задумчиво кивнула и, продолжая разговор, чуть склонила голову набок, всматриваясь в собеседника.

– Ты не говорил, что у тебя есть корабль, когда мы познакомились.

– А ты и не спрашивала, – Андре пожал плечами и, внимательно следя за движением судна по волнующейся воде, крепче сжал штурвал, немного поворачивая его, – «Соарту» мне подарил отец, я люблю это судно. Честно говоря, учитывая его размеры, я иногда и сам ухитрялся управляться с ним, в одиночку... Но команда никогда не мешает.

– Ты правда контрабандист? – Татьяна чуть сузила глаза, пытаясь прочесть ответ на лице бравого капитана. Тот безмятежно улыбнулся, отвечая взглядом настолько спокойным, что девушке почти стало стыдно.

– Позволь, я оставлю твой вопрос без ответа, – мягко отозвался он, – Сейчас, к тому же, время не предрасполагает к разговорам – еще минута и мы покинем гавань... Эй, Роман, Людовик! Ставь фок и фока-стаксель! Мы выходим в море, – последнее он проговорил несколько тише, с какой-то странной задумчивостью, и девушка почему-то поежилась. Мысль о морских просторах по сию пору навевала на нее дрожь.

Роман и Людовик, получившие столь решительный и прямой приказ, недоуменно переглянулись. Якорь они уже успешно вытащили на палубу и даже, по мере собственных сил и умений, закрепили его, но новое распоряжение капитана обоих «моряков» поставило в тупик.

– Эм... капитан? – Луи вежливо улыбнулся и, смущенно поковыряв палубу мыском дорогого ботинка, которые он не преминул обуть, отправляясь в далекое путешествие, кротко попросил, – Ты не мог бы отдавать приказы на человеческом языке, а не на водяном?

– Я бы поставил все, что надо, – согласился с братом Роман, – Если бы хоть отдаленно понял, что именно надо ставить. Эх, где годы моей золотой юности, когда с корабликами я играл, а не плавал на них...

– Отставить ностальгию, – сумрачно приказал Андре и, тяжело вздохнув, принялся объяснять, – Самый большой парус на первой от носа мачте. Его поставить... и вон тот, треугольный тоже, да поживее! Иначе нас отнесет черт знает, куда, потом не выправим курс.

Луи равнодушно пожал плечами и, всем видом изображая величайшую покорность, направился, уверенно покачиваясь на палубе, к нужной мачте. Брат, продолжая вздыхать о своей прошедшей юности и играх с корабликами, последовал за ним.

Правда, где-то на половине пути остановился, внезапно сообразив, что им надлежит сделать и, задрвав голову, скептически осмотрел свернутый, подобранный парус.

– Поправь меня, если ошибаюсь... – медленно проговорил он, обращаясь к младшему брату, – Но, кажется, нам не только по веревкам лазить предстоит, но и по жердочке ходить? – он возмущенно оглянулся на невозмутимого капитана, – Извини, дружок, но я не птичка!

– Я тоже крылья с собой забыл взять, – поддержал его Людовик, однако, тотчас же широко ухмыльнулся, – Впрочем... Если капитан настолько жаден, что не выдал нам дополнительного комплекта птичьих перьев, придется справиться самим, – он медленно обернулся к брату и изобразил что-то вроде изысканного поклона, – Ты забыл даже, что брат у тебя маг?

Роман вопросительно вздернул бровь. Судя по всему, о магических способностях брата он не забыл, но как они могут помочь им в данной ситуации, не понимал. Луи хитро улыбнулся и, сделав знак виконту следовать за ним, принялся карабкаться на мачту.

Владислав, проводив их обоих взглядом, тихонько вздохнул и, явно не зная, чем занять себя, подошел к Татьяне, смущенно улыбаясь.

– Похоже, я здесь третий запасной – ребята явно справляются и без меня.

– Не переживай, – ответ последовал, вопреки ожиданиям, не от девушки, а от капитана корабля, – Придет время – и ты нам пригодишься, так что пока копи силы и запоминай команды. Не хотелось бы потом их объяснять заново.

– Я уверена, что он все запомнит, – заступилась за друга семьи девушка и, ободряюще улыбнувшись, легко пожала плечами, – Собственно говоря, Влад, тебе и в самом деле не нужно переживать из-за этого. Роман и Людовик сильные, их дело справляться с тяжелой работой, а что ты, что я – обычные люди, наше дело... видимо, сидеть и изображать из себя пассажиров, – она немного помрачнела, – Если честно, довольно скучно.

Цепеш быстро улыбнулся и, отвлекшись от собеседницы, устремил взор на морские просторы, задумчиво вдыхая соленый воздух.

– Море меня влечет... – молвил он спустя несколько минут, – Я вспоминаю прежнее время, когда я мог, увидев прекрасный пейзаж, взять кисти и краски, и изобразить его на холсте... О, как же мне хочется рисовать!

– Кто же тебе запрещает? – Андре, видимо, приятно удивленный тем, что на борту, кроме него, есть еще один лирически настроенный человек, слегка пожал плечами, – Будешь у нас корабельным художником, я ничего не имею против.

Молодой человек, которому такой ответ, вне всякого сомнения, понравился, повернулся к капитану и, облизав губы, развел руки в стороны.

– Мне не на чем. Да и красок с собой нет, есть только шариковая ручка, я бы мог набросать что-нибудь... Но не на чем.

– Возле люка в трюм валяются куски парусины – выбирай любой, – капитан усмехнулся и, переведя взгляд на двух членов своей команды, нахмурился, – Я сказал поживее! Ветер скоро переменится, нам надо успеть отойти подальше от Кале!

Роман, стукнувшись от переизбытка усердия лбом о рею, недовольно скуксил, как маленький ребенок.

– Мне не нравится твой корабль! – категорично заявил он, осторожно спускаясь по вантам и с некоторой завистью поглядывая на более ловкого брата, который, добравшись доверху, в одиночку высвобождал парус, – Он меня не любит, нападает на меня!

– Меня это не удивляет, – безмятежно отозвался Андре, – Кому бы понравились прикосновения дилетантов? «Соарта» – нежное создание, она не терпит грубых рук!

– В следующий раз полезешь нежничать с ней сам, – невозмутимо откликнулся Людовик, как раз добравшийся до верха и, прищурившись, поманил пальцем одну из веревок, сдерживающих парус. Вербка, подчиняясь велению мага, зашевелилась и, медленно выпутываясь сама из себя, уверенно развязалась. Молодой человек довольно вздохнул и обратил внимание на остальные путы. Через несколько секунд он уже высвободил парус и легко соскользнул по вантам вниз. Парус, с шумом опустившийся, раскрывшийся, развернувшийся, мгновенно натянулся, ловя попутный ветер.

Корабль прибавил ход.

– Займитесь фока-стакселем вместо того, чтобы зубоскалить, – посоветовал капитан и, заметив возвращающегося из путешествия к трюму Влада, с просветлевшим лицом сжимающего кусок парусины, улыбнулся, – Приятно видеть, что не на меня одного море навевает тягу к искусству.

Цепеш, искренне заинтересованный, склонил голову немного набок.

– Тоже рисуешь?

Капитан, хмыкнув, мотнул головой.

– Нет, я поэт. Ну, скажем... – он прокашлялся и, отставив одну ногу в сторону и отведя в ту же сторону руку, продекламировал:

Широки и глубоки воды Нила

И свежа по берегам их зелень

До чего же сердцу это мило!

До чего ж средь вод сих я потерял...

Владу стихи понравились. Он одобрительно кивнул, и уже открыл, было, рот, чтобы как-то оценить мастерство своего собеседника, когда вмешался Роман.

– Красиво, – с истинно дворянским достоинством, щедро приправленным надменностью, оценил он, – Только кое-что упущено. Видишь ли, друг мой... – он ехидно улыбнулся, – Здесь нет ни берегов, ни зелени. Да и за бортом у нас плещутся отнюдь не воды Нила, а волны Ла-Манша.

– Критика капитана карается строго и беспощадно, – невозмутимо отозвался Андре, – Если поставили все паруса, идите намотайте якорную цепь на кабестан. Я не терплю беспорядка на палубе.

Время шло. Бриг, рассекая носом зеленоватые волны, летел вперед под всеми парусами, подчиняясь умелому управлению капитана Андре и неумелым действиям его команды.

Татьяна, стоя у борта, задумчиво смотрела вдаль, гадая, что же ждет их впереди, какие еще приключения предстоит пережить в этом мире и каких врагов одолеть. Влад, сидя по-турецки на палубе, что-то сосредоточенно рисовал ручкой, которая оказалась, вопреки его уверениям, не шариковой, а гелиевой, на куске парусины, периодически поглядывая на замершую девушку.

Андре стоял у штурвала; Роман и Людовик, получившие, наконец, возможность передохнуть, празднично шатались по палубе.

Виконт, изнывая от скуки, ища, к кому бы пристать и над кем бы подшутить, бесшумно подошел к Цепешу и совершенно некультурным образом заглянул ему через плечо. Несколько секунд недоверчиво созерцал изображенное, затем длинно присвистнул, разгоняя повисшую на время над судном тишину, и покачал головой.

– Вот это да... Да ты и вправду художник, друг мой, портрет просто один в один!

Владислав, вздрогнувший от неожиданности и едва не испортивший рисунок, недовольно оглянулся через плечо.

– Он еще не закончен.

– Но Татьяна уже узнаваема, – заметив, что эти его слова привлекли внимание, пожалуй, всех пребывающих на палубе, Роман самодовольно ухмыльнулся. Девушка, недоуменно оглянувшись через плечо, зачем-то покосилась на море за бортом, затем неуверенно указала на себя пальцем.

– Как... я?..

– Ага, – виконт кивнул с такой гордостью, будто портрет написал лично он, – Только не подсматривай! Когда он закончит, вывесим твой портрет вместо флага.

Ответить совершенно растерявшаяся девушка не успела.

С другой стороны палубы к мирно беседующим молодым людям приблизился гуляющей походкой Людовик и, сунув руки в карманы, безмятежно улыбнулся.

– Наш пленник выражает некоторое недовольство, – сам он говорил об этом с нескрываемым удовлетворением, как будто вызвать недовольство Ричарда было его конечной целью, – Стучит, кричит и возмущается. Говорит, чтобы мы выпустили его погулять по палубе, а то он не хочет во время шторма умереть, как крыса.

Андре, прислушивающийся к беседе пассажиров вполуха, саркастически хмыкнул. Чувствовалось, что перспектива лицезреть прогуливающегося по палубе оборотня не слишком радует бравого капитана.

– Это где же он шторм нашел, если море спокойно, что твоя лужа? Скажи ему – пусть заткнется и сидит тихо, если не хочет, чтобы его пустили по доске.

– И этот человек требовал отставить пиратские замашки, – Роман горестно вздохнул и, мотнув головой, махнул рукой, – А как по мне, так пусть бы погулял песик. Какая, в конце концов, разница? От берега мы отошли довольно далеко, он не доплывет до него даже обратившись волком, так что риска никакого нет. А лишние руки нам не помешают, да, Луи?

– Еще бы! – младший де Нормонд ухмыльнулся, воодушевленно кивая, – К тому же, он ведь обещал отдраить палубу... Эй, капитан! Даешь согласие на выгул домашней живности?

– Не даю, – сумрачно отозвался Андре, – Я бы не хотел, чтобы из-за него у меня потом возникли проблемы с мастером. Хотя... – он покусал губу, размышляя, – С другой стороны, лишние руки на судне никогда не будут помехой... – парень тяжело вздохнул и, сдаваясь под давлением фактов, обреченно кивнул, – Ладно, выпускайте. Но чтобы следить за каждым его движением! Я не хочу неприятностей.

Роман удивленно развел руки в стороны.

– Какие неприятности, гражданин начальник? Однажды мы с ним уже справились, справимся и во второй раз, если придется. Луи... а, он уже пошел выпускать бедняжку из заточения, ну ладно, тогда, когда вернется, продемонстрируем наглядно.

Татьяна только покачала головой. К речам этого юноши она привыкла уже довольно давно, прекрасно понимала, что все его обещания не более, чем шутка, но все-таки испытывала какое-то странное беспокойство.

Вокруг было тихо, море действительно казалось абсолютно спокойным, небо над головой было ясным, никаких признаков непогоды не намечалось. Да и на корабле царил, в общем и

целом, совершенный покой – Роман хихикал, изощряясь в остроумии, Людовик отправился вызволять пленника из трюма, Влад, не желая отвлекаться от работы, старательно рисовал море, на фоне которого уже успел изобразить замершую у борта девушку, а Андре хладнокровно вел вперед корабль. Все было тихо, все было спокойно и ничто не предвещало никакой беды. А Татьяна стояла, периодически делая глубокие вдохи, силясь унять бешенное сердцебиение, стояла, замерев и прижав руки к груди и взволнованно глядя вслед Луи. Предчувствие чего-то чрезвычайно важного, чего-то, могущего перевернуть все с ног на голову и помочь им поставить этот мир на свое место, затопило все ее существо, и избавиться от него у девушки никак не получалось.

Появился Людовик, тянущий за собой за веревку по-прежнему связанного, крайне недовольного Ричарда. Татьяна нахмурилась и, решительно сделав шаг вперед, поспешила высказать свое самое искреннее несогласие с таким раскладом.

– Если решили его выпустить, можно и веревки снять! Я не думаю, чтобы Рик... чтобы Ричард предпринял что-то... – она замялась, – Противозаконное. Правда ведь, Ричард?

Лорд окинул ее долгим, довольно мрачным, но одновременно и заинтересованным взглядом, и медленно опустил подбородок, подтверждая слова своей неожиданной заступницы.

Луи, удивленно приподнявший брови, перевел взгляд с девушки на пленника, потом обратно и тяжело вздохнул.

– О, как тяжело иметь дело с сердобольными женщинами! – патетически провозгласил он и, отвернувшись, демонстративно закрыв глаза рукой, махнул другой в сторону связанного оборотня, – А потом он съест всех нас, начиная с нее, и в желудке страшного волка мы будем долго выяснять, кто же виноват в этом...

Веревка, недавно созданная самим магом, легко развязалась и соскользнула на палубу, позволяя оборотню, довольно улыбнувшись, с видимым наслаждением потянуться и расправить затекшие руки. Несколько секунд он молчал, совершенно не обращая внимания на скрестившего на груди с самым, что ни на есть, претенциозным выражением, руки мага, и глядя исключительно на настороженно замершую девушку. А после медленно, несколько неуверенно, склонился в поклоне, немного опуская голову и прижимая руку к груди.

– Благодарю тебя, – негромко и очень мягко произнес он, и Татьяна ощутила, как по губам сама собою расплзается улыбка. Видеть, как в старом друге вновь просыпается расположение к ней, было приятно.

Ричард выпрямился и, расправив плечи, окинул долгим взглядом судно, окружающий его морской простор, высокое голубое небо, и неожиданно широко улыбнулся сам.

– Все-таки хорошо быть на свободе, – задумчиво произнес он, обращаясь, похоже, по-прежнему исключительно к девушке, – Чем в трюме, где темно, тесно, да еще и кто-то рычит.

Татьяна вздрогнула, дернулась, как от удара и, широко распахнув глаза, пораженно уставилась на мужчину. Интуиция, не так давно предупредившая ее о надвигающемся важном событии, неожиданно завизжала, как резанная, извещая, что событие наступило.

– Рычит?... – медленно повторила она, и уже даже открыла рот, чтобы задать следующий вопрос, но Людовик, ненавидящий, как и его брат, оставаться в стороне от важных разговоров, не дал ей этого сделать.

– Песик с клаустрофобией! О, позор на мои кудри золотые да седины серебряные, что ж ты сразу-то не сказал об этом? Мы бы тебя тогда не в трюм сажали, а просто культурно привязали бы к якорю на радость рыбкам, или к мачте на прокорм птичкам. Зачем же было ждать, когда начнутся галлюцинации?

– Это не галлюцинации, – огрызнулся оборотень, вне всякого сомнения, недовольный тем, что в его разговор с девушкой влезают скептически настроенные юноши, – Там действительно кто-то рычит, можешь сходить да послушать. Где-то по левую руку от меня... за перегородкой.

– За перегородкой?.. – Татьяна, быстро глянув в сторону занятого изучением карты капитана, взволнованно шагнула ближе к собеседнику и, глянув на хихикающего Людовика, нахмурилась. Серьезности ситуации юноша явно не понимал, не желая принимать ее, поэтому приходилось выяснять все самостоятельно.

– То есть... Да, Андре упоминал, что вниз можно спуститься по лестнице, есть еще одно помещение рядом с трюмом... Ты уверен, что слышал рычание?

– Я не глухой, – мужчина нахмурился, вероятно, начиная подозревать и девушку в недоверии ему, – Я слышал рычание также ясно, как слышу тебя, причем несколько раз и... Эй-эй, ты куда это?

Девушка, уже решительно направившаяся в сторону трюма и оказавшаяся остановлена не только словами, но и рукой Ричарда, недовольно остановилась.

– Хочу сходить взглянуть на того, кто рычит, конечно. Разве непонятно?

Людовик, как-то сразу посерьезневший, сдвинул брови и, покосившись на оборотня, немного повернул голову вбок, смотря на искательницу приключений искоса.

– Ты с ума сошла? А подмогу с собой взять? Нет? Хочешь, чтобы тебя съели, да?

– Я согласен с этим парнем, – мужчина неприязненно поморщился, упирая одну руку вбок, – Идти в одиночку смотреть на того или на то, что там рычит – верх безрассудства! И... честное слово, Татьяна, я бы не хотел, чтобы с тобой что-то случилось.

Татьяна, медленно переведшая взгляд с одного из своих собеседников на другого, расплылась в широкой улыбке.

– Ты запомнил мое имя, – отметила она и, отступив на шаг, весело махнула рукой, – Не переживайте. В чем я уверена, так это в том, что тот, кто сидит в трюме, на меня рычать не будет, – она улыбнулась и, мимолетно подмигнув кому-то из своих собеседников (кому именно, она не знала и сама), уверенно направилась в нужную сторону.

Людовик, проводив ее долгим взглядом, тяжело вздохнул и, махнув рукой, панибратски хлопнул Ричарда по плечу.

– Что ж поделаешь, Рикки, нас с тобой бросили на произвол судьбы. Пойдем, объясню тебе, что ли, основы мореходного дела...

Оборотень, медленно переведя взгляд на молодого нахала, неспешно поднял руку и, взяв запястье юноши двумя пальцами, аккуратно убрал его ладонь со своего плеча.

– Не прикасайся ко мне, молокосос, – процедил он, разворачиваясь на каблуках, – В мореходстве я разбираюсь лучше тебя.

Тем временем, Татьяна, цепляющаяся за все встречные снасти, торопливо шагала по палубе к люку, ведущему в трюм, зная, что недалеко от него есть трап, спускающийся вниз и помогающий избежать таких неприятностей, как падение с большой высоты прямо на дно трюмного отсека.

Рычание она слышала еще на последних ступенях трапа и, чувствуя, как сердце радостно сжимается, заторопилась на звук.

Может быть, все это было лишь игрой ее воображения. Может быть, сейчас она совершала самую большую и самую ужасную ошибку в своей жизни... Но Татьяна не сомневалась – рычание это она знает. Ведь не единожды доводилось ей слышать его в стенах замка, еще тогда, когда она только появилась в нем, еще тогда, когда не знала, что рычащего не стоит опасаться.

Внизу было темно. Девушка, пошатываясь в такт качке корабля, ощупывая стены по бокам и стараясь держаться за них, осторожно продвигалась вперед, испытывая чувство некоторого дежа-вю, очень радостное и обнадеживающее чувство, заставляющее забывать про всякий страх.

Идти пришлось недалеко. Свет, падающий из открытого люка, пока еще немного освещал ей дорогу, когда Татьяна оказалась перед большим, темно-красным полотном, загораживающим собою дальнейший путь.

Корабль мотнуло, девушку тоже и, силясь найти подходящую опору, она ухватилась рукой за этот занавес, едва не оборвав его от чрезмерных усилий и, откинув в сторону, решительно шагнула вперед, в полумрак.

Впрочем, особенно густым полумрак этот не казался. Впереди, в дальнем конце представшего ее взгляду помещения находился иллюминатор, сквозь который яркий солнечный день уверенно заглядывал сюда, освещая то, что сразу же обратило на себя внимание Татьяны, заставляя ее невольно заулыбаться.

Перед ней находилась огромная, от пола до потолка, клетка с толстыми прутьями, запертая на тяжелый навесной замок. По клетке, изнывая от недостатка свободы, злясь от собственного бессилия, из стороны в сторону ходил огромный лев.

Желтая грива его становилась темнее к кончикам, сходя практически на черный цвет; хвост тоже, казалось, завершался маленьким угольком. Янтарные глаза смотрели недружелюбно и недоверчиво, а на лбу смутно виднелись темные полосы, как будто прорисованные чьей-то рукой.

Не узнать его было невозможно.

– Винсент... – сорвалось с губ девушки и, забывая об опасности, она бросилась к клетке, вцепляясь руками в прутья, – Винс! Господи, как же я рада тебя видеть!

Лев попятился. Судя по всему, желания вредить излишне ретивой и любопытной гостье, отгрызая ей или руку, или хотя бы несколько пальцев, он не испытывал, да и вообще был явственно обескуражен ее поведением. Со стороны можно было подумать, что хищник напуган внезапно приблизившимся человеческим существом, хотя по логике вещей напугано должно было быть именно это существо.

Татьяна тяжело вздохнула. Узнавания в желтых глазах она не видела и, уже начинающая привыкать к тому, что в этом мире всех резко навестила амнезия, догадывалась, что хранителя памяти сия участь тоже не избежала.

– Винс... Да, понятно, ты не знаешь, кто я, – она потерла лоб и, хватаясь за клетку для устойчивости, прошла мимо нее, – Но, послушай... Ты не помнишь, но мы с тобой друзья, очень хорошие друзья, почти... да что там, Винсент, мы родственники! Ты – мой родной дядюшка, пусть и через много столетий, но это уже так... не идет в счет.

Лев чуть повернул голову набок, продолжая подозрительно созерцать болтающую о чем-то непонятном для него девушку. Та, заметив этот взгляд, испытала мимолетное желание побиться головой о прутья клетки.

– Когда-то ты примерно так же смотрел на меня, когда я стояла в твоей клетке в подвале Нормонда, – Татьяна набрала побольше воздуха, надеясь вместе с ним набрать в легкие и терпение, – Винсент, этот мир – неправильный мир, он изуродованный, исковерканный, выдуманый Альбертом! В нормальном мире замок не был разрушен, Эрик стал твоим хозяином, а через три столетия пришла я и помогла тебе вернуть ему память! Я знаю, кто ты такой, знаю, что облик льва – не твой настоящий облик, знаю, что ты живешь на этом свете больше тысячи лет, и если ты не прекратишь смотреть на меня, как на идиотку, я не знаю, что я сделаю с тобой! Винсент!

Лев тяжело шагнул вперед, продолжая сверлить девушку мрачным взглядом, шагнул так неотвратно и грозно, что ей на какое-то мгновение даже стало не по себе. А потом... Потом он вновь, как и много раз прежде, опустил морду между двух передних лап, вытянул их вперед, сам сгибаясь, сжимаясь, напряживаясь...

Татьяна замерла, прижимая к груди руки и почти с восторгом глядя, как желто-черная грива сменяется темно-каштановыми вьющимися волосами, как когти обращаются в ногти и царапают пол клетки, как огромный хищник превращается во взрослого мужчину, столь же мрачного, столь же недружелюбно настроенного, но все-таки уже человека, а не зверя.

Он медленно выпрямился – такой знакомый, такой родной и, вместе с тем, непреодолимо далекий, какой-то чужой, недоверчивый и подозрительный и, хмурясь, всмотрелся в заявившуюся к нему девушку внимательнее.

– Кто ты? – вопрос прозвучал довольно резко, чувствовалось, что мужчина не в духе, – Откуда ты знаешь, кто я, откуда знаешь про Нормонд? Замок был разрушен триста лет назад, никто из ныне живущих не может помнить о нем!

– Но я помню! – Татьяна на секунду закусила губу и покачала головой, – Винс... Я не лгу тебе, этот мир неправильный, он переделан, исковеркан, а в нормальном мире Нормонд существует! Не далее, как вчера утром мы были в нем – ты и я, – вместе с нашими друзьями! Черт возьми, ну сделай ты хоть усилие, чтобы вспомнить! Я... – неожиданная мысль пришла ей в голову, и девушка, торопясь, полезла в карман, – Я... сейчас, секунду... Я нашла твое кольцо, может быть, когда ты его наденешь...

– Я не буду надевать ничего из твоих рук! – хранитель памяти нахмурился, – Я не знаю, кто ты, я не знаю, что тебе нужно, я... – он неожиданно запнулся и, шагнув немного вперед, всмотрелся в собеседницу еще пристальнее, будто надеясь проникнуть в ее мысли, – Я даже не знаю, почему ты кажешься мне знакомой...

Татьяна нащупала кольцо и, сжав его в кулаке, медленно вытащила руку из кармана.

– А я не знаю, почему ты не умеешь слушать! Винсент, я ведь сказала тебе – ты мой родной дядя, то есть... Я в том смысле, что я твой потомок, через много-много сотен лет... Но ты мне все-таки дядя, да к тому же еще и очень близкий друг, мы с тобой очень много пережили вместе, и... вот, – не в силах продолжать сумбурные объяснения, она вытянула вперед сжатую в кулак руку и медленно раскрыла пальцы, демонстрируя кольцо. Рука при этом оказалась просунута между прутьев клетки, перстень оказался непозволительно близко к хранителю памяти, и тот немного отшатнулся, хмуро созерцая представляемое ему украшение.

– И что это? – вопрос мужчины прозвучал не менее, а то и более мрачно, чем предыдущие его слова. Винсент тяжело вздохнул и, мотнув головой, отступил еще на пару шагов.

– Послушай, девушка, я не знаю, кто ты и чего ты от меня хочешь. Я не знаю, не могу понять, как ты можешь столько знать обо мне. Но я знаю одно совершенно точно – принимать что-либо из рук незнакомцев любого пола не советуют еще родители в детстве, а я был послушным сыном! Поэтому будет гораздо лучше, причем для нас обоих, если ты...

– Татьяна! – звонкий молодой голос, донесшийся откуда-то из-за занавеса, скрывающего клетку, где находился мужчина, заставил обоих собеседников непроизвольно вздрогнуть. Послышались уверенные шаги, и Винсент, вне всякого сомнения не желающий демонстрировать свою истинную суть еще кому-то, торопливо попятился к дальней стене клетки, явно собираясь вновь обратиться львом. Татьяна, вопреки ему совершенно не хотевшая такого расклада, открыла, было, рот, чтобы как-то остановить, успокоить, сообщить, что приближающемуся человеку можно доверять... но не успела.

Впрочем, и хранитель памяти не успел принять звериного облика, ибо приближающийся человек передвигался довольно быстро и, не прошло и нескольких секунд, как он уже уверенной рукой отдернул занавес, решительно заходя в отгороженное им пространство.

– Тебя тут что, все-таки съели? – Людовик, который, к изумлению девушки, внимательно отслеживал время, проведенное ею в трюме и явившийся на выручку, вопросительно приподнял брови, – Что ты тут... – взгляд его скользнул к клетке и парень, умолкнув на полуслове, чуть приоткрыл рот, созерцая очень хмурого и мрачного человека за ее прутьями.

Винсент передернул плечами и, скрестив руки на груди, демонстративно устоялся куда-то в стену. Судя по всему, демонстрировать свои способности вновь прибывшему он не желал, предпочитая оставаться в его глазах пленником человеческого рода.

Луи обалдело покрутил головой и, шагнув ближе к клетке, уцепился за ее прут, приближая к нему лицо и прижимаясь щекой к холодному металлу.

– А тебе везет находить его снова и снова, да? – медленно выговорил он, обращаясь к девушке, хотя и не глядя на нее, – Да и вообще в этом мире удача явно на твоей стороне... Эй, кот! – на губах юноши вспыхнула широкая улыбка, – Как дела?

– Кто ты такой? – хранитель памяти, нарочито медленным, надменным движением вновь повернул голову, обращая взгляд к новому собеседнику, – Тоже знаешь меня?

Людовик мимолетно сдвинул брови и, оглянувшись на Татьяну, вопросительно кивнул в сторону пленника.

– Тоже амнезия?

– Да, доктор, – девушка негромко хмыкнула и, вздохнув, продемонстрировала соратнику перстень, который держала в руке, – Я думаю, что, если он наденет его, память может вернуться, но он отказывается... Ты маг, скажи, я права или нет?

Луи демонстративно задумался, переводя взгляд с Винсента на перстень и обратно, затем важно кивнул.

– Пациент скорее прав, чем мертв. Давай, Винс, надевай колечко!

– Вы два безумца, – хранитель памяти сдвинул брови, переводя взгляд с девушки на молодого человека и обратно, – Двое сумасшедших, откуда-то знающих, кто я такой... Я не стану напяливать всякую дрянь себе на палец, я, в отличие от вас, пока нахожусь в здравом уме.

Татьяна только покачала головой. На губах ее против воли возникла улыбка, которую девушка искренне попыталась подавить.

– Ты не меняешься, – негромко заметила она, – В каждом мире, в любом мире и в любом месте – одни и те же слова. Когда мы нашли в избушке Рейнира это кольцо, между нами произошел примерно такой же разговор – я предложила тебе его надеть, а ты ответил теми же словами, что и сейчас. Но после, путешествуя по Италии, ты встретил человека, который объяснил тебе, что в перстне нет ничего страшного – он был просто безделушкой старого мага, поэтому ты вполне можешь позволить себе носить его.

Хранитель памяти, выслушавший все это с величайшим вниманием, на последних словах насмешливо хмыкнул.

– И какой тогда смысл его надевать? Если что с перстнем, что без него ничего не изменится, значит...

– Но этот мир отличается от нормального, – молодой маг, на правах знающего и разбирающегося человека, решительно перебил пленника, – По словам Татьяны, перстень был у тебя на пальце, когда она видела тебя в последний раз в том мире. Перстень, принадлежавший такому сильному магу, как Рейнир, априори не может быть простой безделушкой, хотя бы потому, что некоторое время он впитывал силу своего бывшего хозяина. Велика вероятность, что он мог впитать и твои воспоминания о нормальном мире и, соответственно, надев его, ты их вернешь.

– Не тебе учить меня, как возвращать воспоминания, – Винсент окинул собеседника долгим, красноречиво насмешливым взглядом и, кашлянув, перевел взгляд на девушку, – Я могу поверить тебе, но не ему. У него слишком злые глаза.

Парень, оскорбленный в лучших чувствах, негодуя ахнул и, сделав шаг назад, в возмущении указал на себя пальцем.

– Это у меня-то злые глаза?? Здесь просто нет зеркала, чтобы ты мог сравнить мой добрый, лучистый взор со своим мрачным взглядом! Надевай кольцо, хватит ломать комедию!

– Даже после всего, что я услышал, я не могу надеть его, пока не обдумаю все это! – мужчина упрямо опустил голову, становясь похожим на барана. Юноша закатил глаза.

– Ради святых дельфинов, Винс! Ты ломаешься, как девица на выданье, честное слово! Поверь, ни я, ни Татьяна даже в планах не держим звать тебя замуж, колечко тебя ни к чему не обяжет, – голос его стал слащавым, – Это просто знак внимания от преданных друзей потеврявшему память приятелю, брак мы регистрировать не будем. Поэтому надень его, а если не понравится, как выглядит – снимешь.

Хранитель памяти, ощутило сдаваясь, хотя и против воли, под тяжестью фактов, поморщился, делая неуверенный шаг вперед. Взгляд его, прикованный к перстню, скользнул к одному из людей, убеждающих его этот перстень надеть.

– Значит... ты маг? – он нахмурился, недоверчиво рассматривая юное лицо, лицо человека беззаботного, хотя и жестокого, лицо, казалось бы, совершенно не соответствующее столь важному званию. Людовик легко кивнул. В кивке этом не было ни самодовольства, ни гордости, ни какой-либо напыщенности – для этого юноши его магическая суть, его умения были чем-то самим собой разумеющимся, чем-то не требующим особого внимания. С тем же успехом он мог бы подтвердить свое имя или возраст.

Винсента, впрочем, это не убедило. Он тяжело вздохнул, всем своим видом отражая, что думает о юнцах, приписывающих себе какие-то невероятные умения и неожиданно, очень резко, схватил кольцо с ладони Татьяны.

– Сам-то ты уверен в этом? – хмыкнул он и, подняв перстень на уровень своих глаз, недоверчиво повертел его, изучая со всех сторон. Обнаружив внутри гравировку на латыни, он прищурил один глаз, вчитываясь в нее, а затем саркастически ухмыльнулся.

– «Однажды здесь засияет солнце», ну-ну... многообещающе, – он качнул головой, а затем вдруг внезапным решительным движением натянул кольцо на палец.

Все замерло. Татьяна, стиснув прутья клетки, обеспокоенно взирала на хранителя памяти; Людовик, закусив губу, просто ждал, что же произойдет.

Мужчина, сам честно выждав несколько секунд, хмыкнул и пожал плечами.

– Похоже, вы были правы – это обычная дурацкая безделушка, – он поднял руку с перстнем и, глядя на опал, продолжил, – Я не чувствую ничего... – голос его внезапно прервался, глаза расширились. Рука, поднятая на уровень глаз, едва заметно задрожала, но Винсент этого даже не заметил. Он неуверенным, каким-то дерганым движением поднял вторую руку и, прижав ее к виску, еще пристальнее взгляделся в опал.

Облака, плывшие по его поверхности, мутились, размывались перед его взглядом, а в сознании мелькали смутные, но становящиеся все четче и четче картины воспоминаний. Их становилось все больше, они неслись огромной волной, грозя захлестнуть, утянуть в безбрежное море памяти, грозя просто уничтожить, стереть личность человека, рискнувшего обратиться к ним.

Винсент шатнулся, отступил на шаг назад, не сводя пристального взгляда с перстня, затем вновь шагнул вперед, медленно сжимая вздетую руку в кулак.

Молодые люди, переглянувшись, в немом ожидании уставились на него. Что-то подсказывало им, что сеанс возвращения памяти, буде он действительно происходил, уже завершен. Но вот... вспомнил ли Винсент действительно, на самом деле все, что должен был вспомнить? Или он обрел какие-то другие, более древние воспоминания? А может, в этом исковерканном мире и перстень с опалом претерпел изменения, и вернул ему такую же исковерканную память?..

– Привет, Татьяна, – хранитель памяти медленно опустил руку и, глянув на девушку, широко улыбнулся, – Давно не виделись, еще с нормальных времен.

– Винс... – Татьяна, сама расплываясь в улыбке, прижалась к прутьям решетки, – Винс! Как же я рада видеть тебя... слышать... знать, что ты опять меня знаешь!

– Ну, тебя-то я, безусловно знаю, родственница, – мужчина кивнул и, сунув одну руку (ту самую, на которой было кольцо) в карман, медленно перевел взгляд на Людовика, – Но вопросы мои еще не исчерпаны. Что здесь делает этот тип? Как ты вообще ухитрилась с ним связаться, что... что за чертовщина происходит?

– Приятно слышать умные вопросы из твоих уст, – Луи сверкнул широкой улыбкой и, отступив на шаг от клетки, склонился в вежливом поклоне, – Сейчас я все тебе...

– А я не тебя спрашивал, – хранитель памяти безмятежно пожал плечами, – С тобой мне общаться неприятно, парень. У тебя глаза злые.

Молодой маг на несколько секунд лишился дара речи. Подобных заявлений, подобных наездов на свою вельможную персону он, вне всякого сомнения, не ожидал, поэтому как реагировать на них, нашелся далеко не сразу. Впрочем, и реакция его, будь она придумана, сильно бы запоздала, ибо Винсент не преминул продолжить разговор.

– Так что произошло? Последнее, что я помню, это как ты, – он кивнул на Людовика, – Воткнул кинжал в грудь Альберту... А потом я оказался в клетке. Честно говоря, воспоминания этого мира от меня несколько ускользают, они довольно смутны... Черт! Кого там еще несет?

Со стороны занавеса действительно вновь раздались чьи-то шаги, смутный шорох, стук, чертыхание... Винсент, окинув взглядом обоих своих собеседников, торопливо отступил назад и в спешном порядке, не давая никому сказать и слова, опять принял львиный облик. Кольцо, к изумлению отметившей это для себя девушки, при этом с его руки не соскочило, хотя на львиной лапе никак не проявилось, просто покрывшись шерстью вместе с кожей мужчины.

Опять послышался стук – похоже было, что кто-то куда-то врезался, – и знакомый голос раздосадовано произнес:

– Понаставили стен, пройти мешают! Эй! Аууу!

– Мы здесь, Роман, – Людовик, немного расправивший плечи, с видом безмятежно-задумчивым привалился спиной к прутьям решетки и скрестил руки на груди, – Иди на мой голос, присоединяйся к нашей дружной компании.

– Я уже почти присоединился, – виконт отдернул занавес и, окинув довольно претенциозным взглядом всю компанию, к коей ему предлагалось примкнуть, вежливо изогнул бровь. Затем кашлянул и, воздев руку, указал пальцем на льва, сумрачно возлежащего в дальнем углу клетки.

– Откуда здесь *это*?

– Это – лев, – подсказала Татьяна, мельком вспомнив, что приблизительно так виконт реагировал, когда она нашла кошку, – Ну... не то, чтобы прямо совсем уж лев, но, во всяком случае, отчасти...

Роман на несколько секунд примолк, сверля ее взглядом. Затем медленно приблизился к клетке, пытливо созерцая ее обитателя и, вновь отступив, внезапно посерьезнел.

– Не люблю говорить без шуток, но терпение мое на исходе. Я устал быть на вторых ролях, устал быть единственным ничего не понимающим идиотом в нашей компании! Я не помню, вернее, помню плохо то, что было, но я готов был поверить в ваши слова, просто потому, что доверяю вам. Но сейчас вы опять пытаетесь держать от меня какие-то тайны, опять оставляете меня за бортом и мне это не нравится! Я – не лишний здесь, я – виконт де Нормонд, брат Эрика, твой брат, Луи, я могу помочь и не надо держать от меня тайны!

Говорил разгневанный юноша, обращаясь исключительно к уже известным и знакомым ему молодым людям, совершенно не обращая в этот момент внимания на льва. И именно поэтому, когда в закутке за занавесом вдруг раздался хрипловатый, смутно знакомый ему мужской голос, парень едва ли не подпрыгнул, приоткрывая от изумления рот.

– Никто не держит от тебя тайн, друг мой. По крайней мере... больше не держит.

Роман медленно шагнул вперед, озадаченно глядя на спокойно стоящего среди большой клетки мужчину и, пару раз моргнув, попытался сопоставить в своем сознании облик льва и облик человека.

– Твоего кота за гриву... – сорвался с его губ потрясенный шепот, мигом давший понять всем присутствующим, что о шутках своих виконт забывать отнюдь не планировал, просто ожидал наиболее подходящего для них момента.

Винсент тяжело вздохнул. Ему, вспомнившему все, что было в обычном, нормальном мире, вспомнившему все их общее прошлое, подобные шуточки были хорошо знакомы.

– Тактичен, как всегда, – он покачал головой и, неожиданно подойдя к прутьям клетки, протянул юноше сквозь них руку, – Здравствуй, Роман. Давно ли я приветствовал тебя по возвращении из путешествия...

– Погоди-погоди, – молодой человек, абсолютно машинально пожав руку новому знакомому, повернул голову чуть вбок, пристальнее всматриваясь в него, – Погоди... Но я ведь знаю тебя, не так ли? Ты же... тот кот, я помню, да... У Эрика был кот, ручной лев, который потом оказался человеком, его звали... звали... – заметив, что Татьяна собирается подсказать, Роман жестом приказал ей молчать, – Я сам вспомню! Сейчас, вертится, вертится... то ли Мурзик, то ли Барсик... Винсент!

– Бинго! – несостоявшийся Мурзик с хлопком соединил ладони и довольно кивнул, – Ты не безнадежен, мой старый друг, при надлежащем лечении память еще может вернуться к тебе.

– Память, вернуться... – юноша недовольно махнул рукой, окидывая долгим взглядом толстые прутья, – Вы я, смотрю, здесь так мило общаетесь, ну чисто работоторговцы с рабом! Нельзя, что ли, котика пустить погулять по палубе? Если там нашлось место песику, думаю, ему тоже тесно не будет... А я бы предпочел продолжить беседу на свежем воздухе. Здесь на меня... занавеска давит.

– Все не так просто, – хранитель памяти, заметив, что Людовик, которому брат подал столь замечательную мысль, уже тянется к замку, жестом остановил его, – Клетка заперта не только замком, но и чем-то еще, чем-то... более сильным, нежели я встречал когда-либо. Боюсь, открыть ее под силу лишь тому, кто меня сюда посадил... Да, кстати. Как вы могли сесть на корабль контрабандиста?!

– Он не сказал, что он контрабандист, – Луи, которому не позволили попытать силу и сломать замок, недовольно пожал плечами.

– Он наврал, что он хороший, – воодушевленно кивнул, подтверждая, Роман. Татьяна негромко вздохнула и, сжав губы, сама опустила подбородок, подтверждая слова друзей.

– Тем более, что его нам посоветовал Чарли...

– Так вы и с ним тут успели свидеться?! – хранитель памяти недоверчиво нахмурился и, тяжело вздохнув сам, запрокинул голову, рассматривая потолок, – Боже-Боже, на что только не способны брошенные без присмотра дети... Довольно пустой болтовни. Зовите сюда хозяина судна, уговаривайте его отпереть замок. Если, конечно, он согласится...

За Андре единодушно решили отправить Романа. Татьяна, успевшая за время пребывания в перевернутом мире соскучиться по дядюшке, не желала оставлять его, опасаясь, как бы он вновь не исчез. Людовик, решительный и бескомпромиссный, как всегда, в категоричной форме высказал желание как следует изучить засов клетки, как обычный, так и магический, дабы в конечном итоге суметь его взломать.

Виконт же, практически не помнящий в Винсенте друга, несколько опасаящийся его львиных когтей – факт удивительный и необычный, ибо, пребывая в нормальном своем состоянии, юноша льва не опасался совершенно, – казался самой подходящей кандидатурой для передачи важного сообщения капитану судна и, вообще говоря, вызвался на это сам.

Впрочем, ошибкой такое решение, вне всякого сомнения, назвать было нельзя.

Стоило Роману, вылетев на палубу, сделать страшные глаза и завопить: «Капитан, иди скорее! Наши там ТАКОЕ нашли!», как Андре поспешно закрепил штурвал и, предоставив судну продолжать движение под всеми парусами заданным курсом, поторопился вниз.

За занавес, на который красноречиво указал сопровождающий его виконт, парень влетел чуть не бегом и, остановившись, как вкопанный, приоткрыл рот, не веря своим глазам.

– Э... это... – он неуверенно поднял руку, указывая на мужчину в клетке и потрясенно покрутил головой, – К... как... кто... кто??

Татьяну и Луи он в эти секунды, вне всякого сомнения, даже не замечал, полностью поглощенный созерцанием незнакомца в клетке, где, как ему помнилось, должен был бы быть лев.

– Как это – кто? – хранитель памяти недовольно хмыкнул и, передернув плечами, скрестил руки на груди, – Тот, кого ты поймал, парень, али запомятовал?

– Я... я... – Андре, потрясенный и растерянный, затряс головой, – Я никого не... То есть, я ловил, но не тебя! Ты... ты...

– Ага, стало быть, кого-то он все-таки ловил! – Роман провокационно прищурился и, наигранно вздохнув, хлопнул пребывающего в нескрываемом шоке капитана по плечу, – Эх, а я-то думал, что ты контрабандист, а не работороговец... Какое разочарование!

– Нет, я... так и есть, то есть... – капитан схватился за голову, – Я ничего не понимаю! Я... мне было велено найти льва, большого, настоящего льва и доставить его одному человеку для пополнения зверинца! За это гарантировали хорошие деньги, я согласился... Но в клетке был лев! – он растерянно оглядел всех присутствующих здесь, затем вновь переводя взгляд на Винсента, – Клянусь, там был лев! А... а это... кто это?..

– А это не совсем лев, – пасмурно отозвался хранитель памяти и, вздохнув, сам окинул долгим взглядом своих друзей, – Ребята, может, вы подскажете ему, что надлежит делать, если обнаружил у себя в клетке человека?

Людовик демонстративно прижал палец к подбородку, глубоко задумываясь.

– Ммм, мои познания в этом вопросе не слишком глубоки, должен признать, да и если вспомнить, чему меня учил дядя...

– Не надо вспоминать, – поспешно отказался Винс и с надеждой воззрился на девушку. Андре все это время продолжал стоять, слушая легкий разговор пленника с пассажирами с таким видом, словно смотрел увлекательную телевизионную программу.

Татьяна, начиная понимать, что без ее вмешательства, как обычно, не может решиться ничего ни в одном из миров, осторожно тронула его за плечо.

– Андре...

Капитан вздрогнул, вырванный из собственных мыслей и перевел на нее по-прежнему растерянный взгляд. Девушка быстро улыбнулась и красноречиво кивнула в сторону клетки.

– Может, выпустишь его?

– Выпустишь... – медленно повторил капитан, силясь понять, о чем его просят, и тут же торопливо закивал, бросаясь к так и не побежденному Людовиком навесному замку, и на ходу выуживая из кармана ключ, – Да-да-да, конечно, конечно! Господи, это же какое-то безумие... Чтобы у меня на борту, в клетке сидел человек! Какой кошмар, если это дойдет до мастера, мне не жить...

Ключ легко вошел в темнеющую на немного заржавевшем железе скважину. Андре как-то напрягся, сосредоточился, сверля замок тяжелым взглядом, как будто уговаривая его не упрямиться и подчиниться действиям, и с видимым усилием повернул ключ. Раздался злоеющий скрип, и хранитель памяти закусил губу. На ум пришла безрадостная мысль, что если ключ от чрезмерного старания парня сейчас сломается, оставшись в замке, то свободы ему не видать уже вовек. Если только друзья найдут где-то здесь ножовку, да перепилят или дужку замка, или прутья решетки...

– Мастер настолько строг? – Татьяна, внимательно наблюдающая за действиями капитана, чуть приподняла брови. Тот факт, что Альберт, сам будучи отнюдь не образцом добродетели, может карать за какие-то преступления, считающиеся неприемлемыми и в нормальном мире, почему-то не укладывался в ее сознании. Разве негодяй не должен поощрять себе подобных? Или же он пытается изобразить из себя святого, хочет завоевать людское расположение?

Андре, как раз начавший с усилием поворачивать ключ еще раз, остановился и, обернувшись через плечо, воззрился на девушку, как столяр на табуретку.

– Похищение человека, удержание его где-либо против воли – это преступление, – медленно, назидательно вымолвил он и, вздохнув, покачал головой, – Откуда же ты взялась такая, что ничего не знаешь... Мастер карает преступления достаточно строго, он считает, что изменить преступника не может ничто, поэтому лучше просто его уничтожить. За некоторые преступления, правда, он все же заключает в камеру, но то, что натворил по незнанию я, карается смертью. А я не хочу на плаху из-за глупой ошибки, откуда я мог знать, что пойманный мною лев на самом деле и не лев вовсе?!

– Тихо, тихо, – хранитель памяти, уже истомившийся в ожидании освобождения, примирительно поднял руки, – Не отвлекайся и открой замок. Обещаю, мы не будем жаловаться мастеру, даже если он будет нас пытаться. Я не в обиде на тебя, парень – каждый может ошибиться!

Андре, мрачнющий с каждым мигом все больше и больше, пасмурно кивнул и, набрав побольше воздуха в грудь, стиснул зубы, с еще большим усилием проворачивая ключ в замке.

Роман недовольно сморщился и зажал уши.

– Если он заскрипит еще чуть громче, Альберт точно все услышит!

– Надо было смазать сначала, – Людовик неодобрительно поджал губы, – Эх, дилетант ты, капитан, в том, что касается клеток...

– Иди на палубу, матрос, и следи за курсом! – рыкнул капитан и, вынув ключ из замочной скважины, убрал его в карман. После чего уверенно добыл из нагрудного кармана рубашки (сегодня он был одет не так, как в день знакомства с Татьяной, и рубаха, обтягивающая его торс, казалась вполне современной, чего нельзя было сказать о штанах и высоких сапогах) ключик гораздо более меньший, какой-то очень скромный по сравнению с убранным и, приподняв замок, вставил его в скважину с обратной стороны.

Этот ключ повернулся легко, да к тому же всего один раз, и замок, к радости всех присутствующих не щелкнул, а протяжно застонал, отпуская доселе крепко удерживаемую дужку. Андре с усилием раскрыл последнюю и, кое-как выдернув из петель, распахнул дверь клетки.

Хранитель памяти, не дожидаясь дополнительного приглашения, торопливо покинул последнюю и, отойдя подальше, с видимым удовольствием вдохнул несколько спертый, но даже здесь соленый морской воздух.

– Верьте или нет, но в клетке дышится совсем иначе, – искренне произнес он и, крепко обняв бросившуюся ему на шею Татьяну, хлопнул по плечу виконта, – Ладно, ведите меня наверх. После клетки мне не терпится увидеть простор...

Роман, явственно сомневающийся в новом знакомом, не доверяющий ему столь же безоговорочно, как девушка, кивнул и поспешно зашагал вперед. Увидеть простор ему, судя по всему, не терпелось ничуть не меньше, чем Винсенту.

Андре, оставшийся позади, проводил их долгим, мрачноватым взглядом и, вздохнув, на несколько секунд закусил губу. Затем покосился на внимательно наблюдающего за ним Людовика и, выдавив из себя жалкое подобие улыбки, развел руками.

– Не могу поверить, что это правда. Я даже и в мыслях не держал...

– Конечно, – молодой маг тонко улыбнулся и, кивнув, легко махнул рукой в сторону выхода, – Поспешите, капитан, а то корабль унесет в далекие дали без вашего ведома.

– Я закрепил штурвал, – Андре в раздумье толкнул дверь клетки, закрывая ее и, бросив быстрый взгляд на собеседника, медленно опустил подбородок, – Хотя ты, разумеется, прав. Идем на палубу, ее нельзя бросать без присмотра.

Луи спокойно кивнул в ответ и, проводив взглядом удаляющегося парня, едва заметно сузил глаза. В искренность его слов, как и в его неосведомленность молодой человек не верил.

...На палубе царило радостное оживление.

Владислав, едва увидевший поднимающегося на палубу мужчину, просиял, как солнце в ясный день и, вскочив на ноги, забывая про рисунок на парусине, бросился к нему.

– Винс! Черт возьми, вот это сюрприз! Как ты, откуда здесь? Ты... – он вдруг замер и взволнованно оглядел сопровождающих нового члена их команды Татьяну и Романа, – Он... помнит?.. Хоть что-нибудь?..

– Даже более, чем, месье Цепеш, – хранитель памяти ухмыльнулся и, принимая на себя вид совершеннейшей невинности, осведомился голосом, каким справляются о здоровье матери, – Как чувствует себя ваш железный транспорт?

Ответил ему вовсе не тот, к кому он обращался, что, в общем-то, можно было полагать почти нормальным.

– Страдает в одиночестве на берегу, – Людовик, успевший нагнать друзей, выглянул из-за спины брата и ухмыльнулся, – Роняет бензиновые слезы, оплакивая удалившегося в неизвестность дорогого и любимого хозяина...

– Хватит хохмить, де Нормонд, – Владислав нахмурился, сжимая кулаки. Шутки по отношению к своему мотоциклу выносить он по-прежнему не желал.

– Я еще не расквитался с тобой за прошлый раз, – продолжил он, немного надвигаясь на хладнокровно улыбающегося мага, – А ты опять...

– Узнаю нашу милую и дружелюбную атмосферу! – возвысил голос Винсент и, улыбнувшись сам, ободряюще хлопнул Цепеша по плечу, – Не расстраивайся. Он специально провоцирует тебя на драку.

– Узнаю нашего умудренного жизненным опытом кота! – возвысил голос еще сильнее Людовик и, хмыкнув, вытянул руку вперед, указывая на что-то, – Кстати, Винс, обрати внимание на экспонат на носу корабля. Видишь песика?

– Сбавь обороты, мальчишка, – хранитель памяти быстро улыбнулся и, немного склонив голову, всмотрелся в «экспонат», на который указывал юный маг, – Я еще не уверен, что могу тебе доверять... Песика? – он оглянулся через плечо и выразительно приподнял бровь.

На носу корабля, с видом довольно унылым и мрачным, стоял, облокотившись на поручень, никто иной, как Ричард Бастар Лэрд собственной персоной, и Винсент, с некоторых пор знающий, а только что еще и вспомнивший о путешествии в его память, знающий, кем приходится этот человек столь пренебрежительно отзывающемуся о нем юноше, испытывал некоторое удивление.

Луи тяжело, очень устало вздохнул.

– Во-первых, доверять мне ты можешь уже хотя бы потому, что видел, как я убил Альберта. То, что из-за этого образовался целый сумасшедший мир... Ну, не будем о грустном. Что же во-вторых, то да, Татьяна известила меня, что песик – мой родной дядюшка, но, увы, в отличие от тебя, чужого мне по крови и по духу, Рикки не помнит решительно ничего, – парень наигранно вздохнул и даже демонстративно всхлипнул, – Даже нас, своих родных племянников он не помнит, а как же мы без его мудрых наставлений?!

– Постараюсь заменить его мудрые наставления своими, – хмыкнул Винсент, – Взрослого авторитета вам тут, я погляжу, остро не хватает – это же надо, с контрабандистом связались! Да, кстати. Куда вы, собственно, планировали добраться на этом корабле?

– К отцу, – буркнула Татьяна и, тяжело вздохнув, сама воззрилась на хмурого, как осеннее небо, Ричарда, – Мы небезосновательно полагаем, что он держит Эрика в плену.

– Интрига закручивается, – мужчина в раздумье покусал губу, затем глубоко вздохнул и уверенно кивнул, – Ладно. С корабля нам в любом случае уже никуда не деться, так что давайте-ка присядем куда-нибудь, хоть даже и на палубу, и обсудим все происходящее. Мне чрезвычайно любопытно узнать, что же вы успели натворить в этом мире и как вообще все ухитрились встретиться.

– Это все Татьяна и ее редкостное везение, – мигом наябедничал Людовик. Роман, как человек не сведущий в их приключениях, пока был принужден отмалчиваться, чем казался очень недоволен. Винсент, медленно переведя взгляд с него, с человека, от которого привык постоянно слышать шутки, на младшего из двух остряков, тихонько вздохнул и, окинув палубу красноречивым взором, присел на кнехт, вокруг которого был аккуратно свернут швартов. Лицо его отобразило величайшее внимание и готовность слушать.

– Интересно, сколько раз еще нам придется все это рассказывать... – девушка, сидящая на уже привычном для нее месте – на бухте каната, сложенного недалеко от фок-мачты, тихонько вздохнула и грустно подперла подбородок кулаком. Сама она не принимала особенно активного участия в очередном пересказе событий, случившихся с ней после падения в подпол в Нормонде и приведших к встрече с друзьями, лишь кивала и поддакивала словам Луи, но воспоминания были ей неприятны. Хотелось отвлечься от прошлого, забыть о нем, хотелось уделить внимание исключительно грядущим событиям и, наконец, понять в той или иной степени, как же им надлежит действовать. Надежды на исполнение этого желания она целиком и полностью возлагала на Винсента, как на человека более взрослого, разумного и рассудительного. Быть может, не последнюю роль в этом играл и тот факт, что хранитель памяти был ее родственником.

– В следующий раз все перескажу я, – утешил ее упомянутый родственник и, быстро улыбнувшись, прибавил, – Я ведь еще не сложил с себя полномочий придворного сказителя. Однако, давайте без шуток, – улыбка на его лице погасла, и мужчина внимательно оглядел всех окруживших его молодых людей, – После всего узнанного я могу с уверенностью сказать, во-первых, что я рад, что ты, наконец, образумился, Людовик, – он остановил взгляд на молодом маге и церемонно кивнул, – Признаю, я рад твоему обществу уже хотя бы потому, что от Альберта ты почерпнул много знаний, которые вполне могут пригодиться нам. И, безусловно, потому что ты помог Татьяне... Значит, Ричард ничего не помнит, – мужчина повернул голову, всматриваясь в фигуру лорда, по-прежнему стоящего на носу и абсолютно не планирующего присоединиться к их общей дружной беседе, – Не помнит и Роман... – взгляд его метнулся к мрачноватому виконту, – О том, что случилось, в полной мере известно лишь мне, Татьяне, Луи и Владу. Что ж, уже неплохо, почти полная команда по возвращению мира к нормальным истокам. Хотя, быть может, я сумею пополнить ее еще на одного участника... – он тяжело встал и, не мудрствуя лукаво, приблизился к Роману, сидящему на теплой, согретой лучами солнца, палубе по-турецки. Постоял с мгновение и неожиданно опустился перед растерявшимся юношей на одно колено. После чего аккуратно, ухитряясь сохранить равновесие, воздел руки и исполненным достоинства жестом возложил их на голову совершенно обалдевшего виконта, легонько сдавливая его виски.

Парень шарахнулся, пытаясь выскользнуть из хватки теплых рук и, хмурясь, подозрительно взгляделся в своего незнакомого друга.

– Эй... ты чего это?..

– Не дергайтесь, пациент, – последовал довольно хладнокровный ответ, и Винс, не позволяя собеседнику отодвигаться, сильнее сжал его виски, – Я попытаюсь вернуть тебе утраченное, вернуть память, отобранную Альбертом...

Роман фыркнул. Было очевидно, что в способностях нового спутника он отнюдь не уверен.

– Если памяти меня лишил действительно Альберт, – начал он, – Как можешь ты...

– Утихни, – хранитель памяти нахмурился и, заставив юношу поднять голову, внимательно взгляделся ему в глаза, – При нашей последней встрече Альберт мечтал изучить меня, чтобы понять, познать мои способности. Судя по всему, хоть сделать ему этого и не удалось,

он все-таки решил попытаться поиграть в хранителя памяти, потому что я чувствую нечто знакомое... Закрой глаза, Роман. Закрой глаза и постарайся представить большое озеро... – голос Винсента зазвучал тише, мягче, стал каким-то успокаивающе-убаюкивающим и, вместе с тем – неодолимо-властным. Не подчиниться ему казалось невозможным, и виконт, недовольно хмыкнув, с видом вселенского одолжения все-таки закрыл глаза, очень явственно пытаясь представить себе требуемое озеро.

– Большое или маленькое? – представлять молча юноша явно был не в состоянии: глаз он не открывал, однако, болтать не прекращал, желая сделать картинку более полной, – Соленое или пресное? Круглое или квадратное?

Винсент попытался не дать себе разозлиться.

– Треугольное! – рыкнул он и, продолжая удерживать голову виконта, легонько потрянул ее, – Умолкни, я сказал, не отвлекай меня!

– Какие доктора нервные пошли – только бы на больного ругаться, – недовольно пробурчал молодой человек и с видом одолжения еще большего, чем прежде, неохотно умолк. Хранитель памяти, подождав некоторое время и убедившись, что больше его пациент мешать процессу восстановления воспоминаний не планирует, сам прикрыл глаза.

Наблюдающие за этим молодые люди переглянулись и, невольно напрягшись, синхронно подались вперед, всматриваясь в происходящее. Видеть хранителя памяти за работой, исполняющего свои самые непосредственные и, вместе с тем, косвенные обязанности, возвращающего память, отнятую кем-то другим, им еще не доводилось и, надо признать, всем и каждому это было чрезвычайно интересно.

– Какая грязная работа, сколько заплата... – пробормотал Винсент. Глаза его под закрытыми веками шевелились – мужчина явно бродил по памяти старательно воображающего озеро Романа.

– Сколько перегородок, помех, как все топорно сделано! – мужчина тяжело вздохнул и чуть покачал головой, – Но старательно... Он не знал, как делать правильно, однако приложил много усилий... Расслабься, Роман. Сейчас может быть немного неприятно, постарайся не отвлекать внимание от озера... – он на миг закусил губу и, неожиданно отдалив ладони от головы юноши, коснулся двумя пальцами с каждой стороны его висков, сдавливая так, что молодой человек невольно охнул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.